

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

7

1 9 3 7

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ИЮЛЬ 7
1937 г.

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Приговор народа

11 июня с. г. Специальным судебным присутствием Верховного суда Союза ССР было рассмотрено дело Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Фельдмана, Путны, Примакова, Корка — восьми пойманных с поличным агентов разведки одного из иностранных государств, ведущего недружескую политику по отношению к СССР.

Специальное судебное присутствие в составе лучших представителей нашей любимой и доблестной Рабоче-крестьянской красной армии приговорило изменников и предателей к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор этот приведен в исполнение.

Изменники Рабоче-крестьянской красной армии, изменники родины, забывшие свой воинский долг, преступившие свою воинскую присягу, совершившие тяжчайшие государственные преступления против социалистического государства рабочих и крестьян, понесли справедливую и заслуженную кару. Предателям и изменникам нет места на советской земле, им нет места в рядах трудящихся, честных строителей нового социалистического общества.

Великая Сталинская Конституция в ст. 133 провозгласила священную обязанность, священный долг каждого гражданина СССР — защищать свое отечество. В ст. 133 Конституции говорится: «Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое преступление». Восемь изменников нарушили и подло поставили требования нашей Конституции. Они изменили родине, продались на сторону врага.

На службу военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружескую политику в отношении СССР, они систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали предательские акты с целью подрыва мощи Рабоче-крестьянской красной армии, подготовки на случай войны нападения на СССР, поощрения Красной армии и имели своей целью действовать расчленению Советского союза на восстановление в СССР власти помещиков и капиталистов. Они совершили тяжкие преступления против нашей великой родины, отечества трудящихся, оплота и твердыни социализ-

ма, оплота борьбы за социализм во всем мире и подверглись заслуженной каре по всей строгости советского закона.

Подлые заговорщики строили планы восстания в СССР власти помещиков и капиталистов. Наемники иностранных разведок, они не останавливались в своей преступной деятельности ни перед какими средствами борьбы. Вредительство и диверсии, шпионаж и террор, помощь врагу при его вооруженном нападении на СССР, подготовка поражения СССР и ряд других изменнических действий — вот что осуществляли и замыслили против СССР, против трудящихся нашей страны, против советского правительства и руководства нашей партии эти подлые и заклятые враги народа, шпионы и разведчики иностранных полицейских охранок.

Враг просчитался и на этот раз. Беспощадный меч советского правосудия разгромил и уничтожил эту бандитскую шайку вместе с изменником Гамарником, покончившим жизнь самоубийством еще до суда, чтобы избежать советского суда.

Вражеские планы на подрыв мощи советского государства и его обороноспособности и на этот раз рухнули и распались, как картонный домик. Не первый раз капиталистические Мальбруки собираются в поход против СССР, не впервые во вторых отделах генеральных штабов капиталистических государств разрабатываются и вынашиваются планы военного нападения на СССР, планы вооруженной интервенции против нашего отечества. Ни один заговор контрреволюционных сил внутри нашей страны против СССР и дела социализма не обходится без активного участия, а порой без прямой инициативы иностранных штабов и иностранных разведок. Так было в условиях нашей революции не раз. Так было с шахинцами, тоже рассчитывавшими на иностранную интервенцию и поражение СССР. Так было с промпартизми, действовавшими в лице Рамзина и компании под непосредственным руководством генералов Лукомских и разных капиталистов вроде Детердинга, Дворжанчика, Буроза, Рябушинского и пр. и пр. Так было и в известном деле о вредительстве на наших электростанциях, организованном агентами одной из иностранных разведок, также строившей свои расчеты на вооруженное нападение

на СССР. Так, наконец, действовали презренные и подлые наймиты японо-германской разведки—троцкисты, зинovieвцы, их правые сообщники из лагеря Бухарина-Рыкова. Так действовали и военные заговорщики, осужденные Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня с. г.

Еще в 1921 г. Ленин писал: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию»¹.

В 1929 г. в своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин, говоря о вредительстве буржуазной интеллигенции как об одной из самых опасных форм сопротивления развивающемуся социализму, подчеркивал, что «вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом»².

В докладе на XVI съезде партии, касаясь вопроса о трудностях роста, о борьбе классов и наступлении социализма по всему фронту и возвращаясь к вопросу о злом вредительстве верхушки буржуазной интеллигенции, товарищ Сталин говорил, что «сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречается поддержку со стороны капиталистического окружения»³.

И дальше: «Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений саботируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР. Понятно, что это обстоятельство также не может служить в облегчение нашей реконструктивной работы»⁴.

Вопросу о капиталистическом окружении товарищ Сталин посвятил специальный раздел в своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. В этом разделе товарищ Сталин обратил внимание партии на систематическую шпионско-диверсионную и вредительскую работу иностранных разведок в тылу своих соседей, подчеркивая, что в этом состоит закон взаимоотношений между иностранными государствами.

Если буржуазные государства засылают в тылы друг друга тучи шпионов, разведчиков, вредителей и диверсантов, то нельзя предполагать, как об этом говорил товарищ Сталин, что в наши тылы они будут засылать или засылают этих господ меньше, чем засылают в родственные им государства.

Товарищ Сталин говорил: «Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и

втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?»

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств».

Именно такими шпионами и разведчиками в нашем тылу некоего иностранного государства и оказались Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков и Путьна, имена которых покрыты теперь всеобщим позором, презрением и проклятием народов.

Эти фашистские разведчики, продавшиеся враги нашей родины направляют свои усилия на то, чтобы ослабить мощь нашей Рабоче-крестьянской красной армии, потубить свободу и счастье многомиллионных народов нашей страны, завоевавших и построивших новую радостную жизнь в свободной и великой стране победившего социализма. Они — эти подлые изменники — готовили восстановление в СССР капитализма, готовили возврат старого, трижды проклятого помещичье-капиталистического рабства, готовили ограбление, голод и нищету рабочих, крестьян и интеллигенции нашей советской страны.

Сорвалось! Зоркий и верный страж нашего отечества — НКВД во время схватил и разоблачил преступников; своей могучей рукой он остановил уже занесенную над головой нашей родины презренную руку измены и предательства, беспощадным ударом он выбил из этой руки отравленное оружие измены, он передал изменников в руки советского суда, вынесшего свой справедливый суровый приговор.

Этот приговор — приговор всего советского народа, приговор всей нашей великой страны, готовый стать как один человек на защиту наших границ, наших фабрик, заводов и полей, наших очагов, всего нашего социалистического счастья. Об этом говорят многочисленные резолюции трудящихся, выражающих по поводу состоявшегося судебного приговора над восемью изменниками свое презрение и гневное проклятие преступникам.

Так колхозники лучшей в Азово-Черноморском крае бригады т. Кимлача из колхоза «12-я годовщина Октября» единодушно одобряя приговор Верховного суда, в своей резолюции заявили:

«Образцовой работой на наших колхозных полях, отличной подготовкой и проведением уборки сталинского урожая без потерь мы будем неустанно крепить обороноспособность нашего отечества, нашей любимой, непобедимой Красной армии. В ряды нашей кровно родной Красной армии мы будем посылать самых лучших, самых преданных сынов. Пусть знают все подлые изменники родины, что наши славные органы НКВД, руководимые верным сталинцем товарищем Ежовым, воздадут должное всем, кто вздумает покушаться на нашу родину, на нашу радостную жизнь».

«Только одна кара, — сказал мастер бронзового отделения кабельного цеха завода «Москабель» т. Ипатов, — могла быть для этих мерзавцев, предавших нашу родину и державших наготове нож, чтобы вонзить его в спину революции. В ответ на происки фашистских негодяев мы еще теснее сплотим свои ряды и уничтожим всех врагов».

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 348.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 243.

³ Там же, стр. 386.

⁴ Там же.

«Мы будем, — говорят в своей резолюции рабочие шарикоподшипникового завода им. Л. М. Кагановича, — все больше укреплять оборону нашей страны стахановским трудом, святым соблюдением обязанностей граждан СССР, записанных в Сталинской Конституции. Вооруженная миллионами глаз патриотов социалистической родины, советская разведка вскроет любую попытку шпионажа и вредительства».

«Приговор суда есть приговор многомиллионного народа нашей страны, — говорят в своей резолюции рабочие, инженеры, техники и служащие завода имени Владимира Ильича, — советский суд поступил совершенно правильно. Он вынес приговор в полном соответствии с 133 статьей Сталинской Конституции. Иного решения и не могло быть».

Бойцы, командиры и политработники 80 стрелковой дивизии в своей резолюции говорят, что «раскрытие заговора шпионской восьмерки органами НКВД свидетельствует о великой мощи государства рабочего класса, о растущей силе великой Страны советов, о непобедимости Рабоче-крестьянской красной армии, воспитанной партией Ленина — Сталина».

Рабочие станции Петрозаводск считают, что «приговор суда над бандой изменников — наш приговор. Пусть трепещут шпионы, подлые наемники фашизма, пусть знают их фашистские хозяева — советский народ непобедим».

Как реке не течь вспять, не бывать тому, о чем мечтают наши враги.

Социализм в СССР победил окончательно и бесповоротно. Окончательно и бесповоротно уничтожен в нашей стране капиталистический строй. Свергнута и уничтожена власть помещиков и фабрикантов, банкиров и биржевиков. Окончательно и бесповоротно уничтожены эксплуатация и нищета, голод, безработица и бесправие народных масс. На очищенном от капитализма месте построено новое советское социалистическое государство рабочих и крестьян. Нет сил в мире, которые могли бы

поколебать прочность этого государства! Нет сил в мире, которые могли бы помешать победному движению вперед строящихся новую жизнь миллионов масс трудящихся, борющихся за коммунизм под руководством своей великой, испытанной в классовых боях коммунистической партии большевиков.

Под руководством партии Ленина — Сталина мы победили в гражданской войне и разгромили войска белогвардейских генералов и иностранных интервентов, войска японских, германских и других разбойников, осмеливавшихся сунуть в нашу страну свой нос, иностранных армий.

Под руководством партии Ленина — Сталина мы построили новое социалистическое хозяйство, новую социалистическую культуру, новое социалистическое общество. В то время когда капиталистический мир все больше и больше погружается в хаос и темноту наступившего заката капиталистической культуры, над советской землей все ярче и радостнее разгорается солнце социализма. Дьявольские ухищрения капиталистических разведок не в состоянии ничего изменить в ходе вещей, в процессе исторического развития человеческого общества. Победа социализма в нашей стране — на одной шестой части земного шара — начало победы социализма во всем мире. Залогом этого являются единство и сплоченность, любовь и преданность делу социализма, нашей великой партии, ее великому вождю Сталину десятков и сотен миллионов людей труда в СССР и во всем мире. Перед лицом проклятых заговорщиков изменников еще сильнее сплываются наши ряды, еще больше укрепляется наша любовь к великому делу борьбы за коммунизм. Нет сил в мире, способных ослабить эту любовь и решимость, и волю трудящихся к победе. Нет сил, способных устоять в борьбе против социализма, способных противостоять Союзу советских социалистических республик, идущему под руководством партии Ленина — Сталина уверенно и победоносно все вперед и вперед к окончательному торжеству коммунизма.

А. ВЫШИНСКИЙ

О некоторых методах деятельности иностранных разведывательных органов и их троцкистской, правой и иной агентуры

В своем докладе на пленуме ЦК нашей партии 3—5 марта 1937 г. товарищ Сталин, говоря о задачах в борьбе против недостатков нашей работы, о ликвидации этих недостатков, говоря о необходимых в этом направлении мероприятиях, подчеркнул важность разъяснения того, что никакие хозяйственные успехи, как бы они велики ни были, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Товарищ Сталин указал в этом же докладе на необходимость принять меры для того, чтобы наши товарищи «партийные и беспартийные большевики имели возможность ознакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительской, диверсионной и шпи-

онской работы иностранных разведывательных органов».

Методы, способы, формы деятельности иностранных разведок и их агентуры — троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров и т. д. и т. п. — очень разнообразны. Об этом можно судить по уже известным фактам, освещенным в брошюре товарища Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», из тех статей, которые были напечатаны в «Правде», и из тех материалов, которые мы имеем в связи с целым рядом судебных процессов, прошедших перед нашими глазами. Все помнят Кемеровское дело. Хорошо памятные три последних процесса, это процессы объединенного троцкистско-зи-

новьевского центра, антисоветского троцкистского центра и процесс по делу Тухачевского, Якира, Уборевича и др.

Эти статьи и материалы, опубликованные в газетах и в виде брошюр, могут служить достаточным материалом для ориентировки в данной теме. Задача настоящей статьи дать некоторые дополнительные материалы.

Нужно подчеркнуть одну особенность нашей, если можно так назвать, внутренней контрреволюции. Это то, что деятельность различных контрреволюционных групп внутри СССР органически связана с тем самым капиталистическим окружением, о котором еще раз напомнил нам на последнем пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин.

История буржуазной контрреволюции в нашей стране говорит об одной в высокой степени важной и решающей для характера этой контрреволюции особенности, заключающейся в том, что ни одна контрреволюционная, антисоветская группа в нашей стране, ни одно контрреволюционное антисоветское выступление против дела социализма, против советского правительства, против партии, против ее руководства на всем протяжении 20-летнего существования Советского союза никогда не было изолированным, не связанным с какими-либо центрами буржуазных, фашистских разведок.

Одна из особенностей буржуазной контрреволюции внутри СССР, следовательно, заключается в том, что она всеми своими нитями и каждым шагом своей практической деятельности связана с зарубежными контрреволюционными фашистскими центрами, со штабами контрреволюционных иностранных разведок того или иного капиталистического государства, со вторыми отделами генштабов капиталистических стран, фашистских в особенности.

Это не случайно. На это неоднократно обращали наше внимание в борьбе с буржуазной контрреволюцией Ленин и Сталин.

В 1921 г. Ленин говорил: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию»¹.

Уже в 1921 г. Ленин вскрыл органическую связь между нашей внутренней контрреволюцией и международной контрреволюцией, подчеркивая тот факт, что окружающая нас буржуазия караулит, по его выражению, каждую минуту колебаний, чтобы вернуть утерянное господство, вернуть утерянный рай, в котором находились капиталисты, когда власть была у них в руках.

В 1922 г. на III конгрессе Коминтерна Ленин говорил о различных контрреволюционных движениях и выступлениях против Советского союза: «Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на советскую Россию и раздробить ее»².

Так Ленин говорил о контрреволюционных белых эмигрантских кругах, так Ленин говорил об отдельных группах, которые находились в связи с этими белыми эмигрантскими кругами и поддерживали их.

И это остается основным правилом, основ-

ной чертой, основным признаком, характеризующим особенности той борьбы, которую ведут против нас контрреволюционные силы.

В 1929 г. в своей речи на пленуме ЦК партии о правом уклоне в ВКП(б) товарищ Сталин также подчеркнул именно эту особенность контрреволюционной борьбы против нас наших врагов.

Говоря о вредительстве как об одной из самых опасных форм сопротивления развивающемуся социализму, товарищ Сталин подчеркнул, что вредительство это тем более опасно, что оно связано с международным капиталом.

Напомню, что на XVI съезде партии, касаясь вопроса о трудностях роста, о борьбе классов и наступлении по всему фронту, товарищ Сталин прямо говорил, что сопротивление отживающих классов происходит не изолированно от внешнего мира, а находит поддержку в капиталистическом окружении, и объяснил, что такое капиталистическое окружение.

«Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР»¹.

Таковы основные элементы, которые связывают капиталистическое окружение с внутренней контрреволюцией, с внутренними антисоветскими силами; это — моральная связь, она нашла отчетливое выражение в программе восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов, и это окончательно стерло грани между правыми и троцкистами, превратило тех и других в контрреволюционное гниющее болото, в оголенную банду убийц, в фашистских агентов. С другой стороны, это — материальная связь, с третьей стороны, это — планы нападения на СССР, стремление к финансовой блокаде и военной интервенции.

Товарищ Сталин говорил, что вредительская деятельность спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне.

Надо иметь в виду, что даже и тогда, когда существуют нормальные дипломатические отношения СССР с различными капиталистическими государствами, мы не застрахованы в нашей стране от всякого рода преступной деятельности агентуры разведывательных органов этих стран. Товарищ Сталин указал, что отношения между различными капиталистическими государствами определяются особым законом.

Этот закон действует и сейчас. Он заключается в том, что каждое из этих государств, несмотря на всякие внешние формы добрососедских или доброжелательных отношений, не

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 348.

² Ленин, т. XXVI, стр. 454.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 527.

забывает возможности военного столкновения в ту или другую историческую минуту и, следовательно, никогда не упускает из виду основной задачи — быть готовым к победоносной войне против своего соседа, против того государства, с которым находишься в определенных дипломатических отношениях.

Но в войне обычно выигрывает не только тот, кто лучше всех умеет драться на войне, в войне выигрывает тот, кто лучше всех, лучше своего противника умеет подготовиться к войне.

В деле же подготовки к войне играет решающую роль состояние тыла. Этим объясняется то, что даже при самых дружелюбных отношениях между отдельными буржуазными государствами, даже тогда, когда они соединены между собой различными «сердечными соглашениями», в основе отношений этих государств лежит волчий закон, который обязывает каждое из государств подстергать другое, чтобы в благоприятный момент нанести губительный удар «сердечному» соседу.

Товарищ Сталин говорил, что таков закон взаимоотношений между капиталистическими странами.

Каждое государство заботится о том, чтобы иметь возможность в случае войны между этим государством и его соседом взорвать тыл своего противника, ослабить и подорвать мощь своего врага.

Нет поэтому оснований думать, что по отношению к нам иностранные государства, не только явно враждебно или недружелюбно настроенные по отношению к нам, но и те, которые внешне находятся в мире с нами, будут руководствоваться другим законом, чем волчий закон, обычный для капиталистических стран.

Капиталистические страны зиждятся на единой основе утверждения, увековечения эксплоатации, и если при этом взаимоотношения их друг к другу определяются волчьим законом борьбы и подкарауливания друг друга, то каким же должно быть их отношение к нашему государству, которое ведет последовательную борьбу за социализм, за окончательную победу над капитализмом, за окончательную победу социализма в нашей стране, за торжество подлинной демократии и культуры во всем мире. Какие основания думать, что по отношению к нам эти капиталистические государства будут руководствоваться иными правилами поведения, иными законами?

Разумеется, для этого нет никаких оснований.

И товарищ Сталин в силу этого предупреждал, что шпионов и диверсантов засылают и впредь будут засылать к нам капиталистические государства в большем количестве, чем они засылают их друг к другу. Это вполне естественно, это прямо вытекает из самого характера нашей борьбы за коммунизм, из того, что мы являемся твердыней и оплотом мирового социалистического движения, из того, что наша страна является твердыней и опорой всякого рода стремлений к лучшему, светлому и культурному обществу.

Это естественно, потому что наша страна представляет собой не только страну, в которой победил социализм, но и страну, которая воодушевляет на борьбу за социализм миллионные массы угнетенных трудящихся решительно всех капиталистических стран.

В силу этого наша страна неизбежно является объектом всякого рода агрессивных вождений наших врагов.

Вот почему товарищ Сталин поставил вопрос: «Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?»

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

И дальше товарищ Сталин говорит: «Обо всем этом забыли наши партийные товарищи, и, забыв об этом, оказались загигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью».

Капиталистическое окружение означает, что вокруг СССР существуют враждебные СССР классовые силы, которые готовы поддержать наших классовых врагов внутри СССР, как говорил товарищ Сталин, и морально и материально, вплоть до военного на нас нападения, вплоть до военной интервенции.

Это указание товарища Сталина полностью опирается на неопровержимые исторические факты.

Вспомним, например, шахтинское дело, в котором нашли отражение характерные в тот период формы классового сопротивления наших врагов, избравших основным методом сопротивления причинение нашему хозяйству всякого рода ущерба, попытки развалить Донбасс, все наше угольное хозяйство и тем подорвать наше народное хозяйство.

В центре всей деятельности шахтинцев были попытки организовать, как они говорили в своих показаниях, всеобщий кризис, в расчете на который они строили всю свою подрывную деятельность по отношению к нашему народному хозяйству.

Однако вредительство у шахтинцев было только одним из методов этой борьбы. Настоящие корни борьбы лежали более глубоко и были более сложны, чем простое скрывание ценных пластов, отказ от разработки этих пластов, омертвление капиталов, перебрасывание их на менее ценные угольные пласты, затопление шахт, поломка инструмента, диверсионные акты и т. д. и т. п.

Подлинные интересы борьбы, которую вели шахтинцы под руководством кучки представителей старых инженерно-технических кадров, лежали гораздо глубже. Следует подчеркнуть, что в шахтинском заговоре решающая сила принадлежала ряду иностранных капиталистов, известных своей ненавистью к СССР и представлявших собой наиболее агрессивную по отношению к нашему Советскому союзу часть буржуазии. Они возглавляли и проповедывали неизбежность интервенции против СССР.

Таковы были Ремо, Бурас, Сансе, наконец, известный польский крупный делец и промышленник Дворжанчик. Ремо был директором акционерного общества Берестово-Богородовского района. Он был непосредственно

связан с одним из главных организаторов этого заговора — инженером Шадлуном. Сансе был руководителем «Акционерного об-ва по разработке угля и соли на юге России». Дворжанчик играл очень крупную роль в организации шахтинского заговора. До Октябрьской революции он был директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного об-ва, а потом — главным воротилой в зарубежном «Польском объединении бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе».

Все эти люди, представлявшие интересы крупной буржуазии Польши, Франции, Англии, как, например, знаменитый Детердинг, ставили вопрос не просто о том, чтобы повредить ту или другую шахту, чтобы задержать добычу угля, чтобы даже развалить угольное хозяйство Донбасса. Они смотрели на это вредительство как на подходящий для них способ взорвать тыл в случае военного нападения на СССР, в случае интервенции. И действительно, сквозь всю вредительскую работу шахтинцев красной нитью проходила подготовка намеченной на весну 1928 г. иностранной интервенции в СССР.

Дворжанчик был связан и вел шпионскую переписку с бывшим техническим директором Донугля инженером Бояршиновым, тем самым Бояршиновым, который, будучи осужден к 10 годам лишения свободы по шахтинскому делу, впоследствии раскаялся, разоружился, повел борьбу против троцкистов и сделался жертвой троцкистской банды. Эта банда под руководством Шестова убила Бояршинова за то, что он грозил разоблачением троцкистских преступлений в Западной Сибири.

Шахтинцы действовали в прямой связи с белогвардейскими зарубежными организациями, с зарубежным «Обществом кредиторов старой России», в связи с А. Е. г. (Allgemeine Electricische Gesellschaft — «Всеобщей кампанией электричества»), они были связаны и с кругами германской военщины. В самой А. Е. г. — коммерческой фирме — существовал отдел, который открыто назывался «русским отделом». Этим «русским отделом» руководил Башкин, брат того Башкина, который был организатором шахтинского заговора. Этот «русский отдел» А. Е. г. по существу был ничем иным, как шпионской агентурой соответствующего иностранного учреждения.

Весь успех шахтинского заговора был рассчитан на осуществление интервенции при участии не только всяких белоофицерских дружин, но и при прямой поддержке капиталистической военщины, т. е. при помощи открытой вооруженной интервенции некоторых иностранных государств.

Не иную картину можно видеть и несколько лет спустя в деле «Промпартии» (Рамзина, Ларичева и др.). Все эти Рамзины, Хренниковы, Черновские, Ларичевы и другие «герои» этого процесса были непосредственно связаны с Рябушинским и Лианозовым, крупнейшими капиталистами, бежавшими за границу; они были в непосредственной связи с наиболее враждебными к СССР группами иностранных капиталистов. Известно, что в это время наиболее реакционная часть французской буржуазии готовила интервенцию против СССР, мобилизуя для этого наиболее реакционные круги военщины.

Рамзин и Ларичев ездили в Лондон и неоднократно виделись там с полковником Лоуренсом, знаменитым шпионом, разведчиком и организатором интервенции. С этим Лоуренсом Рамзин и Ларичев были непосредственно связаны. Кроме того, они были связаны с некоторыми иностранными генералами, участвовавшими в 1918—1920 гг. в вооруженной интервенции в РСФСР в Архангельске. Промпартия основное внимание, как и шахтинцы, заостряла на организации вооруженной интервенции. План интервенции у них был связан с организацией вредительской, диверсионной и шпионской работы, которая должна была подорвать наш тыл и обеспечить успех контрреволюции.

Всем памятно дело о вредительстве на электростанциях в Москве, Орехове-Зуеве, Иваново, известное под именем дела «Метро-Виккерс». С внешней стороны все как будто упиралось исключительно в организацию вредительских действий на электростанциях в Москве и в других городах. На самом деле в этом деле были вскрыты происки английских разведывательных органов, Интеллигенс-Сервис, перебросившей к нам своих разведчиков в лице «инженеров» Торнтон, Макдональда, Монтауза и др.

Сам факт посылки в СССР офицеров английской разведки ясно свидетельствует о подлинной цели этого «предприятия», которое прикрывалось хозяйственными и коммерческими целями и даже обязательствами по оказанию нам «технической помощи».

Таким образом, можно утверждать, что деятельность различных вредительских, диверсионных и тому подобных антисоветских групп внутри нашей страны органически связана с иностранными разведками, агентурой которых всегда по сути дела и являются эти антисоветские группы.

Мудрено ли, что эта же связь имела и имеет место и во всех последующих заговорах против нас и что агентурой иностранных разведок стали именно троцкисты, зиновьевцы, правые, — все те группы, которые раньше являлись политическим течением внутри рабочего класса, а затем превратились в оголтелую банду вредителей, шпионов, диверсантов, террористов!

Дело объединенного троцкистско-зиновьевского центра, троцкистского антисоветского центра и недавний процесс по делу о военно-фашистском заговоре Тухачевского, Якира, Уборевича и др. вновь подчеркивают органическую связь заговорщиков с иностранными фашистскими центрами, с их генеральными штабами, с их разведывательными органами и полицейскими охранками.

При изучении практики техники иностранных разведок обращает на себя внимание не только то, как эти разведки формируют свои кадры, но и то, как они вообще ставят вопрос о кадрах. Здесь надо оказать, что одной из главнейших наших задач является разоблачение именно этих кадров, как, наоборот, самой ответственной задачей разведывательных органов является сохранение своих кадров неразоблаченными, нескрытыми и нерасшифрованными.

Когда знакомишься со следственными материалами по различным такого рода делам, не-

вольно обращаешь внимание на борьбу с поиманными и избитыми разведчиками наших следственных органов, старающихся вытащить наружу, разоблачить вражеские кадры до конца. Сила и мощь советской разведки в этой борьбе всегда побеждают. Но сама борьба показывает, что даже те агенты иностранных разведок, которые делают вид раскаявшихся и разоружившихся, в действительности раскаиваются и разоружаются в большей части во всем, что уже известно органам советской власти и без них и что уже скрывать нельзя. И наоборот, о том, что еще нам мало известно или совсем неизвестно, они упорно стараются ничего не говорить и по возможности все скрыть.

На процессе антисоветского троцкистского центра каждый подсудимый говорил, что он раскаивается и говорит всю правду — и только правду. В действительности, в показаниях этих предателей не было правды и наполовину. Ведь каждый следующий процесс неизменно обнаруживает массу новых фактов, которые были умело замаскированы и спрятаны от нашего внимания той группой, которая ранее была посажена на скамью подсудимых.

Зиновьевцы в своих показаниях многого не сказали и многих не выдали. Это можно было предполагать с самого начала следствия и это целиком подтвердилось на суде и после суда, когда стал открываться целый ряд новых фактов, скрытых от следствия и суда этими «ракавившимися» преступниками.

Надо прямо сказать, что эти господа до последней минуты своей собачьей жизни неизменно старались в максимальной степени сохранить втайне своих людей, своих сообщников, своих соучастников.

При вербовке кадров иностранная разведка и их троцкистская и правая агентура не брезгуют рядовыми работниками. В свою преступную, подлую деятельность они стараются вовлечь «маленьких» людей, не брезгуя никем. Если подвернется им под руку молодой комсомолец, они обрабатывают его, подвернется под руку человек, который любит в выходной день выпить, — и этот пригодится, подвернется молодняк, который собирается на танцульки, — и из этих людей они не прочь кое-кого подцепить и использовать для своих гнусных, преступных целей. Так действует иностранная разведка.

Надо прямо сказать, что агенты-вербовщики разведок не брезгуют никем. Поэтому не должно ни у кого быть такой мысли, что я, мол, маленький человек и не представляю никакой ценности для разведки. Неправильно такое рассуждение: я — маленький человек, работаю на заводе, в каком-нибудь учреждении машинисткой, переписчиком, делопроизводителем, какой интерес я могу представлять для иностранной разведки? Так рассуждать нельзя. Надо помнить, что разведка ловит людей широким неводом по принципу — забирай тех, кто попадается под руку, не брезгуя никем, всякий может пригодиться. Естественно, что иностранная разведка проявляет особый интерес к людям, которые непосредственно или через других людей имеют отношение к какой-нибудь ответственной государственной работе. Они громадный интерес проявляют, например, к номерным заводам. Здесь эти господа не жалуют средств для того, чтобы попытаться

проникнуть в ту щель, которая образуется благодаря различного рода случайным обстоятельствам.

Чрезвычайно яркий пример того, как осуществляется вербовка, дал процесс антисоветского троцкистского центра и, в частности, доклад подсудимого Строилова. Связь с разведкой у Строилова началась на «нейтральной» почве — на почве технических интересов. Строилов, будучи в заграничной командировке, познакомился с инженером фон-Бергом, который оказывал ему кое-какую техническую помощь. У Строилова был интерес к техническим новинкам. Ухватившись за это, Берг стал его засасывать и обволакивать своими любезностями. Он познакомил его с более квалифицированным разведчиком, с неким Вюстером. Этот Вюстер предложил Строиллову устроить ему поездку во Францию и Чехо-Словакию для ознакомления с новейшей техникой. Он обещал это устроить, но заявил, что так как Строилов не немец, то нужно иметь какой-либо документ, удостоверяющий, что Строилов не подведет. Строилов дал такой документ, в котором выражал желание остаться в Германии и не возвращаться в СССР. Документ подлый и позорный для советского человека. Что же произошло дальше? А дальше вот что произошло.

Получивши этот документ, Вюстер отказывает Строиллову в выезде во Францию и в Чехо-Словакию и предлагает выехать в... СССР. Строилов опешил, недоумевает, пробует бороться — увы, бесполезно! В руках у Вюстера документ за подписью Строилова. Перед Строиловым выбор — или разоблачить свою преступную ошибку перед советской властью, или подчиниться требованиям Вюстера. Строилов малодушничает и окончательно попадает в лапы к Вюстеру, в лапы германской разведки. Если бы он обладал честностью, подлинным советским патриотизмом, то он сам явился бы в полпредство и разоблачил и себя и шпионов и тем самым вырвался бы из тисков иностранной разведки.

Вместо этого он принял условия Вюстера и поехал в СССР, а вслед за ним последовал третий разведчик, который стал его обрабатывать так, как это было в интересах этой разведки.

Вот какими методами действуют разведчики. Эти методы обнаружил и последний процесс.

Этот процесс показал, что преступники действовали с исключительной наглостью и вероломством. Трудно сохранять самообладание и сдерживать свое возмущение перед лицом установленных судом фактов их преступной деятельности. Но сами преступники сохраняли это самообладание полностью. Это свидетельствует об искусстве маскировки, перед которой бледнеют коварство и вероломство Радека, Каменева, Зиновьева, Пятакова и прочих негодяев.

О чем это говорит? Это говорит также о том, что иностранная разведка, подбирающая себе агентуру, действует с большим искусством. Это обязывает ко многому и нас. Это обязывает к величайшей бдительности, это ставит перед нами задачу овладеть искусством разоблачения иностранных разведчиков, действующих осторожно, исподтишка, исподволь. Нужно помнить, что в большинстве случаев иностранные разведчики сберегают свои силы

на крайний случай — на случай войны. Иностранные разведки знают, что означает для них провал их резидентов, провал их планов и подготовительных мероприятий. Поэтому они действуют строго расчетливо. Игра ведется большая, азартная, ставки ставятся ва-банк. Здесь нередко действует правило: или — или, или пан—или пропал. Вот почему иностранные разведки очень осмотрительно и осторожно вербуют для себя людей, тщательно изучают этих людей, изучают слабости их.

Иностранная разведка проявляет большое искусство в умении открыть в каждой своей «жертве» больные струны, которые она умеет затронуть. Нельзя к этому делу подходить так, что это дело пустяковое, несерьезное. Дело это серьезное и нужно уметь подходить к этому делу серьезно.

Позвольте привести один пример несерьезного отношения к делу, повлекшего за собой плохие последствия.

30 января 1937 г. в 4 часа утра некий советский гражданин К. возвращался после вечеринки домой. По дороге К. зашел в ресторан. За одним из столов он увидел иностранца и — подозрив в нем разведчика. Гражданин К. — хороший советский патриот. Он решил разоблачить иностранного разведчика. С этой благой целью он завязывает с иностранцем знакомство и в результате оказывается у иностранца на квартире. Ничего не добившись от этого иностранца, гр. К., однако, сам проболтал ему ряд фамилий и имен, сообщил некоторые подробности жизни и работы своих знакомых и пр. Иностранец, оказавшийся, действительно агентом одной иностранной разведки, использовал гр. К. довольно удачно. Гр. К. не только оказался в дураках, но оказался и прямым пособником этого разведчика. Гр. К. хотел услужить нам, а на деле причинил вред. Вот уже поистине услужливый дурак — опаснее врага!

Вот как иногда «доброе желание» обращается против простодушья и болтунов!..

В Москве один иностранный разведчик очень часто появлялся зимой на катке, на разных площадках в парке культуры и отдыха, в разных театрах и т. п. В 1935 г. в Центральном парке культуры и отдыха около театра масок этот разведчик завел разговор с одним советским гражданином, сыном научного работника, 20-летним комсомольцем. К концу знакомства этот разведчик предложил комсомольцу пойти вместе с ним в Большой театр. Тот согласился. Сходили в театр. Потом разведчик предложил комсомольцу пойти с ним в оперетту. Согласился, сходили в оперетту, посмеялись, весело провели время. Потом разведчик стал интересоваться личной жизнью комсомольца, его семьей, из кого она состоит, где кто работает, стал интересоваться, не нуждается ли он в чем-либо. Он стал рассказывать о себе, о своем достатке, о своей хорошей службе. Он наврал с три короба, явно рассчитывая на то, что новый его знакомый окажется простодушным. И вот по просьбе разведчика молодой человек, комсомолец, знакомит его с целым рядом своих товарищей. Среди этих товарищей оказался кое-кто, работающий на одном оборонном предприятии. А это-то разведчику и нужно было... Таким образом этот разведчик очень широко развернул круг своих знакомых. Ничего подозри-

тельного в его поступках не было, никаких не тактичных и нескромных вопросов он не задавал, тем более он не делал никаких предложений о шпионской и осведомительской деятельности...

Но так было в начале знакомства, а потом... некоторые из его знакомых, тоже молодых людей оказались связанными с этим разведчиком уже по линии прямой шпионской деятельности. Конечно, все были выявлены, так же как и сам этот разведчик, все получили по заслугам. Но у нас нет гарантии, что разведчику кое что удалось узнать, что знать ему и ему подобным господам не полагается.

Был случай, когда один не молодой, но и не очень пожилой инженер, работавший на одном московском заводе, отправился в отпуск в Гагры. В отпуск, конечно, бывает отпускное настроение, но инженер этот был человек деловой, и поэтому он захватил с собой кое-какие материалы, думая поработать, рассчитывая соединить приятное с полезным. Он приехал в Гагры и там познакомился с одной дамой, «приятной во всех отношениях». Эта дама уделяла ему много внимания, познакомила его с другими дамами и тоже во всех отношениях приятными. Таким образом получилось очень приятное общество, и все шло по-хорошему. Вдруг появляется муж. Маленькое замешательство, но оно скоро проходит, и дело улаживается. Инженер знакомится с мужем, и дружба продолжается. Когда дама и ее муж узнали, что этот инженер занимается разработкой материалов, привезенных с собой, они спешат предложить ему свою скромную помощь, чисто дружескую помощь: она ехала на курорт и случайно, видите ли, захватила с собой пишущую машинку, поэтому она может его работу переписать на машинке.

Договорились, и дама стала писать на машинке под диктовку инженера очень интересный материал. А в результате, воспользовавшись ротодействием этого инженера, дама однажды оставила этот материал у себя, а когда инженер пришел к ней на другой день для очередной переписки, дамы не оказалось, не оказалось и другой дамы, не оказалось и мужа... Все исчезли. А впоследствии оказалось, что эти две дамы и муж были агентами одной разведки, выкрывшими у инженера нужный разведке материал.

Вот какие иногда бывают «приятные» знакомства на курортах!..

Другой случай. В Ленинграде проживает одна семья, назовем ее условно Сысоевы.

Сам Сысоев — китаец, жена его — русская.

У Сысоевых была дочь 16 лет. Эта дочь выдается замуж. Выходит она замуж за военнослужащего NN.

Мать и отец очень полюбили своего нового родственника, мужа дочери, постоянно принимают его у себя, словом жили с ним душа в душу. Через этого военнослужащего Сысоевы завязали знакомство еще и с другими военными людьми. Вообще квартира Сысоевых — интересная квартира. Здесь можно было найти очень гостеприимный прием. Стол всегда накрыт, патефон, милые хозяева и т. д. Сюда охотно заходили и другие военнослужащие, знакомые зятя Сысоевых. За чаепитием, иногда за выпивкой здесь непринужденно велись различные разговоры, иногда и разговоры,

касающиеся Красной армии, состава данной части, вооружения, снабжения и пр. и т. п.

А через некоторое время оказалось, что Сысоев — китаец — не только «тесть» военнотружущего, но одновременно по совместительству и шпион, агент одной иностранной разведки.

Таких фактов можно было бы привести немало.

Можно сделать вывод, что иностранная разведка вербует людей не каким-нибудь особенным способом, как и сами разведчики являются вовсе не какими-нибудь особенными людьми.

Вы помните, как товарищ Сталин, говоря о работе в деревне (1933 г.), указывал, что у некоторых наших товарищей совершенно неправильное представление о кулаке как о человеке с какой-то особенной внешностью, с стигматическим лицом, налитым кровью, и т. п. Товарищ Сталин предупреждал против такого неправильного представления о кулаке, напоминая, что кулак часто прикидывается совсем тихим, почти «святым» человеком.

Это надо сказать и о разведчиках. Нельзя представлять себе разведчиков какими-то особенными людьми, отличающимися какими-то особенными внешними качествами или признаками. Неправильно думать, что и вербуют они какими-то тоже особенными, необычайными способами. Нет, вербовку они осуществляют обычно самым простым способом в обыкновенной обывательской обстановке. Но особенность их метода заключается в том, что они используют слабые места людей. Один интересуется техникой, как Строилов, и попадает на этом деле, другой интересуется музыкой, третий интересуется флиртом — очень распространенная почва вербовки — и попадает на этом, и крепко попадает на удочку разведчиков.

Широко распространен у разведчиков такой способ: приглашают в гости, знакомят с «интересной женщиной», завязывается интимное знакомство, а вместе с тем начинается шантажирование попавшегося на «женском вопросе» ловеласа, боящегося огласки, семейных сцен, семейной драмы. Под угрозой разоблачения интимных связей ловеласа у него вымогают агенты иностранных разведок нужные им сведения и втягивают его в шпионскую работу. И выходит: коготок увяз — всей птичке пропасть...

Обычно иностранные разведчики действуют простыми средствами, простыми методами, простыми способами. Люди шныряют взад и вперед в трамваях, по театрам, кино, пивнушкам, заводят знакомства и с трезвыми, и с подвыпившими, и с серьезными, и с несерьезными людьми. С серьезными заводят знакомства по-серьезнее, с несерьезными — несерьезные. Методы применяют они очень гибкие, сводящиеся в конце концов к одной цели.

Не трудно разоблачить эти методы и преступные махинации иностранных разведок, если уметь во-время и как следует разбираться в своих знакомствах, уметь правильно оценивать людей, с которыми встречаешься и заводишь дружбу. К сожалению, у нас иногда люди в этом отношении оказываются неразборчивыми, так что иной раз просто диву даешься...

Недавно мне пришлось распутывать одно дело. Старый партийный товарищ — он свой

стаж исчисляет чуть ли не с 1905 г. или 1904 г. — среди своих знакомых имеет некоего художника, которого считает своим другом. Но когда пришел случай и стали выяснять у этого коммуниста, кто этот его хороший знакомый, его друг с дореволюционным стажем с 1907 г., когда начали разбирать по косточкам это дело, то оказалось, что наш коммунист «друга»-то своего знает очень плохо, хотя и оказывал «другу» содействие даже в получении заграничной командировки.

Нередко бывает, что иностранный разведчик ряд лет живет бок-о-бок с вами, тихо и смиренно. Никаких диверсий не организует, никакого вредительства не совершает, живет как все. А в действительности это — резидент, это — шпион и разведчик, получивший специальные задания и выполняющий эти задания: он наблюдает за тем, что происходит вокруг него, посылает туда, куда нужно, сведения, а иногда и этого от него не требуют, и этим все дело ограничивается. Он сидит 5 лет, 10 лет, 15, 20 лет, пока не будет дан сигнал: «действуй», и тогда он начинает действовать, пуская в ход все те средства, какие за это время он сумел получить в свои руки.

Очень часто думают, что агент иностранной разведки должен себя чем-нибудь обязательно проявить. Надо иметь в виду, что бывают разные категории разведчиков с разными заданиями. Есть люди, которые не связаны в данное время никакими обязательствами проявлять какую-нибудь активность. Наоборот, они должны только завоевать себе «авторитет» там, где они работают, должны только втереться в доверие кому нужно.

Есть разведчики, которые не должны проявлять своей активности, правда, до поры до времени. Перед ними нередко ставится задача — подготовить благоприятные условия для удара в спину в случае войны, а до того — сидеть тихо, стараться доказывать свою «лояльность» и «преданность» советской власти.

Не нужно обольщаться тем, что такой-то хорошо работает, что он служит добросовестно и что поэтому он не может оказаться врагом, не может быть агентом иностранной разведки. Такие рассуждения неправильны и нередко не оправдываются. Конечно, трудно дать или указать какое-нибудь универсальное средство для распознавания шпионов и диверсантов из иностранных разведок. Таких универсальных средств нет и быть не может. Нужно просто взять себе за правило — вести себя так с любым человеком, что если этот человек окажется врагом, он не мог бы извлечь из этого знакомства что-нибудь полезное для себя и вредное для советского государства. Надо помнить, что очень часто большие преступления начинаются с пустяков, с маленьких разговоров, с пустой болтовни. Иногда человек узнает какую-нибудь новость с булавочную головку и с этой булавочной головкой начинает носиться, поднимает шум и треск, стараясь всех удивить своей осведомленностью. Он из мухи делает не одного, а целую дюжину слонов и пускает этих слонов гулять по воле, а разведка из этой болтовни извлекает кое-какие уроки.

Если, например, работник какого-нибудь оборонного завода начинает болтать о каком-либо достижении или усовершенствовании, если он будет говорить даже только о какой-то

крупнице, то и этой крупницы иной раз бывает достаточно для того, чтобы разведка поняла, в чем дело.

Необходимо прямо сказать: нужно держаться золотого правила—поменьше болтать, побольше думать над тем, что говоришь, крепче держать язык за зубами.

То, что знаешь,—не разбалтывать, чего не знаешь—не выдумывать, потому что каждая выдумка имеет реальную почву, из которой иностранная разведка может, как из золотой жилы, отобрав песок и шлак, взять то, что ей может быть полезно и нужно.

Конечно, вредительская работа последнего периода решительно отличается от тех форм вредительства, которые были в прошлом, не говоря уже о шахтинском периоде, о вредительстве периода «Промпартии». Там вредительство отличалось грубостью, примитивностью. Сейчас это дело делается нашими врагами более тонко.

На железнодорожном транспорте, основная задача вредителей и диверсантов—это организация железнодорожных крушений. Но напрасно думать, что эти крушения организовываются только на ж.-д. путях. Они подготовляются нередко исподволь, при помощи целой системы преступных мероприятий, направленных на организацию крушений. Зачастую эти крушения подготовляются не на самом полотне железной дороги, а, как правило, на подсобных предприятиях, отчасти и преимущественно в депо, в процессе так называемого текущего ремонта.

В какой-либо мастерской или в депо вредителям-троцкистам и иным антисоветским элементам удается организовать группу из 3—4 человек, то здесь распределяются роли так, что одни вредят, а другие пролезают на контроль и обеспечивают, таким образом, возможность выпуска паровозов из депо в таком состоянии, какое неминуемо должно вызвать крушение.

На одной железной дороге за два последних месяца 1936 г. было выпущено из маленького депо 18 паровозов со значительным браком. Здесь систематически выпускались паровозы с неправильной центровкой осей, т. е. с такими дефектами, которые должны были заведомо привести к авариям и крушениям. И выпущенные из этого депо паровозы действительно попадали в крушения и аварии.

Стали копаться в этом деле и оказалось, что и здесь засела группа старых троцкистов, матерых вредителей, которые умышленно вредительски «ремонтировали» паровозы.

Установлено в целом ряде случаев, что под паровозы подкапывали колесные пары с недопустимой толщиной так называемых реборд. Реборда—это выступ бандаж, обеспечивающий подвижной состав от схода с рельсов. Было так, что из депо выпускались паровозы с неправильным разбегом оси в буксе, с ненормальным разбегом так называемой кулисы, т. е. одной из важнейших частей парораспределительного механизма в паровозе. Все это проводится исподволь, незаметно, так, чтобы обеспечить возможность прикрыть, в случае чего, вредительский, диверсионный акт ссылками на технические неполадки, на случайность, на халатность, недосмотр и т. д. и т. п. и к стати подвести под уголовную ответственность второстепенных людей, даже неви-

новных людей. Это тоже один из приемов маскировки.

Так было при известном крушении на станции Шумиха в результате всяких преступных махинаций некоторых администраторов дороги, оказавшихся троцкистскими диверсантами, подсунувших следствию и суду ложные технические акты, давших заведомо и нарочито ложные объяснения; были осуждены второстепенные люди при крушении, а главные и настоящие виновники крушения остались в тени. При крушении на станции Шумиха погибло 29 красноармейцев, крушение было подготовлено Князевым, который был начальником Южно-Уральской дороги, а на суде все свалили на технические недочеты, на стрелочников, неповинных в диверсии. Потом истина восторжествовала. Князев и его сообщники были изобличены, но первоначально маскировка этих бандитов имела успех.

Несколько дней назад мы закончили расследованием дело группы работников одиннадцатой Красно-Уфимской дистанции пути Казанской ж. д. Оказалось, что там сидела троцкистско-шпионская вредительская группа, возглавлявшаяся начальником одиннадцатой дистанции пути Порошиным и пробравшимся в парторги—Бересневым.

На протяжении 1936 г. здесь систематически проводилась вредительская работа, направленная на развал путевого хозяйства. Оказалось, что в результате этой вредительской деятельности почти на всех околках одиннадцатой дистанции состояние путей являлось угрожающим движению поездов. Имел место перекокс шпал, в отдельных случаях доходивший до 30 см. После среднего ремонта заусеницы не очищались, дефектные рельсы не сменялись, болты не закреплялись. При ремонте путей шпалы подбивали не балластом, а просто досками и колыями, что вызывало излом рельс.

При проверке состояния пути одной этой одиннадцатой дистанции на 1 апреля 1937 г. обнаружено 2175 дефектных рельс, 62 тыс. негодных шпал, 12 тыс. накладок, которые требуют немедленной замены. В результате—ряд крушений; 20 марта 1937 г. мы имели крушение, в котором было разбито 30 вагонов и повреждено 10 вагонов.

28 марта 1937 г. на другом перегоне произошло пассажирское крушение, к счастью без человеческих жертв.

5 апреля 1937 г. потерпел крушение еще один поезд—25 вагонов разбито и т. д. и т. п.

В начале это объяснялось неполадками, недисциплинированностью, разгильдяйством, распушенностью отдельных работников, а когда стали копаться поглубже, то оказалось, что там засела троцкистская банда во главе с начальником дистанции, с участием парторга, — группа, в которую входил старший дорожный мастер, путевые обходчики, дорожные мастера, бригадиры.

Орудуют кое-где троцкистские диверсанты и вредители и на водном транспорте. Например, немало преступлений они совершили в Каспийском водном хозяйстве. Недавно в газетах сообщалось о том, что погиб пароход «Советская Армения». Это произошло при неслыханных обстоятельствах.

Вышел пароход с нефтегрузом с командой в 30 человек. Во время хода вода стала наполнять сначала трюм, затем машинную часть, и

в течение 2 часов танкер опустился на дно. Команде удалось спастись, но танкер и ценный груз погибли. Расследованием было установлено, что «Советской Армении» был запрещен выход в море без предварительного ремонта, так как состояние его корпуса было угрожающим. Имелось прямое запрещение регистратора. Тем не менее руководство пароходства выпустило пароход из порта, прикрывшись якобы пользой дела, необходимостью выполнить план перевозок и тому подобными благовидными предложениями. В действительности, пароход погиб из-за явно преступной халатности или прямого вредительства. Не случайно в Каспийском пароходстве имела хождение вредительская теория о работе судов «на износ», о том, что в пароходе нужно беречь «сердце», т. е. машину, а все остальное—дело второстепенное. Известно, что во всяком организме сердце—это все; если сердце перестанет работать, то в каком бы футляре оно ни было, дело кончено. Поэтому, конечно, надо «беречь сердце», надо обеспечить, чтобы машина была в полном порядке. Это правильно. Машина должна быть в образцовом состоянии, но не за счет корпуса. Вредительская же теория состояла в том, что надо беречь сердце, не забывая о корпусе. Эта теория приводила к тому, что на пароходах были прекрасные новые машины, а днища были худые и суда плавали под угрозой гибели. Вот пароход «Советская Армения» и погиб.

Здесь, конечно, не обошлось без вредительства.

В 1936 г. в Ленинграде произошел такой случай. Весной как только стала вскрываться Нева, по реке двинулся целый караван в составе дюжины наших пароходов. Несмотря на то что планом было предусмотрено начало навигации не ранее 5 апреля проводкой груженных судов, пароходство под руководством Бронштейна начало навигацию в середине марта.

Три первых судна, только что закупленных за границей, загруженные к тому же на 30—40% против нормы, были проведены с повреждениями и немедленно же стали в ремонт. Такая же судьба постигла и 9 других пароходов.

Хозяйственная операция была сорвана. Что же оказалось? Оказалось, что стоявший во главе Северного речного пароходства в Ленинграде Бронштейн—троцкист, который будучи разоблачен вместе с другими своими сообщниками, раскрыл подлинный план этого «ледового похода» своего каравана, рассчитанный на то, чтобы операцию по раннему лесосплаву сорвать.

По делу Якира, Тухачевского и других предателей был осужден и расстрелян, как известно, Эйдемман, бывший в свое время председателем центрального совета Осоавиахима и одновременно одним из главных виновников в этом деле государственной измены. Сейчас раскрылись крупные злоупотребления на строительстве центрального аэроклуба.

Оказалось, что план строительства на 1937 г. имел 3 варианта. Уже это одно показывает, как хорошо велось строительство. При этом последний вариант был утвержден 13 марта 1937 г. Но из-за позднего утверждения финансирования первого квартала в банке не было оформлено, лес и цемент не были выкуплены, и строительные работы оказались сорванными.

По плану работ 1936 г. была предусмотрена постройка центральной насосной станции для откачки воды из дренажных колодезных установок. Проект утвержден в июне 1936 г., но только в сентябре 1936 г. оказалось, что рабочих чертежей не существует. Окончательные чертежи были готовы в марте 1937 г. В результате за строительство своевременно не взялись, дренажные трубы оказались забитыми песком, теперь придется все начинать сначала.

На строительстве пропал ряд проектов и смет, имеющих очень важное значение. Об этом Эйдемман молчал и ничего не говорил. Покаявшись в своих грехах, в действительности он целую гору своих преступлений скрыл.

В 1936 г. президиум центрального совета Осоавиахима произвел списание в расход 3 млн. руб. по Тушинскому аэродрому, как будто на капиталовложения в летное поле. Теперь оказалось, что эти капиталовложения никакими документами не подтверждены. Не исключено, что эти 3 млн. полностью или частично пошли на преступные цели бандитской шайки.

Так «работают» наши враги.

Вскрыт такой возмутительный факт. На некоторых зерноскладах под видом фосфорно-желатиновой приманки для отравления грызунов было обнаружено самовоспламеняющееся вещество. Пожары, возникшие в нескольких местах, были ликвидированы работниками склада. Оттуда изыли фосфорно-желатиновую приманку. Как можно видеть, диверсанты не останавливаются ни перед чем.

Сказанное далеко не исчерпывает, конечно, всех форм и методов преступной и подлой деятельности врагов нашего народа.

Можно было бы привести ряд других фактов, которые говорят о том, как беспрдельны подлость и коварство наших врагов, которые не стесняются в средствах, не гнушаются ничем, никакой мерзостью и циничной подлостью преступлений.

Наша задача—неуклонно разоблачать врага, неуклонно разоблачать его преступные махинации. Наша задача—мобилизовать общественную бдительность и создать ту непреступную, мощную стену общественного сознания, которая не позволит ни одному разведчику и вредителю проникнуть в наши ряды.

На III конгрессе Коммунистического интернационала Ленин говорил о наших врагах:

«Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно,—и я думаю, что иностранные товарищи это сделают,—систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции. Она работает, главным образом, за границей, и иностранным товарищам будет не особенно трудно проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая тео-

рия, это—практическая политика, и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается. Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась. Она учится с величайшей жадностью, и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западно-европейского развития. Мы должны считаться с этим, должны улучшать наши собственные организации и методы, и мы будем добиваться этого всеми силами. Нам было сравнительно легко, и я думаю, что и для других революций будет так же легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами»¹.

Эти указания Ленина вместе с указаниями товарища Сталина имеют для нас решающее значение. Они говорят о том, что мы должны внимательно изучать практику и технику борьбы врагов нашего отечества, нашего социалистического государства рабочих и крестьян. Мы должны изучать практику и технику борьбы разведывательных органов, начиная от вербовки агентуры, до организации их преступной деятельности, направленной против интересов нашего социалистического отечества, по линии вредительства, шпионажа, диверсии и террора. Мы должны уметь овладеть всей техникой борьбы наших врагов, чтобы своевременно и радикально распознавать все те методы и средства, при помощи которых они против нас ведут свою подрывную работу, чтобы беспощадно и безошибочно громить врага, истреблять врага, уничтожать вражеские машины.

К сожалению, надо еще много сделать, чтобы сказать, что мы этой техникой овладели в полной мере. Мы сплошь и рядом проявляем непростительное рогозейство. Вот, например, в последнее время церковники развили контрреволюционную агитацию и пропаганду против советской власти, прикрываясь новой Конституцией.

В последнее время церковники оживили свою деятельность. В одном месте они «нашли святого Васю», в другом месте «преподобную Варвару», в большей части полуумных дегенератов, которых делают «святыми» и, таким образом, производят свои жульнические манипуляции, обманывая и эксплуатируя невежественных людей. Они играют на старых пережитках, на религиозных предрассудках наиболее отсталой части населения.

Мы этой преступной деятельности в достаточной мере не противопоставляем свою про-

паганду. Враг умело пользуется нашей беспечностью.

Приведу один пример, который я почерпнул из специального донесения Куйбышевского областного прокурора.

30 июня 1936 г. в Куйбышеве на Троицком базаре был замечен нищий Струков Г. С., который значился глухонемым. Он сидел на базаре и скромно просил милостыню. На груди у него была дощечка с надписью: «Граждане, помогите глухонемому, раздели, разули, а теперь работать не дают». Мимо этого глухонемого прошла не одна сотня людей, которые не обратили внимания на эту явно антисоветскую агитацию. Один человек обратил на это внимание; привел «нищего» в милицию и оказалось, что он совсем не глухой и совсем не немой, он оказался раскулаченным кулаком, который избрал такой путь антисоветской агитации. У него в кармане нашли десяток таких же дощечек, с таким же текстом надписей. Когда его спросили, что он думал делать с этими дощечками, он ответил, что если бы кому-нибудь понадобилось, он бы и дал.

Вот вам форма контрреволюционной агитации и контрреволюционной прокламации.

Условия международной обстановки очень сложны. Противоречия между капиталистическими странами обостряются с каждым днем. Все больше возрастают противоречия между нашим социалистическим государством, олицетворяющим собой систему новых социалистических отношений, и между странами капиталистического мира и особенно наиболее реакционными, фашистскими и полуфашистскими странами. Эти противоречия растут из месяца в месяц, создают все большую и большую угрозу войны. В этих условиях нужны максимальная бдительность и максимальное искусство овладения большевизмом, под знаменем которого мы побеждали до сих пор и будем побеждать впредь.

Мы должны научиться по-большевистски относиться к окружающей обстановке и к людям а это значит постоянно проявлять вдумчивость, проницательность, бдительность, стойкость и выдержанность.

Всегда и всюду — на работе, в служебной обстановке, при исполнении служебных обязанностей, в быту — мы должны помнить о наших врагах, об их коварстве, вероломстве, способности и готовности пустить в ход против нас, как они это и делают сейчас, самые подлые средства борьбы. Это они делали и будут делать.

Мы должны это помнить и напоминать об этом другим. Мы преодолели все трудности благодаря мудрому и гениальному руководству нашей партии, идущей по пути, указанному нашими великими учителями и вождями — Лениным и Сталиным.

Под руководством нашего ЦК во главе с великим учителем и вождем товарищем Сталиным мы окончательно победим и разгромим наших врагов без остатка.

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 454—455.

Против антимарксистских теорий в уголовном праве¹

I

Основным вопросом социалистического уголовного права является вопрос о вине. В советском уголовном праве при совершении преступления ответственность основывается на личной, индивидуальной уголовной ответственности. Последовательный, социалистический демократизм не исключает при особо тяжких злодеяниях и объективной ответственности, но все же определяющим принципом является личная, индивидуальная ответственность.

Марксо-ленинская теория права не отрицает вины как предпосылки личной ответственности за совершенные преступления. Только марксизм и может дать действительно научное обоснование вины в уголовном праве, разоблачая идеалистические теории о вине.

Вредительская «теория» Пашуканиса всячески извращала принципы советского уголовного права также и в вопросе о вине.

Пашуканис отрицает вину как предпосылку уголовной ответственности в силу того, что она якобы всегда связана с принципами индетерминизма. Вина, по Пашуканису, всегда является иррациональной, мистифицирующей категорией, прикрывающей действительную сущность уголовной ответственности. По Пашуканису, действительная сущность уголовной ответственности выступает только в теории опасного состояния. Троцкист Старосельский так и пишет, что вина и виновность не являются непосредственно целесообразным институтом, а представляют рациональную цель репрессии извращенно. Старосельский «дефетишизирует» вину, видит в ней лишь кривое зеркало действительной опасности преступления, которая более точно выражается в теории опасного состояния социалистической школы уголовного права. Здесь вместо «индивидуальной ответственности», пишет Старосельский, критерием репрессии становится просто «социальная необходимость». Таким образом Пашуканис и его «школка» трактуют проблему уголовной ответственности вне всякой связи с развитием классовой борьбы. Задача марксизма, оказывается, состоит лишь в том, чтобы дефетишизировать категории, снять с них мистифицирующую оболочку вины, и тогда мы обнаружим реальное существо уголовной ответственности.

Бухаринско-троцкистская «концепция» Пашуканиса не вскрывает поэтому действительного развития проблемы уголовной ответственности в буржуазном обществе. В действительности вина, индивидуальная ответственность выполняет вовсе не мистифицирующую, а весьма рациональную роль в организации уголовной репрессии. Не случайно поэтому Гегель так отстаивает принцип индивидуальной ответственности при применении наказания². По Гегелю ответственность может иметь место лишь в том случае, когда совершенное

действие является виновным, умышленным действием. Воля лишь в том случае может нести ответственность, что ей ведомо как предпосылка ее цели лишь то, что содержалось в ее умысле. В этих требованиях Гегеля индивидуальной ответственности выражаются общие принципы формальной, урезанной буржуазной демократии. Принцип индивидуализации ответственности является по своему классовому существу важнейшим методом рациональной, эффективной организации репрессии буржуазного государства. Дифференциация ответственности в зависимости от степени напряжения «злой воли» преступника выражает различную степень классовой опасности преступника для господствующей буржуазии. Так что принцип индивидуализации это не иррациональная категория, а весьма рациональный принцип карательной политики буржуазного общества в борьбе с сопротивлением эксплуатируемых. Буржуазными теоретиками принцип индивидуальной ответственности прикрывается требованиями формальной, фальшивой буржуазной демократии, гарантий прав личности и т. д. Но буржуазный суд никогда не ограничивается принципом индивидуальной ответственности. В борьбе с эксплуатируемыми буржуазия прибегает также и к объективной и к коллективной уголовной ответственности. Особенно широко эти принципы уголовной ответственности господствующая буржуазия широко применяет в колониях, где подавление сопротивления эксплуатируемых протекает в наиболее обнаженных формах и не связывается с формальным соблюдением урезанных принципов буржуазной демократии. В периоды же наиболее острой революционной борьбы пролетариата с буржуазией последняя обрасывает маску законности, суд отступает на задний план, и открывается широкое поле действия для террористической внесудебной расправы.

В эпоху империализма, в связи с усилением реакции по всей линии, особенно ясно выражается эта ломка принципа индивидуальной ответственности, его все большие ограничения при применении наказания.

Поэтому антропологическая школа уголовного права уже на рубеже эпохи империализма, выражая усиление реакции в уголовной политике, требует замены вины изучением социальной опасности преступника общества. Это требование защищает также реакционная школа эпохи империализма — социологическая школа уголовного права.

В целях усиления карательной политики в эпоху империализма социологическая школа уголовного права предложила заменить вину теорией опасного состояния, которая давала самые широкие возможности суду для беспощадной расправы с лицами, опасными господствующей буржуазии независимо от степени тяжести совершенного преступного действия. Эти реакционные установки буржуазной социологической школы уголовного права выдавались Пашуканисом и его «школкой» в качестве марксистской теории ответственности.

«Идея ответственности,—писал Пашуканис,—необходима, если наказание выступает как средство расправы. Преступник отвечает своей

¹ Третья статья. Первая статья напечатана в № 5 «Социалистической законности», вторая статья — в № 6 «Социалистической законности».

² Гегель, Соч., т. VII, § 115—118.

свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который соразмерен тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этого начала действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова.

Юридическое понятие вины не научно, ибо оно прямым путем ведет к противоречиям индивидуализма. С точки зрения сцепления причин, вызвавших то или иное событие, нет ни малейшего основания отдавать предпочтение одному звену перед другим. Действия человека психически ненормального (невменяемого) точно также обусловлены рядом причин, т. е. наследственностью, условиями жизни, средой, и т. д., как и действия человека вполне нормального».

Механическая, антидиалектическая методология Пашуканиса приводит к выводу, что вина связана только с индетерминизмом. Пашуканис также отрицает принципиальное отличие мер воздействия в отношении вменяемых и невменяемых правонарушителей. Невменяемый признается также принципиально ответственным, как и вменяемые. Тем самым смазывается классовая сущность преступления и уголовной ответственности. Пашуканис здесь полностью стоит на позициях социологической школы уголовного права. Советское уголовное право, как пишет Пашуканис в одной рецензии, должно особое значение придать объективной ответственности.

Враг народа Пашуканис пытается сознательно ориентировать нашу судебную практику на разрыв с принципами социалистического демократизма, с принципом индивидуальной ответственности как определяющим принципом социалистического уголовного права.

Пашуканис исходит из установок реакционных буржуазных школ уголовного права. Так, Э. Ферри отрицая свободу воли, отрицает также вину¹ и предлагает руководствоваться при применении мер обороны против преступников исходя из изучения тех мотивов, в силу которых было совершено преступление, из изучения степени общественной опасности личности, т. е. опасности правонарушителя для господствующей буржуазии. Поэтому Ферри рассматривает умысел и неосторожность как институты, имеющие весьма второстепенное значение в вопросе об уголовной ответственности. Решающее значение имеет степень вообще опасности данной личности для порядка.

Для обоснования уголовной ответственности, по Ферри, достаточно одной физической, объективной, вменяемости. Ведь именно то же самое говорит и Пашуканис, отрицающий вину и определяющий значение в советском уголовном праве индивидуальной ответственности. С этой точки зрения Ферри, а за ним и Пашуканис, отрицают принципиальное отличие между действиями вменяемых и невменяемых правонарушителей. «Позитивная школа, наоборот, находит,—пишет Ферри,—что подобно тому как не существует свободной воли, не существует также ни ответственности, ни виновности и ни нравственной вменяемости, откуда,

однако, не следует, что должна исчезнуть всякая политическая вменяемость, уголовная ответственность или наказуемость преступника. Она утверждает (в этом и заключается ее коренное нововведение), что для установления уголовной ответственности достаточно одной физической вменяемости, причем, разумеется, она устанавливает также и другие объективные и субъективные условия применения различных форм наказания, т. е. социальной обороны, к различным категориям преступников и преступлений»¹.

Но Пашуканис при разрешении проблемы уголовной ответственности повторяет не только «теории» реакционной буржуазной антропологической школы уголовного права, но также и утверждения социологической школы уголовного права. Лист давно предлагал, так же как и другие лидеры социологической школы, отказаться от вины в уголовном праве. «Правда,—писал он,—система детерминизма устаревает по отношению к человеку ответственному, так же как то сделала классическая школа по отношению к человеку безответственному, понятие вины..., а с тем и идею искупления, потому что понятие вины и искупления неотделимы от идеи свободы воли, которую по традиции передала нам классическая школа»².

Не случайно эти реакционнейшие теории об отказе от вины и замены ее теорией опасного состояния так широко сейчас используются «теоретиками» германского фашизма, которые в своей «расовой» и «волевой» теории уголовного права требуют при применении наказания руководствоваться не тяжестью совершенного преступления, а степенью опасности вообще, воли, мировоззрения преступника для фашистской диктатуры.

Итак контрреволюционная, бухаринско-троцкистская «концепция» Пашуканиса смыкается с «теориями» оголтелого фашизма.

«Концепция» Пашуканиса ориентирует на объективную ответственность как на основной принцип карательной политики, что выражает троцкистские «установки» в оценке наказания как голого насилия.

II

Буржуазные «теории» Пашуканиса оказали весьма значительное влияние на разработку проблемы вины. Так, Волков рассматривает вину в капиталистическом обществе как иррациональную, мистифицирующую категорию. Волков не вскрывает действительного существования индивидуальной ответственности в буржуазном государстве. По Волкову, замена социологической школой вины теорией социальной опасности, выражает попытки преодоления эквивалентной формы уголовной репрессии и стремления на плановых началах организовать уголовную репрессию. Бухаринско-реставраторская «теория» организованного капитализма лежит в основе этих высказываний Волкова о вине³.

¹ Э. Ферри, Уголовная социология, стр. 80.

² Franz Liszt, Уголовная политика.

³ См. «Учебник уголовного права», Харьков, 1930; «Кризис социологической школы и фрейдизм в уголовном праве» («Революция права», 1929, № 6, стр. 89).

¹ Э. Ферри, Уголовная социология, т. 1, стр. 216—218

На основе «концепции» Пашуканиса дается освещение вопроса о вине в буржуазном государстве и Разумовским. Вина рассматривается Разумовским как юридическая ответственность, «выявляющаяся вследствие нарушения со стороны субъекта прав своего контрагента и потому выступающая в форме правового отношения, в коем отсутствует воля другой стороны»¹. Здесь дается типично идеалистическое, в духе «концепции» Пашуканиса, определение понятия вины. Последняя выступает как результат правонарушения абстрактным товаровладельцем правовых отношений. Эта антиисторическая постановка вопроса Разумовским полностью выхолащивает классовую сущность вины, индивидуальной ответственности в буржуазном государстве.

Механистическая, абстрактно-схоластическая постановка вопроса о роли и значении вины в буржуазном государстве не дает возможности Разумовскому вскрыть действительную политическую сущность этого института. Вина Разумовским рассматривается как некая реальная категория вообще, которая однозначна и в буржуазном и в советском праве. Только в буржуазном праве она облечена в мистифицирующие одежды, а в советском праве она выступает, так сказать, в дефетишизированном виде — в виде социальной опасности преступника и преступления. Этот антиисторический подход не может вскрыть принципиальное отличие вины в буржуазном и советском праве. Вина, умысел и т. д. трактуются как реальные, объективные правоотношения вообще, причем эти институты в советском праве рассматриваются как отмирающие и выветривающиеся. С этих антимарксистских позиций Разумовский не мог вскрыть значение индивидуализации ответственности в философско-правовых построениях Канта и Гегеля. Разумовский все значение вины в философской системе Канта видит только в том, что вина носит субъективный характер, как и все категории, связанные с понятием свободы, ответственности, умысла и т. д. Совершенно очевидно, что подобный анализ нас не двигает ни на шаг вперед. При оценке гегелевской философской системы Разумовский становится на путь меньшевистствующего идеализма, утверждая, что «философия уголовного права Гегеля представляет собой в этом отношении высшую ступень в развитии так называемой «классической школы», ту ступень, на которой она «вплотную подходит» (Ленин) к материалистическому пониманию, отражая реальные формы существующих общественных отношений, характерных для буржуазного общества. Ее недостаток лишь в том, что он не может подняться над этими отношениями, подойти к ним не только с точки зрения абстрактного права, но и с точки зрения человека, как целостного социального существа»².

Таким образом Гегель, по мнению Разумовского, вплотную подходит к материалистическому пониманию вины. Известно, что «Философия права» является наиболее реакционной

частью учения Гегеля. Вместо того чтобы вскрыть политическую сущность на том этапе развития буржуазного общества значения требований Гегелем индивидуальной ответственности как важнейшего метода организации репрессии капиталистического общества, прикрываемого принципами формальной буржуазной демократии о гарантии прав личности и т. д., Разумовский ограничивается утверждением, что собственно в системе Гегеля дается почти материалистическое истолкование вины.

Буржуазные «теории» Пашуканиса о вине оказали весьма значительное влияние и на вопросы о вине в социалистическом уголовном праве. Так, Волков пишет, что «социологическая школа заменила вину понятием социальной опасности. В нашем праве то же самое понятие социальной опасности, но с другим содержанием, чем у «социологов», есть тот элемент, который криминализует преступное поведение¹. Несмотря на все оговорки, Волков проводит знак равенства между социальной опасностью в буржуазном и в советском уголовном праве. Неудивительно после этого, что Волков, так же как и буржуазные криминалисты-социологи, отрицал принципиальное различие между действиями вменяемых и невменяемых правонарушителей: «Действительно, «невменяемости» в старом смысле слова как предела, за который не переходит деятельность слова, как предела, за который не переходит деятельность суда, наше право не знает. «Невменяемый» также является субъектом преступления, так же может быть носителем социальной опасности и поддежать воздействию суда в смысле применения мер социальной защиты, как и так называемый «вменяемый» субъект. Но бесспорно, с другой стороны, «что содержание мер социальной защиты — иное отношение к «невменяемому», чем к «вменяемому». А раз так, то «вменяемость» и «невменяемость» перестают, правда, быть границей судебного вмешательства, но получают другое значение — значение момента, определяющего категорию мер социальной защиты, применяемых в том или другом случае, и к тому же категорию резко и точно законом очерченную»². В дальнейшем Волков отказался от этой точки зрения.

Вину, умысел, неосторожность предлагается Разумовским постепенно «элиминировать» из советского уголовного законодательства³. Касаясь так называемой дозировки наказания и индивидуализации ответственности, Разумовский приходит к выводу, что «лишь процесс социалистической перестройки наших общественных отношений делает окончательно ненужной эту форму ответственности»⁴. Производимая Разумовским «дефетишизация» вины, умысла, неосторожности в советском уголовном праве приводит его к заключению, что особенностью советского уголовного права является создание новой формы ответственности.

¹ Волков, Учебник уголовного права, Харьков, 1930.

² Г. И. Волков, О трех вопросах уголовного кодекса, «Вестник советской юстиции» № 6, 15 марта 1926, стр. 237.

³ Разумовский, Детерминизм и ответственность в уголовном праве, «Революция права», 1929, № 6, стр. 101.

⁴ Там же, стр. 103—104.

¹ И. П. Разумовский, «Детерминизм и ответственность в уголовном праве» («Революция права», 1929, № 6, стр. 89).

² Разумовский, Детерминизм и ответственность в уголовном праве, «Революция права», 1929, № 6, стр. 92.

сти — «формы коллективной ответственности, далеко не укладывающейся в привычные юридические формулировки»¹. Принцип коллективной ответственности, который применялся в совершенно исключительных случаях в период гражданской войны, возводится Разумовским к основной принцип советской уголовной политики. Так извращаются, под влиянием «концепции» Пашуканиса, принципы советской карательной политики.

Эти антимарксистские утверждения подробно развиваются и в работах Эстрина, который пишет, что советское уголовное право основывается не на вине, а на «опасности преступника»².

Отсюда «значение понятия умысла или понятия неосторожности существенно уменьшается, поскольку, вообще говоря, эти два понятия уже охватываются понятием классовой опасности»³. Эстрин приходит даже к утверждению, что в УК 1922 г. без этих институтов «можно было бы обойтись», ибо они «безусловно затрудняют понимание УК массами и овладение ими судьями»⁴.

Не случайно поэтому Эстрин объективную ответственность рассматривает как основу советской карательной политики»⁵. Эти установки рвут с принципом индивидуализации уголовного репрессии в советском уголовном праве, с принципами социалистического демократизма.

В книге тов. Крыленко «Ленин о суде» в освещении вопроса о вине также сказались влияние буржуазных «теорий». Индивидуализацию ответственности тов. Крыленко, вопреки взглядам Ленина, не рассматривает как основной принцип советского суда. Вина, умысел, неосторожность отрицаются как необходимые условия применения наказания. Насколько неверно освещаются взгляды Ленина по этим вопросам, видно из следующего примера: тов. Крыленко делает вывод об отрицании вины советским уголовным правом, опираясь на высказывание Ленина о том, что «мы вовсе не виним того голодного, измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами, но мы говорим: мы существуем, как рабоче-крестьянское правительство, не для того, чтобы узаконять и поощрять распад и развал»⁶. На этом абзаце речи Ленина на IV конференции профессиональных союзов тов. Крыленко останавливается, в силу чего может действительно создаться впечатление об отрицании Лениным вины. В действительности, Ленин в этой же речи далее говорит, что однако «можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно подчеркивает сознательность действий. Да, борьба с мешочниками, с отдельными провозами хлеба, «трудная борьба, потому что это есть борьба с темнотой, с бессознательностью, с не-

организованностью широких масс, но от этой борьбы мы никогда не откажемся»¹. Следовательно, Ленин не отрицает виновности действий мешочников и в особенности подчеркивает вину тех партийных руководителей, которые не вздут надлежащей борьбы с дезорганизацией и спекуляцией в снабжении населения хлебом.

В другом случае Ленин в дополнение к декрету СНК «Социалистическое отечество в опасности» писал: «Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение: а) от местного своего домового комитета; б) от учреждений, указанных в § 2. Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

Та же кара за сокрытие продовольственных запасов»². Ленин совершенно точно здесь говорит об индивидуальной ответственности только тех лиц, которые нарушают постановление СНК о порядке получения разрешений на оружие. Однако тов. Крыленко, анализируя это высказывание Ленина, делает вывод, что этот пример свидетельствует, до каких пределов доходило у Ленина пренебрежение старым критерием индивидуальной вины»³.

Насколько неверно освещены взгляды Ленина по вопросу о вине, видно из того, что там, где в ряде случаев речь идет о должностной халатности, там тов. Крыленко видит наличие объективной ответственности. Так, Ленин в своей речи на XI съезде РКП(б) говорил о бестолковщине, сутолоке в ряде советских учреждений, где трудно установить личную ответственность должностных лиц за порученное им дело, в силу чего трудно установить, кто ответственен за невыполнение того или иного распоряжения. Ленин требует точного установления обязанностей каждого должностного лица. «Нужен культурный подход, — пишет Ленин, — к простейшему государственному делу, нужно понимание, что это — дело государственное, торговое, если будут препятствия, надо уметь их устранить и тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — нужно найти виновных, а я вам ручаюсь, что найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это дело — нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда...»⁴.

Совершенно очевидно, что здесь Ленин подчеркивает необходимость не объективной, а индивидуальной ответственности, ибо, как пишет Ленин, для того, «чтобы наказать — надо найти виновных». Ленин предлагает за бездействие ответственных руководителей учреждений, которые не ведут борьбу за государственную дисциплину в госаппарате, за точное установление обязанностей каждого должностного лица, привлекать последних к строгой судебной ответственности как бюрократов и волокитчиков. Здесь, следовательно, у Ленина и речи нет об объективной ответственности. Тов. Крыленко, анализируя эти высказывания Ленина, делает политически ошибочный вывод: «При нахождении виновного, — пишет

¹ Там же, стр. 105.

² Эстрин, Развитие советской уголовной политики, стр. 158.

³ Эстрин, Развитие советской уголовной политики, стр. 156.

⁴ Там же, стр. 156.

⁵ Эстрин, О вине и уголовной ответственности в советском праве. «Советское государство», 1935, № 1, стр. 115.

⁶ Ленин, т. XXIII, стр. 98.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 250—251.

² Ленин, т. XXII, стр. 270.

³ Крыленко, Ленин о суде, 1934, стр. 1.

⁴ Ленин, т. XXVII, стр. 253—252. Разрядка моя. — Б. М.

Крыленко, — Владимир Ильич целиком отбрасывал в сторону вопрос о субъективной виновности того или иного лица. Объективная вина в этом случае превалировала»¹.

Таким образом не только извращаются взгляды Ленина по данному конкретному случаю, но вообще делается вывод, что принцип индивидуальной вины — это «старый критерий», принцип буржуазного общества. Так, индивидуализация ответственности рассматривается как типично буржуазная правовая категория. По мнению тов. Крыленко, только буржуазные юристы классической школы при применении наказания исходят из вины преступника. «Другими словами, — пишет тов. Крыленко, — в основание применения репрессии мы кладем не вину, а нечто совершенно иное, именно нашу обязанность как органа государства не допускать распада и развала, которыми угрожают действия данного лица»². Эти утверждения тов. Крыленко на деле обозначают признание правовых институтов только институтами буржуазного права. В действительности это отрицание вины, умысла, неосторожности обозначает не что иное как воспроизведение теоретических позиций буржуазной социологической школы уголовного права. Поэтому тов. Крыленко в книге «Ленин о суде» не было показано принципиальное, качественное отличие принципа индивидуальной ответственности в буржуазном и социалистическом уголовном праве. Эти установки тов. Крыленко приводят к серьезным политическим ошибкам: к особому подчеркиванию роли коллективной и объективной ответственности в советской уголовной политике. Не случайно, после этого, один из криминалистов договорился до таких «практических» предложений, как введение в качестве опыта коллективной уголовной ответственности в некоторых районах Московской области.

Проект УК Комкадемии 1930 г. наиболее последовательно отражает влияние «теорий» Пашуканиса в вопросе о вине. Объективная ответственность возводится в руководящий принцип карательной политики, в силу чего проект скатывается на путь голого насилия. Контрреволюционным преступлением, по проекту, рассматривается всякое действие, объективно способствующее свержению или ослаблению диктатуры пролетариата. Больше того, к преступлениям объективно контрреволюционного характера приравниваются особо опасные преступления против порядка управления. Умысел и неосторожность исключаются проектом УК, ибо «отжил и стал пенуемым пролетариату целый ряд прежних юридических понятий, — говорит «Введение». — Проект последовательно проводит в жизнь идею отсеечения этих понятий»³.

В проекте УК Госинститута по изучению преступности и преступника 1930 г., который является по существу кулацким проектом, так же с позиций буржуазной социологической школы уголовного права решался вопрос об уголовной ответственности. Умысел и неосторожность среди так называемых «критериев»

социальной опасности поставлены на последнее место. Так, в ст. 10 этого проекта УК говорится следующее: «10. Признаки социальной опасности лица. — При разрешении вопроса о социальной опасности лица суд должен учесть: а) его классовое положение и социальное прошлое, б) имущественное и семейное положение, в) культурный уровень, г) состояние здоровья и степень умственного развития, д) мотивы действия, е) совершено ли общественно-опасное действие случайно или профессиональным преступником, ж) действовало ли лицо умышленно или неосторожно»⁴.

Не случайно поэтому одним из авторов этого проекта проф. Трайнин ставился вопрос о «дефетишизации» институтов советского уголовного права и вопрос о необходимости пересмотра этих институтов под углом выяснения, какие же из них уже являются «пережитком прошлого».

«На перевале, у начала второго десятилетия, — писал т. Трайнин, — советская общественность и научная мысль подвергают новой оценке положения прошлого и ближайшие задачи будущего. Это движение наблюдается во всех сферах советского строительства, оно коснулось, естественно, и уголовной политики».

Еще в 1926 г. Е. Пашуканис в своей, получившей заслуженную известность, работе писал: «Что представляет собой общая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д., как не способ более точного взвешивания виновности? Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности? Какой смысл имеет понятие виновности? Наконец, зачем нужна вся особенная часть кодекса, если дело идет о мерах социальной (классовой) защиты?» И уже в 1927 г. Н. Крыленко, как бы откликаясь на эти вопросы, пишет «о необходимости коренной переработки нашего уголовного кодекса, может быть вплоть до постановки вопроса о целесообразности вообще самого построения кодекса из статей, снабженных карательными санкциями. Сама жизнь в этой области уже сказала: «пора». И далее, «долей крючкотворство, долей фетишистское понимание букв закона, долей нынешнюю сложность УПК». Это вновь нарождавшееся движение, эти лозунги, где принципиальное перетесано с техническим, и протест против крючкотворства сливается с отрицанием. Особенной части, это движение заслуживает полного внимания. Это успешности предстоящих работ и их продуктивности необходимо отчетливо осознать, что в сфере уголовного законодательства действительно является автоматическим пережитком прошлого и что, напротив, должно быть признано неустрашимым в настоящий, переходный к коммунистическому строю период времени»⁵.

¹ Государственный институт по изучению преступности и преступника, Проект основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР, Москва, 1930, стр. 9.

² А. Трайнин, Основы социальной опасности, «Основы и задачи советской уголовной политики», стр. 98.

¹ Крыленко, Ленин о суде, стр. 204—205.

² Крыленко, Ленин о суде, 1934, стр. 196.

³ Тупителъная статья Крыленко к проекту 1930 г. (Изд. 1937 г., стр. 22) «Уголовный кодекс без Особенной части и без дозирок».

Насколько сильно оказалось влияние анти-марксистских теорий по вопросу о вине, умысле и неосторожности, видно из того, что даже в комментариях к уголовному кодексу до самого последнего времени субъективные признаки состава преступления отрицаются как необходимые условия уголовной ответственности.

«Ст. 10 УК, — говорится в этих комментариях, — устанавливает умысел и преступную неосторожность как необходимые условия для применения мер наказания. Но было бы неправильно толковать ст. 10 таким образом, что она выдвигает умысел и преступную неосторожность как необходимые условия применения всех вообще мер воздействия, устанавливаемых УК»¹.

«Наше определение преступления явно исключает то значение, которое придается буржуазной школой уголовного права при определении преступления, виновности и умысла. Степень вины отдельного участника преступления, понятно, должна играть роль при выборе по отношению к нему той или иной меры наказания. В этом смысле она должна играть роль обстоятельства, но не главенствующего. Основное в оценке преступления, во всяком случае, — социальная опасность данного действия. В таком отношении к этим обстоятельствам в наибольшей степени проявляется оценка преступления как социального явления. Степень вины и умысла должна быть учтена при оценке опасности каждого участника преступного действия: человек, совершивший преступление с заранее обдуманным планом, всегда опаснее человека, совершившего преступление по неосторожности. Но такая индивидуальная оценка преступника не должна влиять на оценку самого преступного факта как явления, нарушающего основы установленных отношений.

В этом смысле советское уголовное право при оценке преступления отказывается от того исключительного значения критерия вины и умысла, который в буржуазном уголовном праве при его индивидуалистическом подходе к преступным действиям служит исходным положением»².

Что подобные теории о вине преподносятся нашим судебным работникам в комментариях, ответственны мы, прежде всего теоретические работники, ибо в течение ряда лет в юридических журналах эти утверждения преподносились как последние достижения марксистской мысли.

К сожалению, и в настоящий момент в ряде случаев мы не находим еще достаточного уяснения всей глубины прорыва, который мы имеем на фронте теории уголовного права³. Антипартийные позиции проекта УК 1930 г. по вопросу о вине, умысле, неосторожности и т. д. рассматриваются, например, т. Волковым как

только «левацкие извращения задач уголовной политики»⁴. Тем самым смазываются право-оппортунистические «установки» этого проекта.

Насколько медленно идет осознание на правовом фронте крупнейших политических ошибок проекта УК 1930 г., видно, например, из того, что в другом случае ошибки проекта сводятся к практической трудности его применения и к недооценке революционной роли советского закона. Так, в № 6 «Советской юстиции» (стр. 6—7) мы читаем: «В итоге получился известный проект кодекса 1930 г. «без дозировки и Особенной части», практически очень трудный для применения, а теоретически основанный на порочной предпосылке отрицания не только дозировки, но и явной недооценке роли революционного закона как могучего орудия нормирования и воспитания новых общественных отношений на базе твердой социалистической законности, выражающей твердое руководство пролетариата.

Ошибка этого проекта было то, что в эпоху коренного перелома — это были 1929 — 1930 гг. — он прокламировал ориентировочный перечень преступлений, в то время когда, наоборот, надо было всячески бороться за твердый закон как орудие твердого революционного руководства при перестройке общественных отношений. «Правооппортунистические» и «левацкие» утверждения этого проекта с надлежащей политической четкостью здесь не вскрываются.

Мы не находим также надлежащей политической характеристики «установки» проекта УК 1930 г. в одном из самых последних документов, оценивающих положение на правовом фронте, — в тезисах к положению на теоретическом правовом фронте: «Так о проекте УК 1930 г. в 23 тезисе говорится следующее: «23... Основными положениями этого проекта были:

1) отказ от принципа дозировки, т. е. построение системы применения репрессии по принципу соответствия наказания тяжести преступления к индивидуальным особенностям преступника;

2) прокламирование ориентировочного, а не точного состава преступлений.

Теоретические корни отрицания дозировки целиком совпадали с основными положениями теории Пашуканиса о происхождении права из рыночных отношений, его иррациональности и пр.

Практически отказ от дозировки означал отказ от вполне рационального и целесообразного индивидуализирования судом ответственности в соответствии с общественной опасностью преступления, индивидуальными особенностями преступника и обстановкою преступления в целях как воздействия на самого преступника, так и общественно-воспитательного воздействия на других.

Этим все положительные стороны проекта: борьба его с формальным подходом к преступлению и преступнику, борьба с составляющими существо классической школы идеей возмездия и идеей свободы воли сводились на-нет.

Одновременно установки на ориентировочный перечень преступлений, а не на точные

¹ Г. Рогинский и Д. Карницкий, Уголовный кодекс РСФСР, стр. 42.

² Г. Рогинский и Д. Карницкий, Уголовный кодекс РСФСР, стр. 35—36.

³ См. характеристику доклада Г. Волкова во Всесоюзном институте юридических наук о положении на уголовно-правовом фронте в моей статье «Против смазывания самокритики на фронте уголовного права» («Советская юстиция», 1937, № 9).

⁴ Г. Волков, О проекте нового Уголовного кодекса («Социалистическая законность», 1937, № 3, стр. 73).

составы, знаменовали со стороны авторов проекта явную недооценку революционного закона в условиях диктатуры пролетариата¹.

В этих тезисах отмечается в отношении только дозировки, что отрицание ее было связано с теориями Пашуканиса, но не четкого указания, что этот проект—целиком антипартийный документ, извращающий линию советской карательной политики и политически выражавший собою как правооппортунистические, так и левацкие установки. В отрицании вины, умысла, неосторожности, в подчеркивании объективной ответственности проект скатывается на путь голого насилия. Поэтому нет никаких оснований говорить о каких-то положительных сторонах проекта УК 1930 г., как это делается в упомянутых выше тезисах. Вовсе не заслугой и каким-то нововведением проекта УК 1930 г. является отрицание возмездия и формального подхода к преступлению, ибо эти принципы уже были сформулированы в «Руководящих началах по уголовному праву» 1919 г., в УК 1922 г. и 1936 г. РСФСР.

В тезисах совершенно обходится вопрос о крупнейших ошибках уголовно-правового фронта, с чем, в частности, связаны извращения в оценке так называемой дозировки в буржуазном и в социалистическом уголовном праве. Замалчиваются «теории» о «разложении» буржуазной и уголовно-правовой формы и сводятся к «путанице» крупнейшие политические ошибки уголовно-правового фронта. Так, в тезисе 25 «теория» элементов буржуазной уголовно-правовой формы в советском праве трактуется не как отражение нового маневра Пашуканиса после 1931 г. и все ошибки сводятся к путанице и, очевидно, к неудачной терминологии. Позиция никуда негодная. Это нам не помогает выкорчевывать все теории о вине, умысле и т. д. как об элементах буржуазной уголовно-правовой формы.

III

В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы находим исчерпывающий ответ по вопросу о проблеме вины.

Известно, что враги марксизма много приложили стараний, чтобы «неопровержимо» доказать отрицание якобы марксизмом вообще проблемы ответственности, пытаясь квалифицировать марксизм как фаталистическую теорию.

Однако только марксизм дает единственно научное обоснование для разумного действия, для обоснования ответственности. Только марксизм дает единственно научное обоснование для уяснения действительной роли личности в ходе общественного развития соотношения практики человеческой деятельности и сознания и действительной сущности вины и уголовной ответственности.

Маркс в своих знаменитых тезисах о Фейербахе писал, что на практике человек должен доказать истинность своего мышления². Противовес всяким фаталистическим теориям Маркс подчеркивал огромную актив-

ную роль сознания, говоря в 11 тезисе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»³. С исключительной глубиной вскрывается соотношение практики и сознания в замечаниях Ленина при конспектировании им книги Гегеля «Наука логики». Владимир Ильич отмечает, что человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность⁴. Все цели, которые ставит перед собой человек, определяются объективным миром. Ленин указывает, далее, что человеку только кажется независимость его целей от объективного мира⁵. Этими замечаниями Ленин тем самым показывает несостоятельность учения идеализма об абсолютной, ничем необоснованной свободе воли. В какой мере воля человека, его сознание определяются объективным миром, это видно из следующего указания Ленина: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к познанию закономерностей объективной действительности. Истинность идей, понятий человека можно доказать только практикой»⁶. В какой мере сознание зависит от объективной действительности, видно из того, что, по мнению Ленина, только практика человека и человечества является критерием объективности познания⁷. Но сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его⁸. Товарищ Сталин в 1905 г. в статье «Ответ социал-демократу» дает глубокую постановку вопроса о соотношении бытия и сознания. Бытие определяет сознание. «Сообразно существованию двух классов и сознание вырабатывается двойное: буржуазное и социалистическое»⁹. Эти указания Маркса, Ленина и Сталина имеют громадное значение для уяснения действительной сущности уголовной ответственности. Деятельность личности определяется объективной действительностью, но, однако, личность играет активную роль в изменении этого внешнего мира. Значение сознания, воли личности, так сказать субъективному фактору, марксизм-ленинизм придает весьма важное значение, ни в коей мере не отрицающее ответственности личности за совершаемые действия.

Энгельс блестяще показал марксистское понимание соотношения свободы воли и необходимости, что имеет особо важное значение для разрешения вопроса об основании уголовной ответственности. Свобода воли есть познанная необходимость. Но отвергая буржуазные теории о ничем необусловленной свободе воли, Энгельс в то же время разоблачает и фаталистические теории, поскольку признание необходимости открывает широ-

¹ Там же, стр. 591.

² В. И. Ленин, Философские тетради, 1933, стр. 181.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, 1933, стр. 182.

⁴ Там же, стр. 183—184.

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ Там же, стр. 203.

⁷ Цитирую по книге Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1935, стр. 42.

¹ К положению на теоретическом уголовном фронте, «Советская юстиция», 1937, № 8, стр. 5.
² Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, стр. 589.

кие перспективы для активной деятельности воли человека. «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей... Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹.

Несомненно, что чем в большей мере лицо действует со знанием дела, тем в большей мере оно несет и ответственность за свои действия. Классовая, общественная опасность данного правонарушения и совершенного им преступного действия повышается, когда правонарушитель действует с полным пониманием всей степени опасности совершаемого преступления. Следовательно, понимание свободы воли как познанной необходимости ни в коей мере не исключает вины и ответственности. Больше того, действительно научное обоснование вины, как пишет Ленин, может быть дано только с позиций детерминизма. «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, ни мало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистском взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»².

Вина в советском уголовном праве выражает классовую, общественную опасность преступника и совершенного им преступления для социалистического строительства. Выяснение степени виновности данного преступника имеет большое значение для индивидуализации уголовной ответственности.

Насколько большое значение Ленин придавал личной ответственности, видно из его неоднократных указаний о том, что «гвоздь» положения — в людях, в подборе людей³, и необходимости вести беспощадную войну с бестолковщиной и волокитой в учреждениях, при которых совершенно нельзя установить, кто же персонально несет ответственность за те или иные действия. Судьи при применении наказания должны тщательно изучить степень виновности данного правонарушителя.

«Судьи, — пишет Ленин, — у нас местные. Судьи выбираются местными советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной, которая обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право оказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на

местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными»⁴. Ленин в письме к Н. П. Горбунову от 3 сентября 1921 г. с исключительной четкостью подчеркнул определяющее значение индивидуальной ответственности при применении наказания: «Затем, — писал Ленин, — поручаю Вам расследовать дело о простом шведского завода «Нитвес и Гольм» («Экономическая жизнь» № 194, стр. 4). «Медленно оформили» заказ на водные турбины! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и «бесстыдства»!! Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме.

Установить точную персональную ответственность за работу этого завода и заказы ему.

Вообще установление точной персональной ответственности — важнейшее дело управления СНК и Совета Труда и Обороны. Этого я буду требовать строже всего. Если окажется надобность привлечь для этого НКЮст и Рабкрин или «эксперта» от них»⁵.

В работах товарища Сталина с исключительной конкретностью и глубиной подчеркивается значение личной ответственности. В докладе XVII съезду партии товарищ Сталин говорил: «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе заработной платы; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности»⁶. Поэтому в качестве очередной важнейшей ответственности товарищ Сталин выдвигал в докладе требование необходимости усиления личной ответственности. Для теоретической разработки проблемы уголовной ответственности приведенные выше указания Ленина и Сталина имеют решающее значение.

Изучение работ Маркса, Ленина и Сталина имеет решающее значение для политической правильной разработки институтов социалистического уголовного права. Перед советским правовым фронтом стоят огромные задачи. Сталинская Конституция, являющаяся юридической основой всего нашего законодательства, открывает широчайшие горизонты перед советскими криминалистами для творческой положительной работы. И разработка проблемы вины, имеющей огромное теоретическое и политическое значение, должна быть поставлена как важнейшая задача в нашей теоретической работе.

¹ Там же, стр. 299.

² Ленин, т. XXIX, стр. 401.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 255.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 591.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1931, стр. 103.

² Ленин, т. I, стр. 77. Разрядка моя. — Б. М.

Гражданский процесс и прокуратура

В свете Сталинской Конституции по-новому должны быть поставлены вопросы судостроительства и процесса. Будучи источником всей системы социалистического права, Сталинская Конституция дает исчерпывающие указания о путях, в направлении коих должен развиваться и строиться судебный процесс.

В частности перед наиболее отсталым до сих пор участком судебного процесса — гражданским процессом — открываются перспективы всемерного развертывания и расширения. Два фактора обуславливают положительные перспективы перед гражданским процессом: чрезвычайно выросший удельный вес суда как одного из наиболее авторитетных и могучих органов диктатуры пролетариата и огромный рост гражданских дел в судах, связанный с безраздельным господством в стране общественной, социалистической собственности — основы советского строя, расцветом на этой базе личной собственности трудящихся и укрепившимся социалистическим правосознанием последних. В предусмотренном Конституцией Гражданском процессуальном кодексе Союза ССР должны получить отражение такие установившиеся в области судопроизводства, которые могли бы в наиболее совершенном виде обеспечить воспитательную роль суда в гражданском процессе и гарантировать правильное разрешение гражданско-правовых споров, связанных как с охраной интересов государства, так и с защитой личных и материально-правовых интересов трудящихся.

Надо сказать, что в течение последних 7—8 лет гражданский процесс как правовая дисциплина оставался на самом заднем плане правового фронта; им не занимались ни теоретически, ни практически. В этом отношении гражданский процесс испытывал на себе даже в большей степени, чем другие дисциплины, результаты вредительской и контрреволюционной «теории» Пашуканиса и его «школки». По линии процесса открыто господствовала нигилистическая «теория», что при разборе судебных дел надо исходить из «минимума формы и максимума классового существа».

На положения гражданского процесса не могли также не отразиться и ликвидаторские «теории» в области гражданского права. Исходя из определения Пашуканиса («Общая теория права и марксизм»), что «основой предпосылкой правового регулирования является противоположность частных интересов», что «правовой порядок именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов», некоторые наши цивилисты создали «теорию» отмирания гражданского права по мере исчезновения частнособственнических отношений. Дань этой теории отдал, к сожалению, и П. И. Стучка, имеющий огромные заслуги в деле разработки основ советского права. В своей статье «О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса» («Революция права» № 5 за 1929 г.) Стучка писал: «Гражданское право рушится с каждым днем, по частям исчезает, разваливается все больше и больше, а вот хозяйст-

венно-административное право — это другое дело, оно вырастает». Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие в трудах Амфитеатрова, Гинцбурга, Братуся и других участников бывшей секции хозяйственного права Комакадемии.

Совершенно естественно, что при таком взгляде на перспективы гражданского права не могла развиваться такая наука, содержание которой сводится к деятельности суда в области разрешения гражданско-правовых споров. Что касается «хозяйственно-административного права», которое «вырастало» за счет гражданского права, то оно не могло содействовать оживлению гражданского процесса, хотя бы по одному тому, что споры внутриобщественного хозяйства рассматривались в основном Госарбитражем, принципиально отвергавшим возможность применения к его деятельности норм и принципов гражданского процесса. Картина станет еще более убедительной, если вспомнить, что в это же время, идя в ногу с «теорией» об отмирании гражданского права, суды ликвидировали в своей системе специальные гражданские коллегии.

Однако не надо думать, что на гражданском процессе отразилась вредительская «теория» Пашуканиса лишь косвенно, через гражданское право. Так называемая «меновая концепция», рассматривавшая право как форму опосредствования товарных отношений, нашла себе и прямое убежище в процессуальном праве. «Буржуазное правосудие», — говорит Пашуканис («Общая теория права и марксизм», гл. 7), — «прилагает все заботы, чтобы сделка с преступником состоялась по всем правилам искусства, то есть, чтобы каждый мог убедиться и проверить, что расплата назначена по справедливости (гласность судопроизводства), чтобы преступник мог свободно поторговаться (состязательность процесса), чтобы он при этом мог воспользоваться услугами опытного судебного дельца (допущение защиты) и т. д., словом, государство ставит свое отношение к преступнику в рамки добросовестного коммерческого оборота, в чем и состоят так называемые уголовно-процессуальные гарантии». Так как по «теории» Пашуканиса и его «школки» советское право по содержанию своему является буржуазным («источник права, говорит Берман, и там и тут один и тот же»), то очевидно, что процессуальные гарантии и в советском процессе отражают лишь «добросовестный коммерческий оборот». К сожалению, не критически воспринял эту «меновую концепцию» применительно к гражданскому процессу и т. Стучка. В своем первом томе курса советского гражданского права (стр. 85) Стучка пишет: «Конечно, и судебное право подпало под влияние товарооборота. Наиболее явственно это обнаружилось в гражданской тяжбе, представляющей настоящий торг сторон с участием посредника — властного судьи». Т. Прушицкий продолжает в том же духе. В своей статье «Судопроизводство гражданское» («Энциклопедия государства и права», т. III) т. Прушицкий утверждает, что «построение

гражданского процесса находится в тесной зависимости от гражданского оборота», что «темп судебного производства неизбежно должен быть приведен в соответствие с темпом гражданского оборота». Надо полагать, что принципы гражданского процесса определяются не «гражданским оборотом», а классовой структурой общества, интересами господствующего класса и общими принципами государственного управления в стране. Именно, исходя из этого, мы сейчас говорим, что на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции должен быть построен самый демократический гражданский процесс. Отражение той же концепции мы можем найти и в «программе по гражданскому процессу», составленной т. Прушицким в 1930 г. (изд. Комакадемии). В главе II, посвященной «действиям процесса», имеется тезис «о хозяйской инициативе товаровладельца и процессуальной инициативе стороны». Гражданский процесс, таким образом, обязательно «привязывается» к товарным отношениям, а в качестве стороны в этом процессе фигурирует обязательно все тот же «товаровладелец». Из этой же программы мы узнаем, что т. Прушицкий и по линии гражданского права стоял последовательно на так называемой двухсекторной теории, выдвигающейся т. Стучкой. В первом разделе программы, посвященном гражданскому праву, имеется утверждение о «перерастании гражданского права в административное»; это почти буквальное повторение ошибочных высказываний т. Стучки, что гражданское право рушится с каждым днем и разваливается, а на его месте вырастает хозяйственно-административное право. Не удивительно, что подобная установка неизбежно влекла за собой упрощенство и процессуальный нигилизм. Раз гражданский процесс связан органически с товарными отношениями и рыночным оборотом, то по мере сворачивания этих отношений отпадает необходимость и в процессуальных гарантиях, опосредствующих «добросовестный коммерческий оборот». Вся судебная практика последних 8 лет подтверждает наличие этих упрощенческих тенденций в процессе.

Надо, однако, констатировать, что развитию советского гражданского процесса препятствовали, помимо вредительской «теории» Пашуканиса и его «школы», также и общая недооценка теоретического характера этой дисциплины и низведение ее до системы простых технических мероприятий. Достаточно напомнить, что первая книга по гражданскому процессу, вышедшая в 1924 г. после издания ГПК и принадлежавшая перу Г. Рынзюнского, была озаглавлена «Техника гражданского процесса». А т. Бранденбургский в предисловии к этой книге именно в этом факте и усматривает ее главное достоинство. Так, он пишет: «Второе, крупное, на наш взгляд, ее достоинство следует видеть в том, что она совершенно не ставит перед собою на разрешение так называемых теоретических вопросов гражданского процессуального права». Итак, чем меньше теории в области гражданского процесса, тем, оказывается, лучше. К сожалению, подобную же трактовку процесса мы находим и у тт. Стучка и Крыленко. Так, т. Стучка в первом томе своего «Курса советского гражданского права» пишет: «Может

быть, меньше всего название «право» подходит к процессу. Процессуальные действия — это скорее всего техника». Таким образом по этой концепции процессуальные нормы играют роль лишь технических правил, значение коих, очевидно, одинаково ценно для любого процесса; мы здесь имеем повторение на базе процессуальной того же злополучного «безликого инструментария» профессора Шрелера, о котором он говорил применительно к отдельным институтам гражданского права. Совершенно ясно, что трудно при таком взгляде на процесс разрабатывать теорию этой правовой дисциплины, подчеркивать ее классовое содержание и сугубо политический характер.

В настоящее время созданы все предпосылки для того, чтобы поднять вопросы гражданского процесса на должную высоту. Необходимо, однако, для этого выкорчевать остатки вредительской «меновой концепции» Пашуканиса и одновременно отказаться от некорректной трактовки гражданского процесса как совокупности технических норм.

Необходимо одновременно отметить, что, несмотря на 14 лет действия ГПК, некоторые его основные принципиальные положения сохранили свое значение и актуальность и на нынешнем этапе. Прежде чем перейти к вопросу о задачах, стоящих перед гражданским процессом, необходимо предварительно остановиться на характере действующего ГПК. В нем можно найти нормы, явно устаревшие на сегодняшний день и представляющие собой отражение пройденных этапов нашей революции. Имеются нормы, характерные для восстановительного периода нэпа, имеются и нормы, отражающие «упрощенческий» период в деятельности суда. Говоря о принципах ГПК, сохранивших свое значение на сегодняшний день, мы имеем в виду отношение ГПК 1923 г. к принципам диспозитивности и состязательности. В развернутой форме оба эти принципа буржуазного процесса теснейшим образом связаны с взглядом на гражданское право как на сугубо «частное право» заинтересованных лиц, не могущее быть предметом государственного вмешательства и контроля. Вот как характеризуют значение этих постулатов буржуазные процессуалисты. Проф. Гредескул в своей статье «К оценке теории состязательного начала в гражданском процессе» пишет: «Гражданские права, как частное достояние граждан, подлежат свободному распоряжению их субъектов, входят в сферу так называемой частной их автономии... Отсюда вывод, что активная роль в процессе должна всецело принадлежать сторонам, а суд должен быть только пассивным зрителем происходящей перед ним борьбы из-за предмета, до которого никому, кроме спорящих из-за чего, нет никакого дела». Проф. Малышев в «Курсе гражданского судопроизводства» пишет: «Состязательное начало есть принцип гражданского судопроизводства, по которому разные действия суда зависят от требования сторон, от их инициативы, и спорные отношения сторон обсуждаются по тем только фактам, которые сообщены суду тяжущимися». Проф. Гольмстен в своей статье «Состязательное начало гражданского процесса в теории и русском законодательстве» пишет: «Состязательное начало есть начало личной автономии тяжущихся в гражданском процессе...

Так что тяжущийся является полным господином процесса, судья же занимает объективное положение». Таким образом все указанные авторы сходятся на том, что в силу частного характера гражданских прав хозяином процесса является сторона, ей принадлежит активная роль в нем, судья же обречен на роль «пассивного зрителя». Мог ли наш ГПК 1923 г. воспринять подобные установки? Конечно, нет. Для советского государства, которое борется за социалистическую перестройку быта, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, которое заботится о поднятии материального благосостояния трудящихся, не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в нашем обороте и быту. Товарищ Ленин в записке на имя т. Курского Д. И. писал в феврале 1922 г.: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не *corpus juris* *gotani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией».

В том же 1922 г. в связи с обсуждением проекта Гражданского кодекса Ленин писал т. Молотову «...главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы...» В соответствии с этими высказываниями и построено отношение Гражданского процессуального кодекса 1923 г. к принципам диспозитивности и состязательности. Ст.ст. 2 и 5 ГПК предусматривают активную роль суда в гражданском процессе, направленную на всемерную охрану интересов государства и трудящихся. Весь строй процесса направлен на то, чтобы была отыскана материальная, а не формальная правда. Не может быть такого положения, чтобы сторона не добилась восстановления принадлежащего ей права вследствие ее юридической неосведомленности или малограмотности. Как распоряжение своим материальным правом (мировая сделка, отказ от иска и т. д.), так и собирание доказательств поставлено под действенный контроль суда, обязанный «оказывать обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов». Таким образом смысл активной роли суда сводится не к ущемлению процессуальных прав стороны, а к реальной помощи и укреплению ее положения в судебном процессе.

В нашей литературе обычно указывается, что советский гражданский процесс не знает принципов диспозитивности и состязательности. Так, например, в книге С. В. Александровского «Гражданский процесс РСФСР» говорится: «Нашим Гражданским процессуальным кодексом, введенным в действие с 1 сен-

тября 1923 г., принципам диспозитивности и состязательности нанесен решительный удар». Тов. Бранденбургский в уже упомянутом предисловии пишет, что «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР резко порвал с обоими принципами диспозитивности и состязательности». Подобные установки считались общепринятыми среди наших цивилистов-процессуалистов. Думается, что в это положение надо внести некоторое уточнение. Наш ГПК дает широкую возможность стороне проявлять свою инициативу и оперативность в процессе. Не говоря уже о том, что исковой процесс, как правило, возникает по почину заинтересованной стороны и что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений» (ст. 118), наш ГПК дает такие широкие права стороне, каких не знает буржуазный процесс. Достаточно для этого вспомнить ст. 2 ГПК, в силу которой «сторона может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования», или ст. 9 ГПК, обеспечивающую возможность судового разбирательства на языке любой национальности. Еще резче ставится вопрос о расширенных правах стороны в процессе в свете установок Сталинской Конституции, направленной на всемерное ограждение личных и имущественных прав трудящихся. Между тем тезис о нашем критическом отношении к принципу состязательности в гражданском процессе обычно понимают в том смысле, что стороны ограничены в своих процессуальных правах, находясь под постоянным контролем суда, являющегося «хозяином» процесса. Отсюда прямой шаг к произволу суда и упрощенчеству. Мы за состязательность в том смысле, что стороны в гражданском процессе совершенно свободно и без всяких стеснений отстаивают свои интересы и высказывают свои соображения. Мы, однако, против буржуазного толкования состязательности, согласно которой сторона становится «господином» процесса, а суд пребывает в роли «объективного» зрителя. В интересах трудящихся и государства ГПК дополняет инициативу сторон активным вмешательством и помощью со стороны суда. Активная роль суда направлена не на ущемление или ограничение прав сторон в процессе, а на оказание дополнительной помощи той из сторон, которая по фактическим обстоятельствам дела в этом нуждается. Только такая система гражданского процесса обеспечивает положение, при котором «юридическая неосведомленность и малограмотность» стороны не будет использована ей во вред. Мы полагаем, что это основное положение нашего процесса сохраняет все свое значение и актуальность также и на будущее время. В целом ряде, однако, других вопросов ГПК на сегодняшний день отстает от требований, предъявляемых Сталинской Конституцией. В этой связи необходимо остановиться на вопросах: 1) о дальнейшей демократизации гражданского процесса, 2) об обеспечении стабильности судебного решения, 3) о компетенции гражданского суда.

Самая демократическая в мире Сталинская Конституция вызывает необходимость дальнейшей демократизации суда и судебного процесса. Основные принципы суда и процесса даны уже в самой Конституции (всеобщие,

прямые, равные при тайном голосовании выборы народных судей, коллегиальный состав суда, право стороны на защиту, положение о том, что суд в своей деятельности руководствуется исключительно законом, язык судопроизводства, гласность суда). Нам необходимо пересмотреть отдельные стадии и институты гражданского процесса с точки зрения их соответствия основным установкам, данным в Сталинской Конституции. Действующий ГПК знает сейчас немало норм, идущих вразрез с требованием развернутой судебной демократии. Достаточно для этого хотя бы привести следующие примеры. Ст.ст. 235-а и 235-б ГПК перечисляют случаи, когда решения по трудовым и гражданским делам не подлежат кассационному обжалованию и вступают в законную силу немедленно. К ним, например, относятся иски на сумму в 100 руб. Несмотря на незначительность этой суммы, она, однако, в конкретных случаях может представлять серьезный материальный интерес для стороны.

Практика показывает, что стороны часто добиваются пересмотра в порядке надзора решений и по этой категории дел. Нет никаких оснований сохранять в гражданском процессе такой порядок, при котором судебные решения выносились бы бесконтрольно и стороны не вправе были бы приносить на них жалобы в обычном кассационном порядке.

Другой пример. В силу ст. 254-б протесты, приносимые в порядке надзора по отдельным гражданским делам, рассматриваются в определенных случаях президиумами краевых (областных) и верховных судов. Заседания президиумов по этим делам происходят закрыто, заинтересованные стороны туда не вызываются и не допускаются. Постановка дела в порядке надзора на президиум вызывается, как правило, жалобой одной лишь стороны, так что вторая сторона, в пользу которой было вынесено решение, вообще не знает о том, что кем-то и где-то производится проверка интересующего ее судебного дела. Президиум, находя протест прокуратуры или председателя суда подлежащим удовлетворению, вправе не только отменить решение с направлением дела на вторичное рассмотрение, но он может в зависимости от обстоятельств дела тут же на месте внести необходимые изменения в состоявшееся решение, вынести новое решение или прекратить вовсе дело производством. Таким образом сторона, активно участвовавшая в обеих судебных инстанциях и добившаяся определенного решения, неожиданно получает из рук закрытого президиума измененное или отмененное судебное решение. Одним росчерком пера сводятся в этих случаях на-нет все принципы судебной демократии, применяющиеся в первой и второй инстанциях (гласность, устность и т. д.). Что с того, что стороне была дана возможность участвовать и отстаивать свой интерес в гласном и устном судебном заседании, если после вступления решения в законную силу вынесенное решение снова обсуждается и пересматривается, но на этот раз уже без ее участия и в закрытом порядке. Необходимо установить такой порядок, который обеспечил бы гласное и устное рассмотрение дела в любой стадии процесса и на любом этапе движения дела.

Третий пример. Ст. 24-а ГПК РСФСР перечисляет ряд случаев, когда гражданские дела

разрешаются не коллегиальным составом суда, как это предусмотрено Конституцией, а народным судьей единолично. Трудно привести какое-либо разумное основание в пользу этой новеллы 1934 г. Какие соображения могут быть приведены в пользу того, что надо отказать по определенным категориям дел от народных заседателей? Нам думается, что ни ссылки на процессуальную экономию, ни ссылки на скорость процесса или отсутствие интереса к ним со стороны народных заседателей не могут оправдать необходимость сохранения единоличного порядка рассмотрения дел. На деле это приводит к упрощенчеству и безответственности судей. А это в свою очередь не может не отразиться на качестве судебных решений по этим делам и, следовательно, в конечном счете — на правах участвующих в деле лиц. Необходимо с этим порядком рассмотрения дел расстаться, сохранив коллегиальный состав суда для всех гражданских дел без исключения.

Четвертый пример. Согласно ст. 242 ГПК по делам, назначенным к слушанию в кассационном заседании Верховного суда, стороны не вызываются в судебное заседание. Вместо этого установлен такой порядок, при котором список дел, назначенных к слушанию, вывешивается в самом здании суда за 5 дней до заседания. Здесь, таким образом, устанавливается фикция «извещения сторон» по вывешенному в здании суда объявлению. Естественно, что стороны не знают, как правило, о предстоящем рассмотрении интересующего их дела. Кассационные заседания Верховного суда фактически превращаются в закрытые судебные заседания.

Надо отметить, что в области законодательства уже принимаются меры по дальнейшей демократизации судебного процесса. Достаточно для этого сослаться на постановление ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (С. З. 1937 г. № 18, ст. 63) «Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях». Вопрос о размере государственной пошлины и порядке ее взимания упирается в проблему доступности судебного процесса для широких слоев трудящихся. Указанным законом упразднено деление индивидуальных плательщиков единой государственной пошлины на две категории (трудящиеся и прочие лица) и значительно снижены ставки государственной пошлины. Так, по ранее действовавшему закону, с истцов-трудящихся пошлина взималась при цене иска свыше 200 руб. в размере 7% с цены иска; по принятому же 7 марта закону при цене иска от 500 до 5000 руб. госпошлина взимается в размере 2% от цены иска.

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов особо подчеркнул проблему стабильности законов. Из этой директивы необходимо сделать соответствующие выводы и по линии судебного процесса. Остро стоит вопрос об обеспечении стабильности судебного решения, вступившего в законную силу. Конечно, основным средством укрепления судебного решения является поднятие его качества. Чем лучше и квалифицированное решение, тем меньше оснований для его отмены или внесения в него каких-либо изменений. Однако независимо от этого основного условия в действующем ГПК имеются

нормы, мешающие борьбе за устойчивость судебного решения. Достаточно для этого сослаться на существующий порядок надзора по гражданским делам. Судебный надзор мыслится как исключительный порядок проверки дела, когда этого требуют «особо существенное нарушение действующих законов или явное нарушение интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс». На деле же количество дел, истребуемых для проверки в порядке надзора, иногда даже превышает процент судебных дел, обжалуемых в кассационном порядке. Истребование судебных дел в этом порядке производится параллельно по линии прокуратуры и суда. Каждый случай истребования дела обычно сопряжен с приостановлением судебного решения. Подобных приостановлений бывает иногда такое количество, что решение, вступившее в законную силу, годами не может быть реализовано. Сохраняя и впредь порядок надзора как институт, дающий нам возможность в исключительных случаях исправить явно незаконное судебное решение, надо, однако, упорядочить его таким образом, чтобы не было параллелизма и множества инстанций, имеющих право требовать дела и приостанавливать решения.

В этой же связи необходимо привести и ст. 185 ГПК, дающую право суду «разъяснять и толковать свое решение» в течение неограниченного срока, за исключением случаев, когда истекла срок исковая давности или решение уже приведено в исполнение. Таким образом стороны никак не могут считать свои гражданско-правовые отношения, основанные на судебном решении, окончательно установленными, коль скоро это судебное решение еще может в течение неопределенного срока «истолковываться или разъясняться». Если судебное решение до того неясно или непонятно, что оно нуждается в специальном судебном истолковании, то правильнее было бы ставить вопрос о полной отмене этого решения с направлением дела на вторичное рассмотрение.

С вопросом об устойчивости судебного решения теснейшим образом связано и право суда предоставлять отсрочку или рассрочку исполнения судебного решения. В силу ст. 182 ГПК суд вправе в исключительных случаях предоставлять отсрочку исполнения судебного решения и после вступления его в законную силу. На практике же суд этим правом пользуется до того широко, что неоднократно и последовательными отсрочками судебного решения последнее вообще часто сводится на нет. Наконец, для авторитета судебного решения необходимо обеспечить его исполнимость; надо устранить такое положение, когда тысячи исполнительных листов фактически не проводятся в жизнь.

Огромное значение суда по Сталинской Конституции объясняется, в частности, и тем, что он по принципам своего устройства и деятельности способен наиболее полно и всесторонне рассматривать споры, связанные с ограждением и защитой личных и имущественных прав трудящихся. Отсюда возникает проблема дальнейшего расширения компетенции гражданского суда за счет органов бесспорного и административного взыскания. Мы никогда не противопоставляли гражданский суд орга-

нам администрации в том смысле, что суд занимается исключительно разрешением споров о праве гражданском. ГПК знает, например, такое особое производство, как «освобождение от военной службы по религиозным убеждениям». В интересах государства и трудящихся можно передавать судам и так называемые «административные дела», если этим путем лучше обеспечивается правильное раз решение конфликтов, связанных с личными и имущественными правами граждан. Сейчас имеется, например, по «Положению о нотариате» большой перечень случаев, когда претензии удовлетворяются в бесспорном порядке путем выдачи нотариусом соответствующих исполнительных надписей. В ряде случаев это одностороннее разрешение споров приводит к явным ущемлениям интересов второй стороны. Необходимо пересмотреть весь этот перечень в направлении изъятия из нотариальной компетенции и передачи судам тех случаев, которые вернее всего могут быть рассмотрены и разрешены в публичном судебном заседании с участием обеих сторон и с проверкой всех доказательств. В последнее время мы имеем уже отдельные постановления правительства, идущие по линии расширения компетенции гражданского суда за счет административного порядка рассмотрения конфликтов. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 октября 1936 г. (С. 3. 1936 г. № 55, ст. 434) разъяснено, что «взыскание с колхозов денежных штрафов за несдачу ими в срок натуроплаты за работу машинно-тракторных станций (ст. 15 примерного договора машинно-тракторной станции с колхозами—С. 3. 1934 г. № 11, ст. 68) производится в судебном порядке по искам машинно-тракторных станций», постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. (С. 3. 1937 г. № 21, ст. 78) установлено, что «за злостное невыполнение колхозом к установленному сроку обязательств по сдаче государству зерна прокурор области (края, республики), по представлению районного уполномоченного Комитета заготовок, привлекает правление колхоза к ответственности по суду для наложения денежного штрафа в размере несданной части зерна, исчисленной по государственным закупочным ценам, а также для взыскания натурой невыполненной части поставок зерна». Нет сомнений, что здесь идет речь о взыскании в гражданском порядке и что прокурор должен взыскивать через суд эти штрафы и невыполненную часть поставок, опираясь на ст. 2 ГПК РСФСР. Несомненно, что мы наблюдаем явную тенденцию, направленную на дальнейшее расширение компетенции гражданского суда. В этой связи можно привести и постановления правительства о передаче из системы Госарбитража в суд всех колхозных дел на сумму до 5000 руб.

В связи с анализом основных задач и вопросов, стоящих перед гражданским процессом, необходимо остановиться дальше на роли прокуратуры на этом процессе. Особенно, характерные для советского гражданского права и заключающиеся в том, что гражданско-правовые отношения не могут рассматриваться как «частное дело» отдельных лиц, определяют как общий строй нашего гражданского процесса, так и удельный вес, занимаемый в нем прокуратурой. Вышеприведенное

высказывание т. Ленина о том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не «частное», дает исчерпывающий ответ на вопрос о принципиальном отношении прокуратуры к гражданскому процессу. Надо отметить, что активная роль прокуратуры составляет исключительную особенность советского гражданского процесса и объясняется общими задачами, стоящими перед пролетарским государством в области борьбы за социалистическую перестройку экономики и быта, за поднятие материального благосостояния трудящегося, за всемерное ограждение интересов государства и трудящихся. Советской прокуратуре не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в стране и как они конкретно разрешаются судом. В буржуазных государствах роль прокуратуры исчерпывается в основном ее участием в уголовном процессе. Гражданско-правовые же отношения, покоящиеся на базе неприкосновенной частной собственности, считаются той сугубо «частичной сферой», в отношении которой буржуазное государство должно сохранять свой «строгий нейтралитет». Понятно, что подобное «невмешательство» прямым образом направлено на защиту интересов эксплуататорских элементов, черпающих силу именно в том факте, что государство не мешает им использовать во-всю преимущества, связанные с неизбежностью и неприкосновенностью принадлежащей им частнокапиталистической собственности. В силу изложенного прокуратура в буржуазном гражданском процессе никакой роли не играет и принципиально не допускается к вмешательству в гражданско-правовые отношения. По дореволюционному уставу гражданского судопроизводства участие прокурора в гражданском процессе в форме дачи заключения ограничивалось несколькими конкретными случаями, предусмотренными ст.ст. 179 и 343 (по делам казенного управления, по делам брачным и о законности рождения, по спорам о подлоге документов, по вопросам о подсудности и пререканиях и др.), причем, согласно разъяснению Сената (67—525), «прокуроры обязаны давать заключения только по делам, поименованным в соответствующих статьях устава гражданского судопроизводства»; в объяснительной записке по этому поводу говорилось: «Прокурорский надзор... должен распространяться на те только дела, в которых нужно особое правительственное попечение, потому что подчинить наблюдению прокурора все спорные гражданские дела было бы несогласно с правилами состязательного процесса». Профессор Гольмстен в своем «Учебнике русского гражданского судопроизводства» говорит, что «давая заключение, прокурор не вступает в состязание со сторонами, не является стороной». Такое же положение занимает прокуратура и в западноевропейских буржуазных процессах. Так, французский процессуалист проф. Кремье пишет по этому поводу следующее: «Гражданский процесс принципиально выдвигает на сцену одни только частные интересы... было бы очень опасно позволить прокурору дать движение иску, если стороны воздерживаются от его предъявления. Он в таком случае мог бы, под тем предлогом, что тут замешан общественный поря-

док, вмешиваться в частные дела и вызывать беспорядок и скандалы в семейных отношениях: можно ли, например, допустить, чтобы прокурор ввиду того интереса, какой может иметь общество в установлении действительного происхождения, начал бы иск об отыскании незаконного отца, в то время как сам внебрачный ребенок и не подумал о предъявлении подобного иска»¹.

Наш ГПК 1923 г. сразу же занял по вопросу о роли прокуратуры в гражданском процессе противоположную позицию, подчеркнув ее активное отношение и прямую заинтересованность в том, чтобы гражданско-правовые споры разрешались в интересах государства и трудящихся. Не все, однако, среди советских юристов поддерживали тогда подобную роль прокуратуры в гражданском процессе. Так, например, проф. Люблинский в статье «Восстановление прокуратуры», опубликованной в журнале «Право и жизнь» (июль 1922 г., стр. 75), указывал, что «административный надзор прокуратуры намечен слишком широко, распространяясь не только на деятельность официальных учреждений и должностных лиц, но и проникая в сферу общественных и частных организаций и частных лиц». Проф. Люблинский считал это неправильным, так как «в области, отведенной частной или общественной деятельности, частные организации и частные лица не могут создавать чего-либо, затрагивающего публичный интерес; отстаивание же нарушаемых ими законных интересов граждан следует предоставить самим гражданам». Проф. Люблинский, таким образом, продолжал отстаивать буржуазный взгляд на характер гражданско-правовых споров и отношение к ним со стороны советской прокуратуры.

В действующем ГПК имеется ряд статей, посвященных участию прокуратуры в гражданском процессе на различных его стадиях и по различным поводам (ст.ст. 2, 12, 172, 244, 254); наиболее полно охарактеризована компетенция прокуратуры по гражданским делам в ст. 2 ГПК РСФСР, согласно которой «прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс». Таким образом в отличие от дореволюционного устава гражданского судопроизводства прокурор по ст. 2 ГПК не ограничен какими-либо определенными случаями, а вправе принять участие в любом деле, если этого требуют интересы государства и трудящихся. Кроме того прокурор по этой статье ограничивается не только дачей заключений, но выступает в роли «стороны», имеющей право «начать дело». Прокурор, помимо участия в суде первой инстанции, вправе опротестовать любое решение суда как в кассационном, так и в надзорном порядке. В самом же процессе при рассмотрении дела по существу прокурор пользуется всеми процессуальными правами стороны; вмешательство прокурора в процессе трактуется по ГПК как его факультативное право, определяемое каждый раз совокупностью обстоятельств данного конкретного дела; имеются только два случая, когда про-

¹ Цит. по Курсу гражданского процесса А. Гойхбарга, стр. 103.

курор обязан принять участие в процессе: 1) при наличии определения суда о признании участия прокурора необходимым, 2) при рассмотрении особого производства «об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям».

Помимо участия в суде первой инстанции, прокурор согласно ст. 244 ГПК «при рассмотрении дела в кассационном порядке может дать по делу свое заключение как в письменной форме, так и словесно в судебном заседании» и наконец, в силу ст. 254 ГПК прокурору принадлежит право истребовать в порядке надзора любое дело, решение по которому вступило уже в законную силу. При истребовании такого дела прокурор вправе приостановить решение и принести протест в случае обнаружения в решении «особенно существенного нарушения законов или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс». Такого содержания нормы ГПК, регламентирующие деятельность прокуратуры в гражданском процессе.

Хотя принципиально вопрос об активном участии прокуратуры в гражданском процессе за все 14 лет действия ГПК никем не оспаривался и сомнений не вызывал, однако практически не на всех пройденных этапах социалистического строительства это участие было одинаково ошутительным. В восстановительные годы нэпа участие прокуратуры в гражданском процессе было особенно активным, будучи направлено на разрешение задач, стоявших в тот период перед советской властью. «Это был первый период нэпа, — говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, — когда советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы как основной системы народного хозяйства». Статистика тех лет показывает, как из полугодия в полугодие рос удельный вес прокуратуры в гражданских делах. Если принять количество истребованных в 1923 г. Прокуратурой по РСФСР гражданских дел за 100, то для первой половины 1924 г. мы получим 212%, для второй половины 1924 г. — 265%, для первой половины 1925 г. — 460%, для второй половины 1925 г. — 752%; такую же динамику роста мы можем отметить и в отношении количества выступлений прокуратуры в гражданском процессе: в 1923 г. — 100%, в первой половине 1924 г. — 175%, во второй половине 1924 г. — 226%, в первой половине 1925 г. — 308%, во второй половине 1925 г. — 362%; прокурор в те годы обычно принимал участие в тех гражданских делах, где лицом к лицу сталкивались две системы хозяйства — капиталистическая и социалистическая — и где ему приходилось по линии судебного процесса содействовать тому, «чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма» (Сталин); так, мы встречаем прокурора в делах, связанных с участи-

ем в гражданском обороте частных комиссионеров, поставщиков, подрядчиков, концессионеров и всякого рода частнокапиталистических товариществ («полных», «на вере» и т. п.), равным образом прокурор появлялся в процессе, когда шел вопрос о разоблачении какой-либо кабальной сделки, навязанной кулаком более слабой стороне, или договора, заключенного в обход закона. Во всех этих делах прокуратура должна была проявлять сугубо классовую бдительность. Она как страж социалистической законности боролась, с одной стороны, против остатков и пережитков военного коммунизма, а с другой — с обходом советских законов и злоупотреблениями частнокапиталистических элементов. Своим участием в гражданских делах прокуратура тогда осуществляла присущими ей специфическими методами общую политику государства, направленную на ограничение и вытеснение частнокапиталистических элементов из нашего народного хозяйства.

Если мы имеем возможность констатировать активность прокуратуры в гражданском процессе в первый период нэпа, то мы не можем этого сказать про последующие годы. Начиная приблизительно с 1928—1929 гг., гражданская прокуратура разделила общую судьбу гражданско-правового фронта, находившегося в течение ряда лет под влиянием вредительских «теорий» о буржуазном характере советского права и неизбежном отмирании советского гражданского права по мере успехов социалистического строительства. Наряду с гражданскими коллегами в судебной системе были тогда же ликвидированы и специальные гражданские отделы в системе прокуратуры. Поворот внимания к этому участку связан с организацией в 1933 г. Прокуратуры Союза ССР. На I всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры в 1934 г. была принята по докладу т. Вышинского резолюция о том, что «суд является основным производственным участком для работы прокуратуры». Если процент рассматривавшихся в суде гражданских дел составлял 70—80 всех разбиравшихся там дел, то, естественно, что, объявивши суд своим основным производственным участком, прокуратура должна была вплотную заняться и гражданскими делами. Огромное политическое значение этой категории дел, связанное с всемирно-историческими успехами в деле социалистического строительства, подстегивало поворот внимания к гражданско-судебному участку работы (охрана общественной, социалистической собственности, защита личной собственности трудящихся, внимание к личным имущественным интересам трудящегося — строителя социализма). К сожалению, организационная структура, принятая в 1934 г. прокурорской системой (промышленный отдел, сельскохозяйственный отдел, отдел товарооборота, кооперации и финансов и др.), не смогла обеспечить действенный и эффективный надзор за прохождением гражданских дел в судах. На практике гражданский суд как объект надзора благодаря этой неудачной структуре исчез из поля зрения прокуратуры; от случая к случаю истребовались отдельные гражданские дела и приносились протесты. Не было наблюдений за общей судебной политикой по гражданским делам, равно как и не ставились какие-либо общие вопросы в области граждан-

ского права и процесса. С начала 1936 г. приказом Прокурора Союза ССР созданы в системе прокуратуры гражданско-судебные отделы. С этого момента начинается более активное участие прокуратуры в гражданском процессе. Значительный перелом в этом отношении внесло I всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам. Насколько активизировалась работа гражданской прокуратуры, можно судить хотя бы по тому факту, что если в апреле 1936 г. удельный вес документооборота гражданского отдела Союзной прокуратуры составлял 6%, то в апреле 1937 г. этот удельный вес уже составляет 12% и далеко обогнал соответствующие цифры ряда других отделов (уголовно-судебного, следственного, общего надзора); перелом этот можно проиллюстрировать также и следующими цифрами, характеризующими работу прокуратуры на периферии. Так, по данным группы статистики и информации Прокуратуры Союза ССР за второе полугодие 1936 г. по всему СССР было:

а) возбуждено по инициативе прокуратуры 20 273 гражданских дела,

б) рассмотрено гражданских дел в судах с участием прокурора 9 104,

в) рассмотрено гражданских дел в порядке надзора 99 684,

г) принесено протестов по затребованным делам 21 544.

Согласно данным, присланным Западносибирской прокуратурой, большую активность по гражданским делам проявляют аймачные (районные) прокуроры Ойротской автономной области. Так, прокурор Онгудайского аймака в порядке ст. 2 ГПК направил за последнее время в суд 57 исков в пользу колхозов, благодаря этому задолженность колхозам сократилась с 50 662 руб. до 12 000 руб., по Шебалинскому аймаку прокурор в порядке ст. 2 ГПК направил в суд 36 гражданских исков на 39 897 руб.; подавляющее большинство этих исков судом удовлетворено; по Турочанскому аймаку прокурор предъявлял в последнее время 18 исков на 17 222 руб.; такую же активность проявила в 1936 г. и Молдавская прокуратура, предъявившая в интересах колхозов свыше 500 гражданских исков.

Приведенная выше статистика о положении гражданских дел во всей прокурорской системе показывает нам, однако, что не всем стадиям процесса прокуратура уделяет одинаковое внимание. Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с личным участием прокурора в делах, рассматриваемых первой и второй судебными инстанциями; нельзя же признать нормальной цифру в 9 104 на почти 4 000 000 гражданских дел во всей гражданской системе. Из статистики видно, что в основном внимание прокуратуры сосредоточено на рассмотрении дел в порядке надзора (99 684 дела). Несомненный сдвиг имеет место в области самостоятельного возбуждения прокурорами гражданских дел (20 273). С точки зрения борьбы за стабильность судебного решения прокуратура должна активизировать свое участие в судах первой и второй инстанций. Усиление активности в этом направлении,

несомненно, вызовет сокращение количества случаев, когда прокуратура вынуждена прибегать к истребованию дел и опротестованию в порядке надзора решений, вступивших уже в законную силу. Однако для активизации прокуратуры в этом направлении необходимо предварительно разрешить вопрос, по каким же категориям дел прокуратуре необходимо принимать участие. Из нескольких миллионов гражданских дел, рассматриваемых в судах, нужно отобрать те из них, на которых политически целесообразно и необходимо заострить внимание суда и прокуратуры. Действующая редакция ст. 2 ГПК РСФСР выдвигает один критерий: прокуратура участвует в тех делах, где этого требует охрана интересов государства и трудящихся. Критерий этот служил верным компасом в руках прокураторы в первые годы нэпа, когда ей приходилось участвовать в делах, в целях охраны интересов государства и трудящихся против мелкокапиталистических элементов. В нынешних условиях, когда в качестве сторон в гражданском процессе почти на все 100% участвуют трудящиеся и представители государственных и предприятий, этот критерий нуждается уже в дальнейшем уточнении. На декабрьском совещании цивилистов резолюция по докладу прокуратуры содержит в себе перечень тех принципов, исходя из которых прокуратура должна включаться в гражданский процесс. Перечень этот предусматривает:

1) Наличие в деле крупного материального интереса для государства.

2) Участие в деле стороны, нуждающейся в особой опеке со стороны государства.

3) Наличие в деле обстоятельств, могущих повлечь за собой возбуждение против какой-либо из сторон уголовного преследования.

4) Особое политическое значение данной категории дел.

5) Принципиальный характер данного дела с точки зрения правильного применения действующего законодательства или постановки вопроса о необходимости нового закона.

Из имеющейся статистики видно, что наибольшее внимание прокуратура сосредоточила на четырех категориях дел:

а) алиментные (21% всех истребованных и 18,8% всех возбужденных дел);

б) жилищные (17,3% всех истребованных и 4,4% всех возбужденных дел);

в) трудовые (14,7% всех истребованных и 16,4% всех возбужденных дел);

г) колхозные (8,1% всех истребованных и 30,1% всех возбужденных дел).

Перед нами стоит задача по составлению предусмотренного Конституцией союзного ГПК. Необходимо, чтобы в нем нашли отражение как основные принципы нашего гражданского процесса, оправдавшие себя и выдержавшие испытание истекших лет революции, так и основные установки, данные нам великой Сталинской Конституцией. В этом ГПК должен найти себе место и специальный раздел, посвященный роли прокуратуры в гражданском процессе. Мы должны обеспечить гражданскому процессу почетное место в развернутой системе социалистического права.

Расследование дел об убийствах „без трупа“

Труп — это первый и наиболее достоверный «немой» свидетель в делах об убийствах. Раскрытие убийств обычно начинается с исследования обнаруженного с признаками насильственной смерти трупа.

Уже при начальном осмотре трупа и окружающей труп местности следователь получает почти всегда вполне точные и ясные ответы на целый ряд основных вопросов, устанавливающих состав преступления и указывающих на обстоятельства совершения данного преступления.

После осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа для органа расследования нередко представляется вполне ясной общая картина совершения убийства и обстановки, при которой это убийство произошло. Иногда с математической точностью устанавливается время совершения убийства: за сколько дней или часов до обнаружения трупа последовала смерть убитого. Бывает возможно установить и место совершения преступления: в том ли месте произошло убийство, где найден труп, или же убийство совершено в другом месте, но труп был перемещен сюда уже после совершения преступления. После исследования трупа обычно также совершенно очевидным представляется, при помощи каких средств или орудий лишен жизни убитый, а вместе с тем оказывается возможным ясно представить себе, сколько лиц фактически принимали участие в убийстве и происходила ли в момент совершения преступления борьба между убийцей и его жертвой. Наконец, вид и расположение трупа, нахождение на одежде его и в окружающей обстановке каких-либо особенных изменений, отсутствие при убитом имевшихся при нем ценностей и т. п. дают часто возможность органу расследования сделать те или другие определенные выводы о мотивах и целях, с которыми совершено в данном случае убийство. А последующие затем допросы лиц, близких к убитому, которые видели его незадолго до смерти, обычно настолько пополняют картину обнаруженного убийства, что следователь, комбинируя установленные таким образом доказательственные факты, может уже в начальный момент расследования принять ту или другую определенную версию о совершении данного преступления, т. е. с большей или меньшей вероятностью предположительно допустить, что убийство совершено в таком-то месте, в такое-то время, при участии таких-то подозреваемых лиц, с такою-то целью и при таких-то фактических обстоятельствах, а в соответствии с этим, в целях проверки этой версии, повести оперативно-розыскные и следственные действия планомерно и в определенном направлении.

Таким образом можно сказать, что типичной схемой, по которой должно разворачиваться расследование всякого убийства при наличии обнаруженного с признаками насильственной смерти трупа, является производство трех безусловно необходимых следственных действий: 1) осмотра трупа и окружающей

его обстановки, 2) судебно-медицинского вскрытия трупа и 3) допроса свидетелей, близко знавших убитого.

Необходимость обязательного выполнения прежде всего этих следственных действий с самого начала расследования об убийстве является в настоящее время для всех органов расследования уже очевидной аксиомой. В таком плане начинается, как показывает следственная практика, расследование всякого дела об убийстве. Производство этих начальных следственных действий всегда и при всех условиях не только дает ценный материал, освещающий отдельные моменты исследуемого происшествия, но и предопределяет все моменты, из которых складывается полная картина обстановки преступления и которые должны подвергнуться проверке путем намеченных в дальнейшем следственных актов.

И в тех случаях, когда эти следственные акты производятся в условиях соблюдения выработанных наукой и практикой методических положений, тактических правил и технических приемов и способов исследования, следствию почти всегда удается установить объективную истину исследуемого «происшествия» — выяснить его основные моменты, напасть на след совершителей преступления, а часто и обеспечить в дальнейшем полное и всестороннее раскрытие данного конкретного факта — убийства.

По вопросам методики расследования дел об убийствах у нас имеется достаточно большая литература. Однако в литературе до сих пор не уделялось внимания вопросам методики расследования по таким делам об убийствах, по которым в момент начатия следствия труп убитого не был обнаружен. А между тем, в последнее время практика расследования дает нередкие примеры, когда расследование дела об убийстве начиналось без наличия трупа предполагавшегося убитым, безвестно исчезнувшего потерпевшего и только после целого ряда, иногда безрезультатных, следственных действий удавалось находить труп действительно убитого разыскиваемого человека.

Ясно, что расследование таких дел требует применения иных методов, соединенных с производством особых приемов оперативно-розыскного и следственного порядка. Мне и хотелось бы в настоящей статье сделать попытку на основе анализа нескольких конкретных дел следственной практики последних лет дать некоторые основные установки по методике расследования дел об убийствах «без трупа».

Предварительно необходимо сказать несколько слов об общей методической проблеме расследования этих дел, связанной с планированием следствия. Было бы ошибкой думать, что следователю, приступающему к расследованию конкретного дела об убийстве, перед составлением плана достаточно знать, что ему следует сделать, какие факты нужно установить, что выяснить и проверить и какие доказательства собрать. Это только одна

половина задачи в порядке построения плана. Иногда следователь, приступая к следствию, очень хорошо знает, что и в каком порядке следует ему установить, что проверить, доказать и раскрыть, и все-таки он блуждает в потемках, не зная, как это сделать, какими путями нужно идти к обнаружению истины, какие методы при этом использовать и при помощи каких именно оперативно-розыскных и процессуальных следственных действий можно и нужно устанавливать или проверить те или иные конкретные факты и обстоятельства исследуемого дела, чтобы успешно раскрыть данное преступление. А между тем, в этом вся суть и весь смысл работы по расследованию сложных и «загадочных» дел о преступлениях. Эффективные результаты качественно высокого расследования может дать лишь тот следователь, который не только сумеет использовать общую всем людям мощную способность к созерцанию и описанию наблюдаемых им фактов, но сумеет и анализировать эти факты, логически правильно оценить их с точки зрения их естественного жизненного правдоподобия и, наконец, сумеет применить при такой тщательной аналитической работе и имеющийся у него научно-технический опыт, свои криминалистические познания. Как и всякий ученый исследователь, следственный работник должен обладать прежде всего способностью уметь, по удачному выражению покойного академика Павлова, «лазить за кулисы фактов, а не только скользить по их поверхности». Разрешение основной проблемы искусства планомерного доказывания в уголовных делах и заключается именно в умении заглянуть за кулисы фактов, в умении понять диалектику наблюдаемых фактов в условиях данной конкретной обстановки преступления, часто перевернутой вверх дном действиями преступника, сочетав при этом свой житейский опыт с знанием научно-уголовной техники расследования. Без такого умения, при отсутствии таких способностей невозможно и методически правильное планирование расследования, обеспечивающее успешные результаты раскрытия сложного, загадочного на первый взгляд преступления.

Первичным исходным фактом, который служит поводом к началу расследования по делам о загадочных убийствах, когда нет налицо объекта преступления — группа, обычно является сообщение или заявление, сделанное милиции о том, что бесследно пропал человек, причем внезапное «загадочное» исчезновение его дает заявителю основание подозревать, что он убит. Такое подозрение со стороны заявителей иногда сопровождается рядом более или менее вероятных предположений с указаниями на подозреваемых виновников убийства, о мотивах, с которыми могло быть совершено это убийство, и т. п. Всякое подобное заявление, сделанное органу расследования, конечно, подлежит обязательному обсуждению с точки зрения его основательности. Прежде чем по этому заявлению начать расследование, необходимо на основе этого заявления убедиться в вероятности, в возможной правдоподобности самого факта, о котором сообщается в данном заявлении. Самая версия о том, что исчезнувший бесследно или пропавший неожиданно человек убит

и что необходимо срочно приступить к расследованию дела об убийстве, должна быть органом расследования чем-то обоснована и логически оправдана. На практике в каждом отдельном конкретном случае получающий подобное заявление орган расследования всегда имеет возможность легко разобраться в степени основательности такой версии. Из приведенных ниже примеров видно будет, что в большинстве случаев уже сама бытовая обстановка и обстоятельства, при которых пропал разыскиваемый близкими людьми человек, указывают на вероятность версии, что он убит, и совершенно исключает возможность предположений, что этот человек куда-то добровольно скрылся и должен по истечении какого-то срока возвратиться домой.

В случаях, как это часто бывает, когда в заявлении указывается и подозреваемое в убийстве определенное лицо, это указание также не может не быть принято в соображение при принятии дела об убийстве к производству расследования, в особенности если подозрение это обосновывается указаниями на мотивы, которые могли руководить подозреваемым. Уяснение мотива является всегда также композиционно правильной линией при обсуждении вопроса о вероятности совершения убийства тем или другим подозреваемым. Поэтому в подобных случаях нельзя игнорировать и высказываемых потерпевшими и заявителями хотя бы предположительных соображений по поводу о вероятных виновниках преступления. Хотя убеждающая ясность этих соображений, степень их вероятности и правдоподобия могут быть, конечно, различны, но при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела это также подлежит обязательному обсуждению со стороны органов расследования в связи со всеми другими конкретными фактами, о которых сообщено заинтересованными лицами (родственниками пропавшего и предполагаемого убитым человека, его знакомыми, товарищами по работе и т. п.).

Конечно, одно заявление хотя и заинтересованных лиц, содержащее сведения об исчезновении близкого им человека, еще не всегда может служить основанием для расследования по признакам ст. 136 УК. Обращение с подобного рода заявлениями в милицию иногда обязывают последнюю только оказать заявителю помощь в розыске пропавшего. Но в тех случаях, когда, как указано выше, в заявлении содержатся указания на конкретные факты, убеждающие в основательности возникшего у заявителя подозрения об убийстве пропавшего, такое заявление должно быть признано не только законным поводом, но и достаточным основанием для немедленного начала следствия. Допустить промедление в производстве расследования по такому заявлению, или ограничиться наведением справок, или производством негласного дознания, собираньем агентурных сведений, или публикациями о розыске пропавшего очень рискованно, так как может затруднить и усложнить в дальнейшем раскрытие преступления.

Поэтому вопрос о начале следствия в каждом таком случае должен быть разрешен немедленно по получении заявления, если только обстоятельства исчезновения разыски-

ваемого лица в условиях данной конкретной бытовой обстановки исключают возможность предположений о естественной временной отлучке пропавшего и если, повторю, подозрение представляется основательным в связи с какими-либо конкретными фактами и сведениями, о которых рассказывает заявитель.

Практика же показывает, что заинтересованные лица часто обращаются в органы расследования с заявлениями о розыске убитого уже только после того, как сами они некоторое время производили безрезультатные розыски пропавшего или получили какие-либо сведения, подкрепляющие их подозрение о том, что разыскиваемый убит.

Во всяком случае, как только органом расследования разрешен положительно вопрос о начале следствия, необходимо немедленно приступить к следственным действиям, наметив первые вехи, по которым должно идти и развертываться в ближайшие же дни расследование в смысле одновременного сочетания оперативно-розыскных и следственных методов расследования.

Первым следственным действием должен быть возможно полный и исчерпывающий допрос лиц, сделавших заявление, и всех других близких к потерпевшему лиц, которые видели его в последние дни перед его исчезновением.

Методика допроса этих свидетелей должна быть направлена к выяснению и освещению следующих основных моментов: 1) когда, в какое время дня или ночи и куда отправился из места своего последнего жительства потерпевший, с какой целью, по каким делам и т. п. и когда, по его словам или по предположениям близких ему лиц, он должен был вернуться; 2) во что он был одет и какие при нем были вещи и ценности в момент ухода его; 3) кто и где видели или могли видеть его последний раз живым: по каким путям и в каком направлении велся его розыск до обращения заявителей в органы расследования и какие сведения или даже «слухи» они получили при этом, и, наконец, 4) какие имеются у них соображения или предположения, подтверждающие вероятность версии заявителей об убийстве бесследно пропавшего.

Но и этой общей наметки основных вопросов, подлежащих выяснению допросами указанных свидетелей, недостаточно для обеспечения успешности расследования. Необходимо помнить, что и в дальнейшем следствие должно прежде всего ориентироваться в направлении розыска трупа убитого и что без обнаружения и нахождения трупа никакие доказательственные материалы и никакие косвенные улики против заподозренных не могут дать полной картины преступления, не могут привести к раскрытию убийства. В то же время многообразная следственная практика дел об убийствах показывает, что не было случаев, чтобы подозреваемые в убийстве, если бы таковые и имелись в виду и привлекались к следствию в качестве обвиняемых на основании косвенных улик, открывали место нахождения скрытого ими трупа убитого. С другой стороны, мы знаем многочисленные случаи, когда после нахожде-

ния трупа предполагаемого убитым человека в связи с данными осмотра и вскрытия трупа против подозреваемого часто добывались новые изобличающие его улики, и бывали даже случаи, что обвиняемый, окруженный кольцом этих неопровержимых улик, сознавался в преступлении. Один из таких типичных казусов следственной практики будет изложен ниже.

Поэтому естественно, что важнейшей задачей расследования после выяснения обстоятельств, относящихся к последним моментам жизни предполагаемого убитого потерпевшего, является розыск трупа. А так как труп может быть иногда обнаружен только через значительный промежуток времени после смерти и, следовательно, физически изменившимся и притом, может быть, в изуродованном до неузнаваемости виде и без одежды, которая была на нем в момент убийства, то представляется обычно в подобных случаях необходимым при обнаружении трупа удостовериться в тождестве его с личностью убитого, а в сомнительных случаях и предъявить его лицам, знавшим убитого при жизни, для опознания.

Вот почему следует признать также методически правильным требование, чтобы органы расследования при первых же допросах указанной выше группы свидетелей выяснили подробно не только одежду, в которой ушел убитый, и вещи, которые были при нем (п. 2 приведенной выше методической схемы допроса свидетелей), но и все физические приметы потерпевшего. Родственникам и близким к убитому лицам следует предлагать вопросы о внешнем виде убитого — как о росте его, телосложении, длине и цвете волос и т. п., так и о том, не имелось ли на теле его каких-либо особых примет (бородавки, родинки, следы оспы, шрамы, рубцы и т. д.).

Это необходимо устанавливать при допросах не только в целях возможного при дальнейшем следствии опознания трупа убитого, но и в целях более точной и правильной ориентировки органов розыска при осмотре трупов «неизвестных» убитых, иногда обнаруживаемых в той же местности, где производятся розыски по данному делу.

В практике недавнего прошлого были случаи вполне добросовестного, но ошибочного опознания даже близкими лицами трупа найденного убитого за разыскивавшегося ими без вести пропавшего человека. Эта роковая ошибка как результат несоблюдения органами расследования указанного выше методического правила и небрежности, проявленной при осмотре найденного трупа, даже влекла за собой в отдельных случаях тяжелые последствия — ошибочные приговоры суда и осуждение невиновных лиц.

30 августа 1934 г. в станице Тимашевской Азово-Черноморского края пропала восьмилетняя девочка Александра Бастрыкина, проживавшая у своей мачехи Пчелинцевой. Свидетелями по делу высказывались подозрения, что девочка могла быть убита и где-либо скрыта самой Пчелинцевой. Против подозреваемой — «мачехи» пропавшей девочки расследованию легко было «натаскать» кое-какие улики, тем более, что, по словам допрошенных свидетелей, соседей и знакомых Пчелин-

цевой, последняя очень плохо обращалась с пропавшей девочкой, «ненавидела» ее, иногда была ее, девочка часто голодала и т. п. Следователь односторонне повел расследование и очень поверхностно отнесся к проверке и оценке фактов, которые удостоверяли свидетели... Через 7½ месяцев после исчезновения Бастрыкиной, был найден в этом же районе полуразложившийся труп девочки, извлеченный из реки с признаками удушья. Наружный осмотр трупа и предъявление его знавшим пропавшую Бастрыкину свидетелям были произведены весьма небрежно, и результаты этого были приняты следователем без всякой критической проверки. Свидетели же опознали в трупе пропавшую девочку Бастрыкину, хотя в данных осмотра трупа имелся целый ряд указаний, заставлявших сомневаться в достоверности этого опознания и требовавших проверки.

Во-первых, труп неизвестной был найден одетым в розовое платье, в ватное пальто, укутан черным платком и на ногах были сандалии, тогда как девочка Бастрыкина в день исчезновения была босая и была одета только в белое платье и никакого платка и пальто на ней не было. Кроме того, вскрывавший труп судебно-медицинский эксперт высказал заключение, что труп, возраст которого был определен 9—10 лет, пролежал в воде не более 4—6 недель. Сама Пчелинцева при предъявлении ей трупа, хотя и признала труп похожим на пропавшую Бастрыкину, но объяснила, что «по опухшему трупу и вздутым векам глаз она точно признать в трупе девочку Бастрыкину не может».

Однако привлеченная к следствию в качестве обвиняемой Пчелинцева была предана суду по ст. 136 УК и на основе указанных недоброкачественных улик была осуждена судом и приговорена к 10 годам лишения свободы. Уже по вступлении приговора в законную силу, когда Пчелинцева успела отбыть несколько месяцев тюремного заключения, девочка Бастрыкина... вернулась домой живой и невредимой. Оказалось, что в день ее исчезновения она во время прогулки забрела на ж.-д. станцию, была принята ночью за беспризорную, посажена в вагон и направлена в один из детских домов г. Краснодара. Девочке так понравилось жить в детдоме, по сравнению с жизнью в доме мачехи, что она скрыла свое происхождение и только спустя долгое время случайно была опознана и отправлена на родину.

Говоря о методике допроса первых свидетелей и заявителей, по сообщению которых начато расследование дела, точно так же необходимо уточнить и последний пункт приведенной выше методической схемы допросов.

Допрос этих свидетелей должен вестись так, чтобы в результате его у органа расследования имелись указания на конкретные факты, предшествовавшие убийству или последовавшие за ним, которые доказывали бы или подтверждали бы в известной степени вероятность или достоверность подозрений, высказанных заявителем о том, что в данном случае имело место убийство. При этом, с одной стороны, все соображения и предположения, высказываемые свидетелями, хотя бы обоснованными на слухах, должны быть подробно изложены в протоколах до-

проса, а с другой, все конкретные факты, о которых рассказывают свидетели в подтверждение своих подозрений по данному делу, также должны быть со слов свидетелей записаны подробно и притом с указаниями, где, когда и при каких обстоятельствах имел место тот или другой факт, откуда, из каких источников сделалось известно свидетелю об этом факте и кто еще может удостоверить то или другое фактическое обстоятельство, тот или другой эпизод, подкрепляющий какие-либо подозрения допрашиваемых.

В соответствии с фактическими данными, которые могут быть получены из этих показаний свидетелей, в большинстве случаев может быть составлена и достаточно правдоподобная версия о месте совершения преступления и нахождения трупа, определяющая направление, по которому следует искать труп.

При этом органам расследования весьма важно усвоить следующее положение тактического свойства. В этот начальный момент следствия, когда все внимание должно быть направлено к цели нахождения трупа, никогда не следует сразу ставить в положение подозреваемых тех допрашиваемых, которые дают свои показания о последних моментах жизни потерпевшего, хотя бы по каким-либо соображениям у органа расследования и могло возникнуть подозрение о какой-то причастности кого-либо из них к убийству. Показания всех этих свидетелей, высказывающих свои утверждения о том, куда, в какую сторону, в какое место мог, по их предположениям, направиться потерпевший, где его видели последний раз и где, по их мнению, он мог находиться, не должны игнорироваться без всякого отношения к тому, представляются ли эти показания органу расследования подозрительными, неправдоподобными, явно неверными или ложными.

Дело в том, что нередко бывали случаи, когда допрашиваются в числе первых свидетелей и лица, которые, как оказывается потом, являются участниками убийства: поэтому, естественно, что они в своих показаниях извращают истину, пытаются, с одной стороны, направить расследование по ложному пути, чтобы помешать нахождению трупа, а с другой, — устанавливая свое алиби, чтобы отвлечь от себя всякое подозрение. Но, естественно, что подобный маневр заинтересованного свидетеля не может сбить с пути опытного следователя, если он тщательно проверит показания таких «подозрительных» свидетелей и будет ориентироваться в то же время на других свидетелей, дающих показания в отношении одних и тех же моментов из жизни потерпевшего, если, конечно, эти показания представляются следователю более достоверными, соответствующими действительности и более убедительными. При таком взаимном сопоставлении показаний подозреваемого с показаниями добросовестных свидетелей легче бывает найти и верный путь к разрешению важнейших вопросов: где же и у кого нужно искать «следы» совершенного преступления, где искать труп, а вместе с тем и проверить своевременно «алиби» подозреваемых лиц.

В этом смысле, в самый начальный момент расследования, показания всех свидетелей, утверждающих те или другие факты в пределах вопросов, указанных выше в методической схеме, одинаково ценны. И все их следует обязательно использовать как материал, на основе которого можно скорее разрешить важнейший в данный момент вопрос, в каком направлении необходимо развернуть неотложные оперативно-розыскные действия в целях обнаружения трупа.

Попробуем проверить на конкретном примере правильность этих методических предположений, устанавливающих наиболее верные пути для следствия в целях обнаружения трупа и места совершения преступления.

21 февраля 1935 г. неизвестно куда бесследно исчезла проживавшая в Москве на Кропоткинской улице Сухорукова Татьяна Сергеевна, состоявшая на службе санитарным врачом в районном дезинфекционном бюро. Загадочное исчезновение Сухоруковой произошло при следующих обстоятельствах. Накануне, т. е. 20 февраля, к Сухоруковой приехал ее муж Миротворский, проживавший с 1932 г. в г. Горьком, куда он был командирован и где работал в качестве заведующего лабораторией при радио-телефонном заводе. Миротворский в этот приезд в Москву привез с собой из Горького некоторые вещи, предполагая 21 февраля вновь уехать в Горький на несколько дней, чтобы провести там в организованном им тире стрелковые соревнования, и затем вернуться в Москву уже на постоянное жилище, так как служба его в Горьком окончилась.

Розыски Сухоруковой начались с 24 февраля после того, как обеспокоенные ее отсутствием из дома родные ее и жильцы квартиры заявили об этом в отдел уголовного розыска.

21 февраля, как выяснилось из показаний свидетельниц-соседей, живших в одной квартире с Сухоруковой, она вышла из дома вместе с мужем Миротворским во втором часу пополудни и с того времени домой не возвращалась. При этом показаниями этих свидетельниц было установлено следующее. Утром 21 февраля Сухорукова варила на кухне картошку на примусе, и когда незадолго до ухода из дома выходила в кухню, то свидетельницы обратили внимание, что Сухорукова улыбалась, была весело настроена, и «в общем имела вид, в каком раньше наблюдать ее не приходилось». Одна из свидетельниц хотела было с ней заговорить, но заметила, что следом за ней в кухню вошел ее муж, и тут же они оба вернулись в свою комнату и более в кухне не показывались.

Показаниями близких к Сухоруковой лиц в первые же дни розыска и дознания было установлено также, что последние годы, пока Миротворский жил в Горьком, у него с женой были «холодно-враждебные» отношения. Фактически, как муж с женой, они не жили. Миротворский высылал лишь, и то не всегда аккуратно, жене из Горького алименты на малолетнего сына, который жил при Сухоруковой. А чтобы сохранить за собой комнату, в которой жила Сухорукова с сыном, Миротворский присылал деньги на имя своей старой няни Ксении П., жившей в том же доме, но в другой квартире. У этой няни Миротворский

бывал во время своих приездов в Москву, чаще чем у жены, и даже у нее, а не у жены, обедал. Несмотря на такое отношение мужа, Сухорукова любила его и, по словам свидетелей, питала надежду, что муж переменился и будет опять с ней хорошо жить.

Выяснено было также, что Миротворский раньше пытался вселить в комнату к жене свою сестру, с которой он очень дружно жил, но Сухорукова настояла перед домоуправлением на выписке ее, причем Сухорукова, боявшаяся ранее потерять жилплощадь в случае возвращения Миротворского в Москву, в последнее время по совету знакомых решила не уступать мужу комнату, считая, что на нее имеют законные права только она с сыном. Сухорукова вела очень скромный образ жизни, знакомств не заводила, проводила день на службе, а вечера дома, одевалась плохо и часто нуждалась. Днем, перед тем как идти на службу, она отправляла сына в детский сад.

20 февраля вечером Сухорукова ходила с сестрой своей, жившей в другом районе, в кино, в связи с чем оставила сына ночевать в детском саду. А утром 21 февраля она ходила в детский сад, где просила пока оставить сына, сказав, что она зайдет за ним вечером. Но вечером она за ним не пришла, исчезнув бесследно после ухода из дома вместе со своим мужем, Миротворским.

24 февраля сестра Миротворского дала ему в г. Горький телеграмму, сообщив, что «Таня пропала». Миротворский приехал в Москву 25 февраля и при допросе его уполномоченным УРО объяснил, что 21 февраля около часу дня они с женой действительно вышли из дома вместе. По выходе из дома на улице они расстались: он сел в трамвай, направляясь к отъезду в Горький, а жена пошла по Кропоткинской улице, а куда именно, ему неизвестно. С шестичасовым поездом он уехал в Горький и после того жены не видел. Где и что с нею могло случиться, он не знает.

Казалось бы, что на основании этих первичных сведений, полученных отделом уголовного розыска, в связи с внезапным загадочным исчезновением Сухоруковой, у уполномоченного, производившего расследование, должно было возникнуть сомнение в правдивости объяснений Миротворского, удостоверявшего, что он расстался с женой тотчас же по выходе из дома и не знает будто бы куда она пошла, а сам он будто бы за 4 часа до отхода поезда «направился к отъезду в Горький». Во всяком случае необходимо было подробным допросом Миротворского тотчас же установить, куда он поехал на трамвае, где провел время до отхода поезда, с кем виделся, в какой поезд и вагон сел, кто ехал с ним в этом вагоне и т. д., словом, проследить весь его путь до г. Горького и, далее, время его приезда в Горький и прибытие его к себе домой на квартиру, чтобы затем это показание своевременно проверить.

Между тем, уполномоченный УРО повел расследование в другом направлении, исходя из предположений, что Сухорукова могла стать жертвой какого-либо несчастного случая и притом только в Москве.

Миротворский же вел себя так, как будто он сам тоже принимает меры к розыску жены.

Родная сестра жены Миротворского Клавдия сообщила однажды ему, будто она узнала, что

Сухорукова арестована и находится в тюрьме. Миротворский охотно принял эту версию, хотя и знал Клавдию за лживую, корыстную и «вороватую» девушку. Он давал Клавдии денег, а последняя утверждала, что она была в тюрьме и даже добилась свидания с сестрой... Однако уполномоченным УРО была проверена эта версия, причем оказалось, что ни в одном из московских мест заключения арестованной Татьяны Сухоруковой не было. Отделом уголовного розыска собирались и сведения об обнаруженных и не опознанных трупах женщин, найденных в Москве и ее окрестностях. Делались запросы в психиатрические лечебницы о женщинах, поступавших в эти больницы за время с 21 февраля, но все розыски в этих направлениях оказались тщетными.

Только восемь месяцев спустя производивший расследование уполномоченный УРО догадался сделать в уголовный розыск г. Горького запрос о том, не было ли в г. Горьком после 21 февраля обнаружено трупа женщины, похожей по приметам на Сухорукову. На этот запрос из г. Горького в ноябре был получен ответ, что 22 февраля (т. е. на другой день после исчезновения Сухоруковой и отъезда из Москвы Миротворского) в г. Горьком в Мызинском районе был обнаружен труп неизвестной и никем не опознанной убитой женщины, все приметы наружности и одежды которой совпадают с описанием личности Сухоруковой. Дело об этом трупе вместе с фотокарточками и вещественными доказательствами было срочно затребовано в Москву, после чего и было установлено, что убитая в Горьком женщина — это Сухорукова. Труп ее был, как оказалось, обнаружен 22 февраля утром около 10 часов, т. е. спустя час с небольшим после прихода в Горький поезда из Москвы в местности на территории радио-телефонного завода, на котором служил Миротворский, в помещении теплушки выстроенного Миротворским стрелкового тира, в пустынной местности, в роще — в расстоянии 10 — 15 минут хода от квартиры Миротворского.

Дальнейшим тщательным расследованием того же уполномоченного в отношении Миротворского был собран ряд хотя и косвенных, но неопровержимых улик, не оставлявших сомнения в том, что убийцей Сухоруковой был не кто иной, как Миротворский. Преданный суду Миротворский был осужден и приговорен судом к лишению свободы на 10 лет, кассационной коллегией Верховного суда приговор этот был утвержден.

Этот уголовный казус достаточно убедительно доказывает правильность изложенных выше положений по вопросу о методике первых следственно-розыскных действий, которые должны быть принимаемы в целях нахождения трупа в начальной стадии расследования.

Приведем другой, еще более яркий убедительный случай обнаружения трупа по другому делу об убийстве.

25 декабря 1935 г. в милицию Колышлейского района Саратовского края поступило от проживающих в г. Саратове гражданок Щербаковой и Сергеевой заявление, в котором заявительницы сообщали о загадочном исчезновении их сестры Ксении Нарушевой, проживавшей в с. Колышлей с мужем своим, пародным следователем Юрием Федоровичем

Нарушевым и 11-летней девочкой Надей, дочерью одной из заявительниц, усыновленной Нарушевыми. В этом заявлении было изложено, что осенью, по словам упомянутой девочки Нади, ее мама Ксения Нарушева с папой собрались ехать в какое-то село за торном. Уехали они утром в 11 часов, а ночью после 12 часов домой вернулся только папа, т. е. Ю. Ф. Нарушев, и на вопрос ее, девочки, где же мама, сказал, что мать отправилась в Пензу в больницу лечиться: за несколько дней до этого Ксения Нарушева во время стирки белья обварила себе кипятком ноги. Сообщая милиции эти сведения, заявительницы высказывали подозрение, что Ксения Нарушева убита своим мужем и труп ее где-либо скрыт им, и просили произвести расследование.

Основанием к такому подозрению сестер пропавшей Нарушевой послужили следующие общие и в заявлении факты. После исчезновения жены Нарушев приезжал к ним в Саратов несколько раз и вначале говорил, что отправил жену лечиться в г. Пензу, а затем стал говорить, что она отправилась из Пензы лечиться в Кисловодск, причем один раз в пьяном виде выразился, что он отправил жену «на вечный курорт». Будучи же последний раз в Саратове, Нарушев стал распродавать хранившееся в его прежней квартире в Саратове имущество, в том числе одежду и обувь его жены. Исчезнувшая Ксения раньше всегда писала своей сестре Сергеевой в Саратов письма, один-два раза в месяц, а после исчезновения ее, с октября от нее никаких писем и известий уже не получалось. Наконец, заявительницы сообщили, что они считают явно неправдоподобным объяснение Нарушева, будто его жена отправилась на курорт, так как она оставила дома все свои костюмы и не захватила с собой ничего, даже своих ридикуля и чемодана, и уехала из дома только в своем будничном костюме, имевшемся на ней при отъезде с мужем за торном. А между тем, она «всегда любила наряжаться и на курорт не могла уехать без нарядов».

Указанное заявление сестер Нарушевой, содержащее довольно убедительные соображения заявительниц по поводу внезапного бесследного исчезновения Нарушевой, было вполне правильно признано законным поводом и достаточным основанием к производству расследования. 25 декабря уполномоченный УРО Колышлейского района приступил к расследованию, а после допроса заявительниц и дочери Нарушевых Нади дело, по распоряжению прокуратуры, было передано 31 декабря для производства следствия старшему следователю Саратовской краевой прокуратуры.

Следователь вполне правильно прежде всего поставил перед собой задачу найти труп исчезнувшей Нарушевой. Тщательными, чрезвычайно подробными допросами самого Нарушева и всех близких к семье Нарушева лиц следователь попытался выяснить, когда и при каких обстоятельствах Ксения Нарушева выехала из села Колышлей и кто и где в последний раз мог ее видеть и где нужно искать труп убитой.

Девочка Надя Нарушева подтвердила свое показание о том, что утром в 11 часов, числа 1 декабря она не помнит, мама с папой уехали покупать торн и с тех пор мама не возвра-

шалась. Сам же Нарушев показал, что числа он точно не помнит, но около 10 октября, после обеда в 3—4 часа, он действительно поехал с женой на лошади в село Трескино за торном, но, доехав до поворота дороги на Трескино, километрах в трех от села Колышлей, он спросил жену, взяла ли она деньги на покупку торна и яблок; оказалось, что жена забыла взять деньги. Тогда он хотел вернуться домой, но жена стала настаивать, чтобы он довез ее до ближайшего ж.-д. разъезда Скрыбино, так как она передумала ехать за торном и поедет со Скрыбина в Пензу на переязку обваренной кипятком ноги. Он отвез ее на Скрыбино, но так как поезд на Пензу должен был пройти здесь только в 6 часов утра, а было еще около 9—10 часов вечера, то он советовал жене вернуться домой. Она не согласилась и послала его поговорить с кондуктором, надеясь уехать с товарным поездом, который в это время стоял у разъезда. Затем он уехал, а жена осталась ждать утреннего поезда. Через два дня, по словам Нарушева, он получил от нее письмо (которое, однако, «у него не сохранилось»), в котором она сообщила, что «Пенза ей ничего не дает, и она решила ехать в Москву посоветоваться о состоянии ее аппендицита и легких». По мнению Нарушева, жена, очевидно, и уехала в Москву, тем более, что там, как ему известно, проживает ее знакомый по Самарканду, с которым она раньше была в связи. Знакомым же своим он, Нарушев, действительно говорил, будто жена уехала на курорт, так как ему стыдно было сознаться перед другими, что у него жена сбегала.

В то же время допросами других лиц, знакомых Нарушева, было точно установлено, что Нарушев последний раз уезжал с женой из с. Колышлей 10 октября. По словам свидетеля, секретаря районной прокуратуры, Нарушев в этот день отпросился у прокурора поехать с женой в больницу в с. Чеботаевское за марганцем, который требовался для жены, обварившей ногу, так как в колышлейской аптеке ей дали только ксероформенную желтую мазь, а марганца не было. Это обстоятельство запомнил свидетель и потому, что в этот день, 10 октября, районному прокурору знонили из с. Скрипицына из сельсовета, сообщая, что там случилось происшествие: шофер задавил мальчика. Прокурор по телефону же дал распоряжение в с. Скрипицыно поехать в с. Чеботаевское, в 3 км от Скрипицына, и вызвать оттуда следователя Нарушева. Однако Нарушева там не нашли. Между тем, на другой день Нарушев говорил секретарю районной прокуратуры, что он ездил в с. Чеботаевское и удивляется, как его не нашли там. Впоследствии, когда секретарь спрашивал Нарушева, где его жена, последний отвечал, что она в Сталинграде, что он послал ей деньги, о чем ему поче у-то ничего не п в ег.

Таким образом, устанавливался ряд фактов, вызывавших основательное подозрение, что Нарушева убита своим мужем 10 октября и притом в пределах Колышлейского района. После этого следователю представлялось очевидным, что труп Нарушевой можно было найти, производя тщательные розыски во всех различных направлениях, указываемых как допрошенными свидетелями, так и самим Нарушевым.

В то же время следователь правильно учитывал, что в случае нахождения трупа убитой Нарушевой ее трудно будет опознать, ввиду значительности срока, истекшего со дня ее убийства.

Поэтому, допрашивая близких к Нарушевой свидетелей, следователь попутно подробнейшим образом выяснял все приметы пропавшей; при этом выяснилось, что на передней части шеи Нарушевой имеется шрам — след золотухи в детстве, и другой шрам на волосистой части головы — след удара револьвером, причиненного ей мужем за год до этого, что передние зубы у нее целы, только нет одного из двух коренных зубов, что на обеих щеках имеются характерные ямочки. А свидетельница, племянница потерпевшей, описывая цвет волос Нарушевой, объяснила, что волосы Нарушева за последнее время остригла, причем коса ее от этой стрижки осталась у нее, свидетельницы. Следователю потребовал эту косу, произвел осмотр ее и особым постановлением приобщил ее к делу в качестве вещественного доказательства (ст. 67 УПК), мотивируя это тем, что в случае нахождения разложившегося трупа волосы могут при сличении оказаться одним из «средств опознания».

Наконец, первыми же допросами близких и потерпевшей лиц следователь также вполне правильно попытался установить мотивы, которые могли руководить Нарушевым, против которого возникло основательное подозрение в убийстве жены. В этих целях следователь путем допроса свидетелей выяснил полную картину всей прошлой жизни супругов Нарушевых и их взаимоотношений за время совместной жизни их. При этом о прошлой жизни Нарушевых следствием были добыты следующие данные. Нарушев женился на Ксении в 1928 г. в г. Самарканде, разойдясь со своей первой женой, которую бросил с малолетними детьми, скрыв, однако, от Ксении свой первый брак. Нарушев работал в то время завхозом на кожевенном заводе. За злоупотребления по службе здесь он был арестован, а по освобождении в 1932 г. они с женой уехали в Саратов. Супружеская жизнь Ксении Нарушевой была тяжелой. Муж пьянствовал и в пьяном виде часто бил ее «до синяков». Один раз она уезжала от него обратно в Самарканд и жила там, работая машинисткой, а затем по настойчивой просьбе мужа вновь вернулась к нему. Путем подлога документов и подложных записей в своем трудовом списке Нарушеву удавалось, скрывая свое прошлое, устраиваться на ответственную работу в Сталинградском и Саратовском краях. В 1934 г. он работал в должности народного судьи Котельниковского района Сталинградского края, но после обследования его работы летом 1934 г. был уволен за злоупотребления по должности и предан суду, но сумел скрыться, переехав в Саратов, а затем осенью 1934 г. устроился пом. директора в совхозе Белогорском, где пробыл тоже недолго, и, возмратившись в Саратов, получил новое назначение — народным следователем Колышлейского района.

Свидетели, знавшие жизнь Нарушевых в последние годы, удостоверили, что у Ксении Нарушевой часто происходили ссоры с пьяным

мужем, после которых она неоднократно пыталась уехать от него, но он в таких случаях грозил ее убить и один раз даже выстрелил в нее из нагана. Так как Ксения Нарушева знала все случаи судимости мужа, уклонение его от следствия и суда и его подлоги в трудовом списке, которые тщательно скрывал Нарушев, то, очевидно, последний боялся, что жена, разойдясь с ним, может разоблачить его преступное прошлое...

Все эти данные, выясненные следствием, укрепили в следователе убеждение в том, что Нарушева убита мужем и что труп ее должен находиться где-либо в пределах района и именно на том пути, по которому Нарушев с женой направлялся из дома 10 октября, выехав из с. Колышлей днем и успев вернуться домой ночью, т. е. пробыв где-то в пути всего не более 12 часов.

Проверка следствием объяснений Нарушева о направлении дорог, по которым он ехал с женой из дома 10 октября, дала отрицательные результаты: выяснилось, что ни на ж.-д. станции Скрязино, ни в чеботаевской лечебнице Нарушевы 10 октября не были. По справкам в г. Пензе также оказалось, что в октябре ни в гостиницах, ни в доме колхозника проезжая с фамилией Нарушева не останавливалась и в лечебные заведения, диспансеры и в больницы не обращалась.

Одновременно следователем проверялась и версия о возможной поездке Нарушева с женой за покупкой торна, о чем показывала со слов уезжавших из дома Нарушевых вполне достоверная свидетельница—девочка Надя Нарушева. Продажа торна и других ягод и фруктов в Колышлейском районе производилась только в колхозе Хопер при селе Круча, а не в селе Трескино, куда будто бы Нарушев, по его объяснению, собирался ехать за торном, и притом в противоположной стороне от мест, по которым, по показанию Нарушева, проезжали они с женой. Однако следственным осмотром расходных ордеров этого колхоза, в которых записывались отпуск проданного торна и фамилии покупателей, а равно и допросами должностных лиц колхоза, отпускавших торн, было установлено, что 10 октября Нарушевы и в колхоз не приезжали и торна или других плодов и ягод не покупали.

Колхоз Хопер находится на границе Колышлейского района Саратовского края с соседним Телегинским районом Куйбышевского края, причем дороги к колхозу проходят густым лесом. Следователь вполне основательно попытался выяснить, не обнаруживались ли осенью в этой местности трупы убитых женщин. На запрос об этом от милиции Телегинского района были получены сведения, что в начале ноября в лесу, недалеко от границы Колышлейского района в 2 километрах от колхоза Хопер был обнаружен двумя охотниками полуразложившийся труп женщины с огнестрельной раной головы, который не был никем опознан, а потому и был погребен милицией, как труп неизвестной. По осмотре актов дознания по этому делу о найденном трупе совершенно нельзя было разрешить вопроса о сходстве или тождестве трупа с личностью Ксении Нарушевой, так как оказалось, что труп, лежавший в стороне от дороги в лесу, был найден голым, без всяких призна-

ков одежды, а недалеко от трупа имелись следы костра, из чего можно было заключить, что убийца после совершения преступления раздел убитую и одежду ее сжег. Это обстоятельство, естественно, еще более подкрепляло подозрение следователя, что убитая была именно Нарушева: сокрытие трупа ее в Телегинском районе Куйбышевского края и притом уничтожение одежды убитой, конечно, значительно затрудняло как опознание трупа, в случае нахождения его, так и вообще установление личности жительницы другого района, оказавшейся на территории другого края. Эта «техническая» сторона расследования преступлений хорошо была известна Нарушеву, который сам был следователем и, совершая убийство жены, естественно, предусмотрел все это, желая скрыть всякого рода следы своего преступления.

В целях опознания трупа погребенной неизвестной женщины представлялось необходимым произвести новый судебно-медицинский осмотр трупа. Была произведена 16 января эксгумация трупа и осмотр его через врачей-экспертов. По осмотре и исследовании изъятых из земли трупа неизвестной было установлено, что труп по общим приметам вполне соответствует приметам Нарушевой. Однако в целях установления идентификации трупа при новом вскрытии следователем были предусмотрены взятые с трупа две пряди волос с головы — одна состриженная, другая — выдернутая с корнями для последующего исследования их и сличения с волосами косы Нарушевой. Далее, так как на наружной поверхности левой голени трупа имелись остатки плотно приставшего вещества апельсинового цвета и маленький кусочек ваты, то и они были взяты для химическо-микроскопического исследования и разрешения вопроса, не является ли прилипшее вещество ксероформенной мазью, которой пользовалась Нарушева при лечении ожога ноги. Наконец, с головы трупа был изъят лоскут кожи у границы входного отверстия огнестрельной раны для исследования и разрешения вопроса об условиях и обстановке, при которых могла быть нанесена убитой рана в голову из огнестрельного оружия.

По заключению врачей-экспертов ранение в голову было произведено посторонней рукой из ручного огнестрельного оружия, причем выстрел был произведен сзади и слева с небольшим наклоном головы. Лабораторным же исследованием волос трупа и сличением их с волосами Нарушевой было установлено полное тождество их с волосами Нарушевой как по толщине, так по строению и цвету (однотонная толщина, одинаковые желтоватый разлитой пигмент и черный прерывистый мозговой слой).

Изобличенный рядом этим добытых следствием улик Нарушев, передопрошенный 28 января в качестве обвиняемого, сознался в убийстве жены, объяснив, однако, что он убил жену нечаянно, и при этом просил следователя квалифицировать его преступление по ст. 139 УК. По его словам, когда они ехали с женой в колхоз за торном, в лесу он увидел стаю фазанов, выстрелил в них несколько раз из нагана, но не попал. Подойдя к телеге, он захотел выбить из револьвера пустые гильзы. В это время жена слезла с телеги и села с

правой стороны у заднего колеса. Так как шомпол у нагана вытаскивался очень туго, то он зацепил концом шомпола за шину заднего колеса телеги, но когда он рванул за револьвер, то случайно нажал на курок: получился выстрел, которым и была убита жена. «Чтобы скрыть всю эту историю и не переживать позора, — закончил Нарушев, — я решил отвезти ее на территорию Телегинского района, где и бросил труп в яму, а одежду сжег».

По осмотре следователем телеги, на которой Нарушев ездил с женой, были обнаружены следы крови. При производстве же экспертизы револьвера «наган», найденного при обыске в доме Нарушева еще в начальный момент расследования, было установлено, что одна из барабанных камер имеет пороховую нагарь, что, по мнению эксперта по оружию, говорит о том, что после чистки из него был произведен только один выстрел. При производстве же с этим револьвером опыта вытаскивания шомпола, задетого за шину колеса, эксперт дал заключение, что из револьвера ни в каком случае не мог получиться выстрел, при котором пуля могла бы получить такое направление, какое имела сквозная рана головы на трупе Нарушевой.

На основании всех этих данных предварительного следствия Нарушев был предан суду и осужден по ст. 136 УПК.

Этот пример блестяще проведенного расследования, давшего в результате полное раскрытие преступления, подтверждает высказанные мной выше методические положения: старшим следователем Саратовской прокуратуры в данном случае был тщательно и детально разработан план расследования и прежде всего план проверки всех версий, которые логически вытекают из первичных материалов расследования; методически правильно по этим версиям он прежде всего нащупал пути, по которым можно и нужно было идти, чтобы обнаружить труп убитой, использовал все указывавшиеся обстановкой преступления тактические приемы расследования, а при установлении и проверке объективных по делу доказательств умело использовал и те криминалистические знания и научные методы и способы, которые дает нам современная уголовная техника в области экспертного исследования (осмотры вещественных доказательств, судебно-медицинская экспертиза, лабораторные исследования, техническая экспертиза оружия и т. п.).

Наконец, в виде отрицательного примера, подтверждающего изложенные выше методические положения, можно привести следующий интересный пример уже «дефектного» следственного дела.

9 октября 1934 г. из г. Сычевки Западной области выехал посланный Сычевским льнозаводом в срочную командировку развездной инструктор-технолог Ржевского льнотреста г. Лучников. Ему было поручено произвести проверку хода льнозаготовок в колхозах Нащекинского и Холминского сельсоветов из которых ближайший — Нащекинский находится в 20 км от г. Сычевки.

В день отъезда Лучников напел около завода трех колхозников из дер. Рябинки Нащекинского сельсовета, которые приезжали на завод сдавать лен и собирались возвращаться домой. Один из них Громов Илларион согла-

сился довезти Лучникова до Нащекинского сельсовета на своей лошади. Приехав вечером 9 октября в Нащекинский район, Громов подвез Лучникова к своему дому, к хутору, находившемуся в 2 км от дер. Рябинки. Так как было уже очень поздно, Лучников спросил Громова, нельзя ли ему, переночевать у Громова, говоря, что он ему заплатит за ночлег. Громов согласился, и Лучников остался ночевать у Громова, семья которого состояла, кроме его самого, из жены его старухи Анастасии, дочери-колхозницы Марии, проживавшей здесь со своей трехлетней девочкой, сына Петра, школьника 14 лет, снохи Ирины, муж которой Никита находился в это время на заработках в г. Ленинграде, и четырехлетнего сына последней. Все они помещались в двух комнатах, причем Громовы положили Лучникова спать в большой комнате на одной кровати вместе с сыном Петром; здесь же спали также Ирина и Мария со своими детьми.

10 октября утром Лучников после чая ушел от Громовых, оставив у них свое пальто, так как был теплый день, и сказав, что отправляется в обход колхозов Нащекинского района, а на обратном пути опять зайдет к ним ночевать. Однако Лучников в этот день не пришел к Громовым, а вернулся лишь вечером на следующий день 11 октября. Громова Иллариона в этот день дома не было: он уходил со снохой Ириной в Сычевку, куда отплатил сдавать двух своих телят. На вопрос Анастасии Громовой, где Лучников ночевал прошлую ночь, последний ответил ей, что ночевал у своей знакомой в дер. «Усьи» (вероятно Устье?).

Переночевав второй раз у Громовых, Лучников утром 12 октября вновь ушел от них сказав, что пойдет теперь в обход по колхозам Нащекинского сельсовета. При этом он опять оставил свое пальто у Громовых, сказав, что зайдет за ним на обратном пути уже перед отправлением в Сычевку, и тогда расплатится и за ночлег. Но после того Лучников к Громовым уже не возвращался.

Между тем, Громов Илларион, находясь 11 октября с Ириной в Сычевке, послал оттуда в Ленинград своему сыну Никите телеграмму с просьбой приехать домой, так как в это время в Нащекинском сельсовете возбуждалось против Громова Иллариона дело об исключении его из колхоза в связи с обвинением его в краже колхозного зерна, и он хотел, чтобы Никита помог ему в этом деле. Никита Громов приехал по вызову отца 14 октября в Сычевку, где Илларион Громов встретил сына на станции ж. д. и с ним возвратился домой вечером 14 октября, когда уже Лучникова у них не было.

Так как Лучников в Сычевку не вернулся а между тем командировка его кончилась 15 октября, дирекция Сычевского льнозавода обеспокоилась и послала в Нащекинский сельсовет другого своего сотрудника на розыски Лучникова. Сотрудник этот, узнав в сельсовете, что Лучников ночевал последний раз у Громовых в ночь на 12 октября и утром ушел от них, оставив свое пальто, а после того его никто будто бы из местных жителей не видел, возвратился в Сычевку.

21 октября дирекция льнозавода сообщила сычевской милиции об исчезновении Лучнико-

ва и, предполагая, что с ним случилось какое-либо несчастье, просила произвести расследование.

Уполномоченный сычевской милицией был в Нашекинский район для производства дознания только 27 октября (?). Кратким опросом секретаря Нашекинского сельсовета Моргунова и колхозника дер. Шакирова Гусарова уполномоченный лишь установил, что Лучникова они видели только: первый 11 октября, когда Лучников приходил зарегистрироваться, как приехавший в командировку по службе, а второй — 10 октября, когда Лучников приходил в колхоз и говорил бригадиру, чтобы колхозники не трепали лен, а сдавали его «трестой» (т. е. сырьем).

На другой день, 28 октября, тот же уполномоченный в присутствии начальника РОМ и районного прокурора произвел у Громовых, как сказано кратко в протоколе, «изъятие принадлежащего Лучникову пальто». Допросив затем 29 октября только Громовых Иллариона, Анастасию и Марию, которые о пребывании у них Лучникова дали уполномоченному показания в том виде, как это изложено выше, уполномоченный ограничился этими следственными действиями и уехал обратно в Сычевку, не приняв никаких мер к розыску Лучникова и расследованию обстоятельств, связанных с пребыванием Лучникова в Нашекинском и Холминском сельсоветах. В дальнейшем органы расследования, повидимому, занялись негласным собиранием сведений о личности и прошлом Громова Иллариона и никаких следственных действий не производили до 28 декабря, т. е. в течение двух месяцев (!). А 28 декабря, по постановлению начальника сычевского РОМ, Громов Илларион, а также сын его Никита, приехавший к отцу вторично ввиду назначенного в народном суде дела его отца по обвинению в краже зерна, были арестованы, причем в постановлении было сказано, что им предъявляется обвинение в убийстве Лучникова «из классовой мести» (?). Постановление это мотивировалось буквально в следующих двух пунктах: «1) на квартире у Громова Иллариона было обнаружено пальто, принадлежащее Лучникову, и 2) исчезновение Лучникова совпало с приездом из Ленинграда сына его Никиты» (?).

Не останавливаясь на целом ряде несообразностей, недочетов и прямых нарушений закона со стороны органов, производивших расследование по этому делу, следует лишь отметить, что, как это видно из вышеизложенного, следствие сразу пошло по ложному пути и занялось проверкой нелепых и необоснованных фактическими данными предположений. Не принимая никаких мер к розыску трупа Лучникова, уполномоченный сычевской милиции на основании первичных изложенных выше данных создал версию, казавшуюся ему единственно правдоподобной, а именно, что Лучников убит Громовыми в их доме, так как у них оказалось в доме пальто Лучникова и так как с 12 октября после ночевки у них Лучникова его нигде и нигде будто бы не видал, и к тому же «исчезновение Лучникова совпало с приездом из Ленинграда сына Громова Никиты»!

После этого в течение нескольких месяцев расследование занималось добыванием во что

бы то ни стало доказательств в подтверждение одной этой версии, причем наряду с упомянутыми уже всеми членами семьи Громовых привлекались в качестве подозреваемых и арестовывались, содержась без допроса в течение 2 месяцев, и другие лица, чем-либо связанные с семьей Громовых и притом без всяких оснований, лишь по голым домыслам и нелепым предположениям лиц, производивших расследование.

В задачу настоящего очерка не входит анализ всего следственного производства по этому делу, которое, однако, завершилось редким и необычным в нашей судебной практике определением Верховного суда, прекратившего производство по этому делу и признавшего расследование произведенным односторонне, неумело и с нарушением основных правил процессуального закона, а приговор суда явно неправильным и не основанным на каких-либо конкретных фактических обстоятельствах дела¹.

На материалах следствия по этому делу также можно с очевидной ясностью доказать, что непринятие быстрых и своевременных оперативно-розыскных и следственных мероприятий к розыску трупа по делам об убийствах влечет всегда за собой непоправимые ошибки расследования, в результате которых следствие оказывается бессильным восстановить объективно-достоверную картину преступления, и преступление остается нераскрытым.

Первый вопрос о том, возможно ли было по первичным сведениям, полученным милицией по этому делу от дирекции льнозавода, принять это дело для производства расследования и немедленно приступить к следствию, должен быть разрешен безусловно в положительном смысле. Пронал бесследно отправившийся в районы ответственный работник-специалист. По сообщению заинтересованного производственного предприятия, его исчезновение ничем другим нельзя было объяснить иначе, как тем, что с ним случился какой-то «несчастный случай» и именно в пределах района, куда он прибыл на определенный короткий срок и откуда в намеченный им срок не возвратился. Семья Громовых, где он нашел ночлег, удостоверяла вполне правдоподобные факты с указанием и точного времени, когда последний раз видели его в живых.

По принятии этого дела для производства расследования, прежде всего необходимо было подробнейшим образом допросить всех свидетелей, видевших Лучникова за время пребывания его в районе. Если даже в самый первый момент у производившего расследование могла возникнуть версия об убийстве Лучникова Громовыми, то тем более это обязывало производившего расследование отдельно допросить не только трех указанных выше, но и остальных членов семьи Громовых, по тем

¹ Планом работ следственного отдела Прокуратуры СССР на 1937 г. предполагалось опубликовать и разослать прокуратурам краев и областей и автономных республик составленное методической частью следственного отдела специальное письмо, содержащее подробный анализ и критическую оценку всего следственного производства по этому чрезвычайно поучительному и исключительно «дефектному» делу.

именно вопросам, которые изложены выше в методической схеме допроса первых свидетелей. Наряду с ними должны были быть допрошены и другие свидетели, на которых имелись указания в деле, но которые не были допрошены, а именно соседи Громовых,—свидетели, которые также видели Лучникова в доме Громовых... Сопоставление всех показаний этих свидетелей, помимо освещения других моментов, относящихся к личности Лучникова, вместе с тем дало бы возможность проверить и степень достоверности показаний Громовых, которые подозревались в убийстве Лучникова.

Вместе с тем необходимо было допросить и проживающую в Сычевке невесту-созительницу Лучникова, от которой можно было получить сведения, какие деньги и вещи имелись у Лучникова в день его отъезда, тем более, что точных сведений об одежде Лучникова, о наряде на нем белье и других вещах, бывших при нем, и о приметах этих вещей не могли дать другие свидетели, в том числе и Громовы, удостоверившие только, что Лучников был одет в новую кожаную тужурку и новые кожаные сапоги и имел при себе портфель и какой-то револьвер. Без подробного же описания примет одежды и других имевшихся при Лучникове вещей, при обнаружении трупа его, было бесцельным и бесполезным производить и розыски их, как это сделала сычевская милиция, послав своего уполномоченного искать у родственников Никиты Громовых... в Ленинграде (!) неизвестно какую «кожаную тужурку» и неизвестно какой системы «револьвер».

Одновременно, конечно, необходимо было срочно принять меры к розыску трупа. Для составления более или менее правдоподобной версии о месте нахождения трупа, естественно, следовало произвести тщательное дознание и выяснить, где, в каких местах и колхозах был Лучников 10 октября, где вообще он провел этот день, что делал, где отдыхал и закусывал, видел ли кто-нибудь у него деньги, где он ночевал в ночь на 11 октября и в каком направлении он производил в эти дни обход колхозов Нашецкого сельсовета. Далее необходимо было установить, был ли он в Холминском сельсовете, куда хотел отправиться с утра 12 октября, заходил ли он перед этим в Холминский сельсовет «зарегистрироваться», как это требовалось. Холминский сельсовет от хутора Громовых находился всего в 8½ км. Беспорно, что вскоре, в первые же дни после исчезновения Лучникова, все свидетели, которые должны были видеть его во время его обхода колхозов, дали бы об этом точные и подробные показания, так как они не могли забыть посещения недавно приехавшего из Сычевки инструктора по льнозаготовкам,—хорошо одетого молодого человека в кожаной тужурке в сапогах и с портфелем в руках. Между тем, через 10 месяцев, уже в 1935 г., когда следствие пыталось выяснить эти сведения, оказалось невозможным установить, какие колхозы посетил Лучников и кто и где мог его видеть в деревнях указанных сельсоветов в октябре 1934 г.

Вместе с тем, по указанию свидетельницы Анастасии Громовой, которой Лучников, по ее словам, сказал, что он ночевал на 11 октября у какой-то знакомой в дер. Усье, обязательно необходимо было проверить это и узнать у ко-

го именно ночевал в эту ночь Лучников. В деле даже не имеется сведений, есть ли в Нашецком районе дер. Усье. Этого своевременно не было сделано, а между тем впоследствии, уже при доследовании дела с запозданием в несколько месяцев, было выяснено, что Лучников действительно ночевал в ночь на 11 октября в дер. Коробянке (может быть, эта деревня находится при устье какой-нибудь реки и по своему местоположению называется еще «Усьем»?) в семье колхозника Лукьянова, у которого будто бы он встретил неожиданно в это время отца своей невесты Анфисы Догадиной — плотника Догадина, который, как оказалось, с семьей своей, в том числе и дочерью Анфисой, уже 6 лет до этого порвал всякую связь и который, по имевшимся у милиции сведениям, «имел связь с преступными элементами», а сын его Догадин Сергей в то время где-то скрывался от преследования, как обвинявшийся в каком-то преступлении. Своевременное установление этого эпизода ночовки Лучникова у Лукьянова могло, несомненно, осветить какие-либо факты, связанные с последующим убийством Лучникова, и во всяком случае дало бы некоторые указания относительно направления, в котором производил свои обходы колхозов Лучников, где он был до этого, куда и когда отправился потом и т. п. Характерно отметить здесь, что этот факт посещения Лучниковым Лукьянова и ночовки у последнего не был при расследовании проверен даже и после того, как следователю сделался известным этот факт, уже спустя несколько месяцев после начала следствия. Это обстоятельство установлено лишь допросом одного Лукьянова, показание которого не было проверено, так как остались недопрошенными как плотник Догадин, так и другие члены семьи — его мать, взрослая сестра и восьмилетний брат.

Далее, ни в каком случае нельзя было замедлять темпы начального расследования и тем более «засекречивать» дело розыска Лучникова, как это было сделано милицией. Ввиду важности дела и «загадочности» исчезновения Лучникова необходимо было, наоборот, привлечь к участию в расследовании общественность: нужно было мобилизовать силы местного колхозного актива, комсомольцев и ГСП, чтобы при такой массовой проверке получить точные сведения, кто, где и когда видел Лучникова в районе с 10 октября и до его исчезновения. В узких границах территории двух сельсоветов на протяжении всего каких-либо 15 км это было сделать легко.

При таких энергичных и своевременных розысках следствию, беспорно, удалось бы, по крайней мере, установить, в каком месте и в каком направлении видели проходившим Лучникова в последний раз перед его исчезновением. А эти определилось бы точно и то место или тот небольшой участок района, в пределах которых нужно было искать пропавшего Лучникова, чтобы с большей вероятностью можно было надеяться найти здесь его труп.

Такой, примерно, план следственно-розыскных действий намечался уже существом тех первичных сведений, которые, как указано выше, были у органа расследования в начальный момент розысков и следствия.

Если даже допустить, что у уполномоченного РОМ, приступившего к расследованию, имелась

сведения, что действительно с утра 12 октября, т. е. после второй ночовки у Громовых, Лучникова никто и нигде не видел, и возникла бы версия, что он мог быть убит только в доме Громовых, и следовательно, труп Лучникова должен находиться где-то на хуторе или поблизости его, это не освобождало производившего расследование от обязанности принять меры к розыску пропавшего именно в пределах этой окружающей хутор Громова местности, тем более, что сейчас же около хутора Громова находится глухой лесной участок. Розыски в этом месте необходимо было сделать и в том случае, если бы уполномоченный принял за достоверное показание Анастасии Громовой о том, что Лучников исчез бесследно после того, как он ушел утром 12 октября в направлении к Холминскому сельсовету и она даже указала ему, где он должен пройти из дома, чтобы выйти на дорогу, ведущую к с. Холмец, т. е. через лес. Если после выхода из дома Громовых Лучников пошел в эту сторону к лесу, а после этого его никто и нигде не видел, ясно, что здесь прежде всего и следовало искать бесследно пропавшего при отсутствии других указаний.

Дело в том, что из протокола осмотра и плана местности, составленного следователем уже при окончании следствия, видно, что хутор Громовых находится в 1,2 км от дер. Рябинки; за хутором Громова лежит небольшой участок, поросший мелким кустарником и сплошным ельником. Чтобы идти из дома Громовых к проезжей дороге, находящейся от хутора на расстоянии несколько больше полкилометра (0,7 км), нужно пройти лесом, а дальше по ту сторону дороги расположены уже строения других колхозников дер. Рябинки — хутора Кывкина, Голубева и Тарабыкина. Если бы, наконец, было своевременно произведено тщательное расследование в отношении колхозов и мест, которые посетил 12 октября Лучников, и было бы установлено (что тоже очень вероятно), что кто-нибудь видел его к вечеру в этот день возвращавшимся по дороге из с. Холмец по направлению к дер. Рябинки или к хутору Громова, у органа расследования также было полное основание произвести розыски в пределах указанного небольшого лесного участка на этой территории, прилегающей к хутору. И розыски эти привели бы к желанному результату, так как труп Лучникова был 23 мая 1935 г., т. е. уже через 7½ месяцев после его исчезновения, обнаружен раздетым, в одном белье и с зияющей раной черепа... именно в этом лесу, в яме «прикрытой мелкими старыми еловыми сучьями и листвой», глубиной в полметра, в расстоянии 147 шагов от дороги и в 73 шагах от опушки леса. Кстати, нахождение трупа в этом месте тогда же давало бы основание подвергнуть некоторому сомнению и указанную выше версию, принятую уполномоченным РОМ, об убийстве Лучникова Громовыми, так как труп находился от дома Громовых дальше, чем от дороги и чем от ближайшего другого жилья — от хутора Кывкина. Поэтому не исключалась и вероятность версии, что Лучников мог быть убит, когда шел лесом утром 12 октября с хутора Громовых, или в тот же день вечером, когда он возвращался лесом обратно с дороги после обхода холминских колхозов.

Между тем, уполномоченный РОМ в началь-

ный момент расследования не только не произвел обыска на хуторе «заподозренных» Громовых в целях нахождения трупа и следов преступления, но и не обследовал прилежащего к хутору лесного участка в направлении, которое указывалось материалами дознания.

Возникает вопрос, как и каким порядком в данном случае должно было производиться обследование указанной местности — лесного участка в целях обнаружения разыскиваемого трупа?

Оперативная следственно-розыскная практика прошлого знает случаи, когда подобного рода обследования местности производились при участии общественности. Приглашались для розысков в качестве понятых 10—20 человек из состава местного населения, которые под руководством производившего расследование лица проходили цепью на расстоянии 2—3 шагов друг от друга весь лесной участок, на котором предполагалось вероятным найти труп. В 1925 г. в одной из отдаленных областей РСФСР при таком именно способе обследования лесной местности был найден труп убитой разыскивавшейся женщины через несколько дней после ее исчезновения. Можно быть уверенным, что при таком методе обследования «бригадой понятых» и притом «сквозной цепью» от внимания обследующих не ускользнет ни один клочок земли: «подозрительная» свеж взрыхленная почва, яма, прикрытая хворостом, овраг, канава, кустарник с обломанными ветками и какими-либо следами находившихся здесь людей и т. п. Обследование участка должно производиться днем, с утра и начинаться от какой-либо границы участка, намеченной для розысков трупа, и вестись в поперечном направлении этого участка, если он имеет удлиненную форму. В случае если однократным прохождением цепи не будет охвачен по поперечнику весь обследуемый участок, обратным прохождением цепи обследование продолжается в таком же порядке и по другой еще необследованной части и т. д., до тех пор, пока весь участок не будет пройден бригадой.

Иногда такие массовые розыски производятся неорганизованно, когда нескольким человекам просто поручается пройти по лесу в различных направлениях. Такой способ нельзя рекомендовать, так как он недостаточно гарантирует полноту обследования: кто-либо из беспорядочно проходящих и не контролируемых соседом понятых из состава бригады может легко обойти и пропустить какой-либо «подозрительный» клочок обследуемой территории. Ясно, что, организовав такое обследование, производящий следствие должен составить бригаду из лиц, не участвующих в деле и стоящих вне всяких подозрений, и сам расставить цепь понятых в определенном порядке, чтобы исключить возможность со стороны кого-либо из этих «добровольцев» идти по выбранному им самим направлению. Здесь требуется также не только известная плановость, но и своего рода тактика, предупреждающая всякого рода возможности помешать делу розыска со стороны кого-либо из необнаруженных в данный момент участников преступления, попавших в число понятых.

Не подлежит никакому сомнению, что при таком способе обследования небольшого (на протяжении полкилометра) лесного участка

близ хутора Громовых труп Лучникова тогда же, в первые дни следствия, был бы найден.

Изложенные выше методические указания, естественно, не обнимают собой всех разновидностей случаев расследования дел об убийствах, по которым труп до начала следствия не был обнаружен.

Но, принимая во внимание некоторую общность фактической обстановки, в условиях которой начинается всякое расследование дела об убийстве без наличия трупа, я имею основание утверждать, что предлагаемая мной методическая схема может быть принята как примерная, хотя может быть и требующая некоторых поправок, типовая схема расследования для целого ряда аналогичных дел об убийствах, которая, с одной стороны, может облегчить следователю работу планомерного ведения следствия по такого рода делам, а с другой, обезопасить его от всяких возможных промахов и ошибок, которые наблюдаются в практике.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что и при всех возможных вариантах фактической обстановки расследуемых убийств все-таки ведущей магистральной линией расследования должна быть ставка на максимальную быстроту производства первых розыскных и следственных действий. Только быстро организованные оперативные действия по розыску трупа и своевременное методически правильное установление и проверка всех подсказываемых вероятными версиями фактических обстоятельств дела могут гарантировать успешное раскрытие всякого, на первый взгляд, загадочного преступления. Наоборот, всякое промедление в этот начальный момент расследования может лишить следователя в дальнейшем возможности собрать полноценный доказательственный материал, оставив на его долю лишь запоздалые догадки, проверить которые за давностью времени бывает уже невозможно.

В. БРАНЕЦКИЙ

Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы

В учебнике уголовного процесса проф. М. С. Строговича дана следующая оценка судебно-бухгалтерской экспертизы: «наиболее достоверны экспертизы—медицинская, химическая, менее достоверна бухгалтерская экспертиза»¹. В этом тезисе для бухгалтерской экспертизы хуже всего то, что он верен, верен по крайней мере сейчас,—на том уровне постановки и организации судебно-бухгалтерской экспертизы, который мы имеем.

Но нельзя понимать этот тезис так, что бухгалтерская экспертиза, по самой своей природе, по своей сущности менее достоверна, менее точна, чем, скажем, экспертиза медицинская. Наоборот, наши знания в области учета, наша практика учета, социалистического учета, построенного и выросшего за годы после Октябрьской революции, дают все основания для того, чтобы иметь уже сейчас вполне «достоверную», а может и более «точную», чем экспертиза медицинская, экспертизу бухгалтерскую. И если пока наша судебно-бухгалтерская экспертиза оказывается зачисленной в круг «менее достоверных» доказательств судебного процесса, то причина этого лежит не в ней самой. Нет и не может быть презумпции недостоверности бухгалтерской экспертизы, но есть пока еще плохая работа экспертов-бухгалтеров, а главное—есть лежащая в основе этой плохой работы стимулирующая ее индифферентность к вопросам бухгалтерской экспертизы и у юристов и у работников учета.

Нельзя сказать, что вопросами экспертизы у нас вообще не интересуются. Это было бы неверно. Но случилось так, что одни из видов судебной экспертизы, особенно медицинская, психиатрическая, оказались у нас в лучшем положении, сумели расти и развиваться. Авторы вышедшего в 1936 г. учебника судебной психиатрии могли с гордостью начать предисловие словами: «Интерес к судебной психиатрии

среди следственных работников непрерывно растет»¹. Преподавание судебной медицины и судебной психиатрии прочно вошло в программы наших юридических вузов. Следователь, не имеющий хотя бы минимальных познаний в области судебной медицины, уже считается у нас неполноценным работником.

И наряду с этим приходится констатировать, что вопросами бухгалтерской экспертизы наши следователи, как правило, не интересуются, книги, не говоря уже о вузовских учебниках, по бухгалтерской экспертизе не издаются, преподавать «судебную бухгалтерию» или основы счетоводства для юристов никто и нигде не собираются. Характерен факт, что в изданном в конце 1936 г. Институтом уголовной политики «Руководстве по ведению предварительного следствия» Л. М. Яхнича вопросы бухгалтерской экспертизы попросту выпали. В книге даны, например, два «образцовых» обвинительных заключения—по ст. 116 УК и по ст. 135 УК и в то время как по делу о растрате «образцовый» следователь т. Яхнич благополучно обходится без бухгалтерской экспертизы, по делу об убийстве он, разумеется, обосновывает обвинительное заключение выводами судебно-медицинской экспертизы².

В практике работы следователя на одно дело, требующее медицинской экспертизы, обычно приходится 5—10 дел, требующих бухгалтерской экспертизы. Да и то эта пропорция сложилась сравнительно недавно, когда стала уменьшаться прослойка должностных дел в связи с падением у нас числа должностных преступлений. Нам приходится говорить о делах, «требующих бухгалтерской экспертизы», что вовсе не совпадает с делами, по которым

¹ «Судебная психиатрия», учебник для юридических вузов, под ред. проф. В. А. Внукова и доц. Ц. М. Фейнберг. М., 1936.

² Л. М. Яхнич, Краткое руководство по ведению предварительного следствия, 1936, стр. 66—74.

¹ Проф. М. С. Строгович, Уголовный процесс, изд. 3, стр. 46.

эта экспертиза действительно производилась. Если в делах об убийствах, телесных повреждениях и т. п. никакому следователю и в голову не придет мысль о возможности расследовать их без участия эксперта, то по делам о растратах, недостачах в торговых точках и складах и т. д. тот же следователь очень часто считает возможным обойтись без вызова эксперта-бухгалтера даже тогда, когда по характеру дела, его сложности, наличию в деле бухгалтерских документов эта экспертиза явно необходима.

Ниже мы приводим цифры по отдельным краям и областям, свидетельствующие о том, что кое-где дела, требующие судебно-бухгалтерской экспертизы, как правило, расследуются и направляются в суды без этой экспертизы. Здесь же надо указать лишь на тот, пока еще обычный в практике расследования путь, который часто приводит следователя к выводу о том, что он как будто может обойтись без бухгалтерской экспертизы, расследуя, например, дела о растратах. Дело заключается в том, что в основе каждого почти дела о растрате или недостаче имущественных или денежных ценностей лежит ревизионный акт. Этот акт, являющийся продуктом ведомственной ревизии и указывающий, какая сумма числится за обвиняемым как недостающая, обычно воспринимается следователем как своеобразный суррогат экспертизы, а ведомственный ревизор, допрошенный в качестве свидетеля, заменяет эксперта. В результате акт ревизии превращается в основное доказательство по делу, без проверки его действительно настоящим, посторонним обвиняемому и гражданскому истцу (он же часто и ревизор) экспертом, а на суде получается ряд процессуальных нарушений, когда ревизор-свидетель по делу, превращенный в эксперта, начинает задавать вопросы сторонам и другим свидетелям. Правда, за последнее время мы имели случаи, когда уже в суде вскрывалось действительное процессуальное положение такого «эксперта». Так, например, в Харьковском областном суде, при слушании дела по обвинению гр. Адамковича, Луценко и др., защита возражала против выступления в качестве «эксперта» производившего ревизию по этому делу гр. Яромичко. Все же надо признать, что подмена эксперта ведомственным ревизором еще остается у нас частым явлением, и процессуальная роль эксперта, особенно в стадии расследования, до сих пор еще недостаточно понята нашими следователями.

Конечно, было бы неправильно обобщать это явление как свойственное всему нашему следственному аппарату. После директивы Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г. стало особенно понятным, что нельзя «брать на веру» акт любой ведомственной ревизии, что нельзя путать ревизора с экспертом, что это недопустимо и с точки зрения методики расследования, и с точки зрения требований процесса.

Подмена эксперта-бухгалтера ведомственным ревизором являлась не единственной причиной, вызывавшей недостаточное использование судебно-бухгалтерской экспертизы, именно как экспертизы со всеми ее процессуальными особенностями.

Известная «доля вины» падает здесь на организационные моменты, крайне неблагоприят-

но сложившиеся для судебно-бухгалтерской экспертизы. В то время как опять-таки та же судебно-медицинская экспертиза все время находилась в системе Наркомздрава, судебно-бухгалтерская экспертиза уже третий раз меняет свои организационные формы. Организованный в 1925 г. институт государственных бухгалтеров-экспертов при НКРКИ существовал до 1930 г., когда производство судебно-бухгалтерских экспертиз было передано Всесоюзному обществу социалистического учета (ВОСУ) при ВЦСПС. С ликвидацией ВОСУ в 1936 г. судебно-бухгалтерская экспертиза перешла к бюро СБЭ, входящее в систему Прокуратуры Союза ССР и действующее на основе временного положения от 8 июня 1936 г.

Помимо обычных организационных трудностей, возникающих при переходе в другую систему, ставящую перед бухгалтерами-экспертами несколько иные задачи (так, например, ВОСУ требовало от экспертов вести общественно-массовую работу со всеми вообще работниками учета), здесь сказались оторванность от органов расследования и суда ИГБЭ РК и ВОСУ. Бухгалтеры-эксперты, работавшие в ИГБЭ и в ВОСУ, появлялись в камере следователя без знания даже элементарных положений УПК, без знания своих прав и обязанностей в процессе. Авторитет экспертов-бухгалтеров, судя по имеющейся информации краевых и областных прокуратур, был весьма не велик, их квалификация и методическая подготовка часто не удовлетворяли работников расследования. Следователь не видел в пришедшем к нему бухгалтере компетентного, вооруженного всеми знаниями, владеющего всеми нужными методами эксперта, способного действительно помочь ему расследовать иногда сложнейшее дело.

Переход секторов СБЭ ВОСУ в 1936 г. в систему Прокуратуры должен явиться поворотным этапом в деле развития, правильного использования и освоения судебно-бухгалтерской экспертизы. Прокуратура взяла это дело в свои руки с тем, чтобы действительно наладить его, поднять нашу судебно-бухгалтерскую экспертизу на высокий уровень как в отношении кадров экспертов, их подготовки и переподготовки, так и в отношении методики и техники экспертной бухгалтерской работы.

Сеть местных бюро к настоящему времени охватывает все союзные республики, края и области, кроме трех точек: Северного края, Калмыцкой и Якутской АССР. В Архангельске организация бюро СБЭ задерживается, главным образом, из-за трудности подыскания кандидатуры на должность зав. бюро СБЭ; в Элисте прокуратура АССР не пошла навстречу мероприятиям центрального бюро СБЭ и заявила, что у них вообще «нет судебно-бухгалтерских экспертиз» (!); с якутским ЦБ СБЭ не удалось наладить связи—местная прокуратура не ответила ни на одно из писем ЦБ СБЭ.

Надо признать, что и по ряду организованных в течение второй половины 1936 г. бюро СБЭ работа пока еще развернута недостаточно. Отдельные руководители местных бюро СБЭ, выдвинутые местными прокуратурами, не сумели справиться с организационными трудностями. Поэтому, наряду с значительным числом хорошо работающих бюро СБЭ, в отдельных точках предстоит еще много поработать над организацией судебно-бух-

галтерской экспертизы (Омская область, Черниговская область, АССР Коми, Марийская АССР), чтобы добиться там правильного и полного обслуживания СБЭ органов расследования и суда.

К началу 1937 г., когда сеть МБ СБЭ была уже почти полностью организована, мы смогли перейти к вопросам организации и упорядочения работы уже существующих межрайонных и районных отделений МБ СБЭ. Здесь организационная работа встретила с целым рядом трудностей как в отношении подбора кадров экспертов, так и в отношении трудности проведения принципа хозрасчета. Работа по организации нисовой сети СБЭ еще не закончена, но все же на 1 января 1937 г., по неполным данным, функционировали 134 межрайонных и 166 городских и районных отделений МБ СБЭ. По отдельным областям уже сейчас организация нисовой сети органов СБЭ может считаться законченной (Ленинградская, Ивановская области, Северокавказский край, Крымская АССР), и местные органы расследования и народные суды полностью охвачены и обслужены СБЭ.

Работающие в системе органов прокуратуры местные бюро СБЭ и их отделения теперь уже не являются какой-то замкнутой организацией специалистов учета, оторванной от органов расследования. В значительном числе бюро СБЭ во главе их стоят работники прокурорского состава. Этим достигается не только разрешение задач обеспечения компетентного правового руководства работой экспертов, но и приближение всей местной организации СБЭ к работе прокуратуры, органическая связь ее с местной прокуратурой.

Достаточно указать на работу, например, днепропетровского бюро СБЭ, возглавляемого старшим помощником областного прокурора Ф. П. Поплавским. Здесь на всех собраниях экспертов, обсуждающих вопросы методики экспертиз, прорабатывающих экспертизы по оконченным делам, присутствуют прокуроры, судьи, следователи. Они не только «присутствуют», но и активно участвуют в работе, выступают, спорят, приводят примеры из своей практики применения СБЭ в процессе расследования. Здесь сразу видно, что дело бухгалтерской экспертизы стало для работников юстиции Днепропетровщины подлинно своим делом, в лучшей организации, в лучшей методике которого они кровно заинтересованы.

Пример днепропетровского бюро СБЭ не является единственным. Также неплохо работают возглавляемые прокурорскими работниками ленинградское бюро СБЭ (т. Альперин), киевское бюро СБЭ (т. Хелемский). В тех бюро СБЭ, где руководство возглавляется не работниками прокуратуры, а специалистами-бухгалтерами, работа идет хорошо лишь в условиях постоянного тесного контакта их и живой повседневной связи с прокуратурой—через следственные отделы прокуратуры.

Наоборот, там где местная прокуратура еще не сумела понять, что бюро СБЭ стало теперь составной частью его рабочего аппарата, составной частью общего комплекса организации расследования, там работа по СБЭ идет плохо, экспертизами не пользуются, да и не умеют пользоваться. Чего стоит, например, такое отношение к работе бюро СБЭ, как в Карельской АССР, где прокурор «выселит» бюро из поме-

щения прокуратуры и поставил заведующего бюро в необходимость вести работу на квартире. Понятно, что Карелия и по числу экспертиз заняла одно из последних мест. Еще хуже обстоит дело в Омской и в Северной областях, где до сих пор прокуратура не нашла времени заняться вплотную делом организации СБЭ и предпочитает жить «по-старинке», пользуясь услугами «частных» бухгалтеров-экспертов. Ведь врача, не имеющего специальной судебно-медицинской подготовки, тот же прокурор не станет привлекать в качестве эксперта, а бухгалтеру без такой же специальной судебно-бухгалтерской подготовки почему-то, пока что, считается вполне возможным верить экспертизу при следствии.

Надо признать, что все же постепенно мы начали проходить полосу безразличного отношения к работе бюро СБЭ со стороны работников прокуратуры и следствия. Уже никто не отрицает необходимости правильно организовать и освоить это дело. Организация следственных отделов прокуратуры много помогла делу укрепления и использования СБЭ. Это и понятно: следственный отдел, в первую очередь, заинтересован в улучшении качества следствия и тем самым—экспертизы. За последнее время развертывается и работа по переподготовке экспертов-бухгалтеров. Здесь максимум внимания пришлось уделить вопросам правовой подготовки экспертов, особенно хромавшей в период работы ВОСУ, ознакомлению их с основными понятиями советского права, особенно процессуального права. Занятия в форме кружков в 1936 г. были организованы для бухгалтеров-экспертов в 27 точках. И здесь без той органической связи с прокуратурой, о которой мы уже говорили, нельзя было бы ничего сделать. Только там, где местная прокуратура выделила из числа своих работников преподавателей по правовым разделам программы, кружки принесли реальную пользу. Эксперт-бухгалтер, после работы в кружке, уже знает свои права и свои обязанности, ему понятно значение экспертизы и его роль в процессе. На смену оторванному от нашей работы «специалисту учета», ничего не желавшему знать за пределами своей бухгалтерии, приходит бухгалтер-эксперт, связанный живой повседневной работой со следователем, компетентный и авторитетный не только в вопросах своей специальности, но и в деле применения этой специальности к задачам расследования, эксперт—каким он должен быть в советском процессе.

За период от приема секторов СБЭ б. ВОСУ до 1 января 1937 г. бюро СБЭ было окончено 6422 работы по судебно-бухгалтерским экспертизам и ревизиям, причем эти данные относятся к работе 40 МБ СБЭ и являются поэтому неполными.

Объем работы резко увеличился за последнее время. Так, например, было выполнено работ:

В III квар. В IV квар-
тале 1936 г. тале 1936 г.

Ленинградская область	286	358
Воронежская »	46	89
Харьковская »	28 (вкл. июнь)	70
Кабардино-Балкарск. АССР	16	32
Мордовская АССР	9	23

Распределение выполненных работ по организациям, поручившим производство экспертиз и ревизий, дает следующие показатели:

Прокуратура и следователи	45,8%
Суды	11,2%
Милиция, уголовный розыск, НКВД	15,9%
Арбитраж	2,6%
Хозорганизации	24,5%
Итого:	100,0%

По сравнению с данными предыдущего периода, надо отметить рост числа поручений прокуратуры и следователей, арбитража и хозорганизаций вместе с относительным снижением числа поручений судов и органов НКВД. Последнее очевидно надо объяснить в отношении судов недостаточным использованием ими предложений циркуляра НКЮ Союза ССР № 1 от 14 августа 1936 г., а в отношении органов НКВД—переходом расследования части дел, требующих производства СБЭ, из органов уголовного розыска и милиции к следователям прокуратуры.

В органах прокуратуры наиболее широкое применение СБЭ при расследовании дел имело место (в скобках число поручений, выполненных в IV квартале 1936 г.), в прокуратуре Белорусской ССР (141), Ивановской области (109), Днепропетровской области (88), и Севе-рокавказском крае ((8).

Эти данные говорят о стремлении местной прокуратуры добиться действительно полного и компетентного расследования наиболее сложных дел о хищениях общественной собственности, растратах и т. п., назначая по ним судебно-бухгалтерскую экспертизу.

Сравнительно с объемом их работы отстают Московская (128) и особенно Ленинградская (63) прокуратуры.

Явно недостаточно используют СБЭ прокуратуры ССР Армении (4), Калининской области (4). Карелии (3), Кировской области (3), Саратовской области (5) и Бурят-Монгольской АССР (2), где дела о хищениях, растратах и недостатках общественной собственности, как правило, расследуются без производства СБЭ, применяемой лишь в единичных, редчайших случаях. Ни одной работы по поручениям прокуратуры и следователей не было выполнено в Киргизской ССР и Чувашской АССР.

Здесь ни руководство местной прокуратуры, ни следователи еще не поняли значения судебно-бухгалтерской экспертизы для правильного, полного и высококачественного расследования дел. Не поняли они и того, что теперь бюро СБЭ являются их собственной организацией, входящей в систему прокуратуры, и что неиспользование или недостаточное использование СБЭ является их собственной виной, крупнейшим пробелом, допущенным ими при организации расследования.

Директива Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г., упорядочивая производство судебно-бухгалтерских экспертиз и ревизий в органах расследования в соответствии с требованиями УПК, внесла ясность в понятия СБЭ и бухгалтерской ревизии, указала правильный порядок взаимоотношений экспертов и следователей-экспертов и обвиняемых по делу. Однако по целому ряду краев и областей, вплоть до настоящего времени, требованием этой директивы полностью не выполняются и в практике работы местных органов прокуратуры

встречаются существенные отклонения от них.

Основным нарушением директивы 7 октября 1936 г. на местах надо признать продолжающуюся практику следователей перелагать на эксперта как свою работу по расследованию отдельных обстоятельств дела, по изъятию документов, счетов и т. п., так и поручать экспертам работу ревизионного порядка в хозорганизациях, потерпевших от преступления. На основе указаний директивы 7 октября 1936 г. бюро СБЭ теперь отказываются от производства ревизионных работ в хозорганизациях по одному лишь поручению следователя, настаивая на необходимости также и поручения руководства хозорганизации. В большинстве случаев вопрос решается путем предложения следователя хозорганизации произвести необходимую для дела ревизионную работу. Однако, например, в ССР Грузии, по сообщению зав. бюро СБЭ, по категорическому требованию судебных и прокурорских органов экспертам «приходится идти в хозорганы, разыскивать материалы обвинения в архивах и в счетоводстве» и производить настоящие ревизии. В Азербайджанской ССР следователи не только поощряют подмену себя экспертами, но даже «наблюдаются случаи, когда от эксперта требуют составления заключения в духе обвинительного заключения».

Приказ Прокурора Союза ССР от 7 октября 1936 г. установил резкую грань между судебно-бухгалтерской экспертизой, производимой по уголовному делу в порядке УПК, на основе имеющихся в деле материалов, по поручению следователя и между бухгалтерской ревизией, производящейся, хотя бы в связи с уголовным делом, но в хозорганизации, по материалам и по поручению этой хозорганизации (обычно потерпевшей от преступления). Это, несомненно, совершенно правильное разграничение требует дополнительных указаний в части порядка назначения бухгалтерских ревизий в связи с уголовными делами. Дело заключается в том, что следователь не может обязать хозорганизацию обратиться для производства ревизии обязательно к бюро СБЭ, тогда как ведомственная ревизия силами работников самой хозорганизации часто нежелательна по ходу следствия. С одной стороны, иногда возникает опасение возможности ведомственных влияний на ведомственного же ревизора, в смысле стремления затушевать а, может быть, и скрыть материал, компрометирующий обвиняемых—его бывших, а иногда и настоящих сослуживцев. Эти опасения особенно серьезны в тех случаях, когда по ходу следствия можно предполагать, что и руководство хозорганизации в той или иной степени может быть связано с преступлением. А ведь именно к этому руководству следователю и приходится обращаться с просьбой назначить ревизию.

С другой стороны, возможны и противоположные указания на стремление ведомственных ревизоров «свалить» на обвиняемого все не относящиеся к нему преступления или увеличить объем и размер его действительной ответственности. Здесь возможны случаи тенденциозности ревизора, являющегося, как правило, сотрудником хозоргана — гражданского истца—на почве неправильного понимания интересов гражданского истца и стремления обосновать преувеличенную сумму иска.

Эти соображения относятся не только к ревизиям, подлежащим производству после возбуждения уголовного дела, но и к ревизиям, предшествовавшим возбуждению дела и иногда лежащим в основе его возбуждения.

Во всех этих случаях следователь по смыслу директивы 7 октября 1936 г. не может поручить ревизионную работу местному бюро СБЭ именно потому, что это ревизионная, а не экспертная работа. Между тем, вопрос о необходимости обеспечить органам расследования возможность обращения в бюро СБЭ для получения объективного, свободного от подозрения каких бы то ни было «ведомственных» влияний ревизионного материала, является весьма серьезным. Надо отметить при этом, что этот вопрос возникает гораздо чаще, чем обычно полагают, так как, как правило, материалы следственного дела недостаточны для производства только на основе их судебно-бухгалтерской экспертизы и почти по каждому делу, требующему СБЭ, необходима иногда небольшая, а иногда и весьма сложная предварительная ревизионная работа, являющаяся базисом для выводов эксперта.

Помимо таких случаев, когда следователь сам стремится избежать производства ведомственной ревизии и вместе с тем не может поручить ревизионную работу и бюро СБЭ, часто встречается и иной вариант тех же по существу трудностей. При наличии в деле ревизионного акта хозорган считает свою работу выполненной. Между тем, ревизионный акт часто не может удовлетворить требованиям расследования ни по своему качеству, ни по своей полноте. В процессе расследования обычно выявляется ряд моментов, требующих дополнительной ревизионной работы, по материалам бухгалтерии потерпевшей организации. Очень часто обвиняемые возбуждают ходатайство о проверке той или иной части ревизионного акта, о выверке счетов в бухгалтерии предприятия на основе подлинных документов, являвшихся основой бухгалтерских проводок и выводов акта. Эти ходатайства обвиняемых в большинстве случаев должны быть удовлетворены в интересах правильности расследования дела.

В этих случаях, действуя в порядке указаний циркуляра 7 октября 1936 г., следователь должен обратиться к руководству хозорганизации с предложением произвести необходимую дополнительную ревизионную работу. Однако на практике мы имеем случаи, когда хозорганизации отказывались от производства такой работы, ссылаясь на то, что ревизия уже произведена, что ревизор уже сделал все, что мог, и что дальнейшая ревизия или невозможна или нецелесообразна. Поскольку работа необходима опять-таки явно ревизионного, а не экспертного характера, следователь не может поручать ее бюро СБЭ.

Разумеется, в обоих случаях, когда следователь сам не считает возможным поручить ревизионную работу хозорганизации и когда следователь не может добиться выполнения дополнительной ревизионной работы хозорганизацией, дело не может оставаться недоследованным.

Выходом из положения не может служить метод «осторожного» отношения на следствии к данным презумптивно неполного или

дефектного ревизионного акта и проверки его самим следователем в отдельных частях путем допроса свидетелей и обвиняемых. В интересах полноты и объективности расследования, в интересах действительной гарантии прав обвиняемого следователь должен получить возможность поручать бюро СБЭ не только экспертную, но и необходимую по делу ревизионную работу, независимо от желания или нежелания хозорганизации произвести эту работу своим ведомственным аппаратом.

Последний вопрос, на котором придется остановиться,—это вопрос об оплате работ по экспертизам.

По сообщениям бюро СБЭ по ряду союзных республик (Грузия, Азербайджан, Армения) еще практикуется система оплаты труда экспертов или за счет обвиняемого или за счет потерпевшей хозорганизации, давно запрещенная НКЮ и Прокуратурой Союза ССР. Центральным бюро СБЭ сообщено об этом прокурорам Грузинской и Азербайджанской ССР и НКЮ ССР Грузии и Армении с просьбой предложить местным органам прокуратуры и судам точно придерживаться указаний объединенного циркуляра Прокуратуры Союза ССР и НКЮ Союза ССР № 53/84 от 14 августа 1936 г. об оплате экспертиз из кредитов суда или прокуратуры, назначивших экспертизу.

Эти грубейшие нарушения нашего процессуального права, превращающие расследование в платное для обвиняемых или для гражданского истца, выросли на почве недопустимой практики работы секторов СБЭ ликвидированного ВОСУ и должны быть ликвидированы немедленно.

Потребность в производстве СБЭ по делам, расследуемым следователями прокуратуры, вызвала по ряду других точек, очевидно не решившихся встать на путь оплаты СБЭ обвиняемыми, нарушения иногда порядка. Так в Куйбышевской области по сообщению бюро СБЭ было произведено для областной прокуратуры до 20 экспертиз бесплатно якобы «за отсутствием у последней средств» (!). Здесь, не говоря уже о нарушении ст. 65 УПК РСФСР, нарушается самый принцип существования бюро СБЭ на началах хозрасчета, причем, разумеется само по себе, утверждение об отсутствии у прокуратуры средств на экспертизы совершенно неверно.

Правда, по отдельным союзным республикам, в частности по УССР, размер имеющихся ассигнований недостаточен. Так в Киевской области на 102 прокурорских единицы ассигновано на расходы по СБЭ 12 000 руб. на весь год, то есть менее 10 руб. в месяц на каждую прокуратуру. Ясно, что такие ассигнования не удовлетворяют действительных потребностей и могут вызвать у отдельных работников органов расследования или отказ от необходимых по делу экспертиз, или уже отмеченные попытки переложить оплату экспертиз на потерпевшие хозорганы, на обвиняемых или на бюро СБЭ путем «бесплатных» работ.

Вопрос об увеличении ассигнований на экспертизу должен быть и, надо надеяться, будет поставлен в связи с ростом числа экспертиз, свидетельствующим о росте качества расследования дел и о том внимании, которое сейчас все больше и больше уделяется работниками наших органов расследования судебно-бухгалтерской экспертизе.

О некоторых вопросах авторского права¹

В № 2 «Социалистической законности» опубликована статья А. Винавера «Об авторском праве», в которой автор предлагает внести ряд изменений в действующее авторское право. Первое место среди этих проблем, по мнению А. Винавера, занимает вопрос, который можно озаглавить — «Быть или не быть авторскому праву на переиздание». Вопрос этот возник в связи с тем, что переиздания произведений некоторых авторов повели к непомерному росту авторского гонорара, объясняемому не повышением затрат авторского труда, а гигантским культурным ростом советского народа, предъявляющего огромный спрос на литературные произведения. Совершенно естественно, что рост авторского дохода не стоит ни в какой зависимости от труда автора, а объясняется причинами, от него не зависящими, доход утрачивает свой трудовой характер и приобретает признаки ренты.

Для борьбы с этим явлением некоторые предложили отменить потиражную оплату авторского труда и приобретать произведения в полную собственность, производя при покупке произведения окончательный расчет с автором.

Справедливо возражая против этого способа разрешения вопроса, А. Винавер предлагает устранить рентообразный характер авторского гонорара за переиздания путем повышения норм тиражей. Эту меру А. Винавер предлагает распространить на все виды литературных произведений и даже на стабильные учебники, где «повышением тиражей можно было бы ввести в правильное русло и другой поток переизданий стабильных учебников, выпускаемых в миллионных тиражах».

Мы не можем согласиться с А. Винавером и полагаем, что такое механическое разрешение вопроса без учета всех сложных и многообразных конкретных особенностей авторских взаимоотношений не только не даст ожидаемых результатов, но даже окажет в некоторых случаях отрицательное влияние на рост авторских кадров: авторы, завоевавшие свое место под солнцем, для произведений которых обеспечены переиздания в миллионных тиражах, не перестанут быть «невзывлёнными ранты», но авторы молодые, только вступающие на путь борьбы за общественное признание, у которых авторский гонорар не только не превратился в ренту, но которые еще не имеют и перспектив на это, — эти авторы вместо материальной поддержки получают резкое уменьшение авторского гонорара.

Для того чтобы уяснить себе этот вопрос, необходимо исследовать, какие факторы участвуют в образовании авторского дохода.

Это следующие факторы:

а) полистная ставка авторского гонорара, устанавливаемая при заключении издательского договора;

б) норма тиража для одного издания;

в) шкала оплаты гонорара за повторные издания.

Особенное внимание необходимо обратить на шкалу оплаты гонорара за повторные издания.

Согласно постановлению СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. (с последующими изменениями) «О минимальных ставках гонорара за литературные произведения и о нормах тиража», оплата повторного издания производится в размере 60% договорных ставок за первое издание, а за издания массового распространения (стабильные учебники, буквари, учебники поллитграмоты и т. п.) установлена следующая шкала: второе и третье издания — 60% ставки за первое издание, четвертое — 50%, пятое — 40%, шестое — 30%, седьмое и последующее до тиража в 1 000 000 экземпляров — 20%, свыше 1 000 000 — 5% с каждого повторного издания договорных ставок за первое издание.

Оставляя пока в стороне вопрос о повышении тиражей стабильных учебников, посмотрим, к чему поведет повышение тиражей, например, для художественной литературы «с ныне существующей скромной цифры 5 тысяч экземпляров до 20—25 тысяч», как это предлагает А. Винавер.

Для авторов, уже завоевавших себе имя, произведения которых неизменно будут издаваться миллионными тиражами, повышенные тиражи будут означать снижение валового дохода за данное издание, но снижение до такого размера, который не устранил рентного характера дохода. При этом необходимо иметь в виду, что издательства устанавливают различную полистную оплату в зависимости от значимости автора. Вышеуказанные авторы, конечно, получают большую полистную плату, нежели авторы начинающие или авторы среднего масштаба. Однако уже это обстоятельство создает разную эффективность метода повышения тиражей в отношении авторов разной значимости и в меньшей степени будет ощущаться «многотиражными» авторами. К этому необходимо прибавить, что издательства при установлении полистных ставок оплаты не могут особенно торговаться и диктовать свои условия авторам, завоевавшим себе общественное признание. В связи с этим, повышение тиража будет немедленно компенсировано требованием о повышении ставки полистной оплаты, на которое издательствам в отношении некоторых авторов (и как раз тех, которые создали себе ренту) придется соглашаться. В совершенно ином положении находятся авторы начинающие или авторы среднего масштаба. Прежде всего эти авторы не в состоянии диктовать издательству свои условия о размере полистной оплаты, а рады уже и тому, что издательства соглашаются их напечатать и дают им возможность начать свой авторский путь. К этому необходимо прибавить, что миллионных тиражей добиваются не все и даже не многие авторы, а только некоторая часть их. Для остальной же массы тираж их издания ограничивается несколькими десятками тысяч экземпляров. Следовательно, для этой массы авторов повышение тиража будет означать резкое снижение гонорара. Таким образом мера, которая имеет своей целью сократить гонорары, переродившиеся в ренту, на самом деле обрушится на гонорары, которые носят вполне трудовой характер. Не нужно доказывать, как эта мера будет отрицательно отра-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

жаться на росте начинающих авторских кадров.

Совершенно неправильно повышать тиражи стабильных учебников, так как при существующей шкале оплаты за повторные издания у автора стабильного учебника никакой ренты не получится.

Убедиться в этом можно из следующего расчета.

Если взять средний объем стабильного учебника для начальной школы в 10 печатных листов и среднюю полистную оплату в 500 руб. за лист, то выходит, что за первое издание тиражом в 50 000 автор должен получить 5000 руб., за второе и третье издания — по 3000 руб., за четвертое — 2500 руб., за пятое — 2000 руб., за шестое — 1500 руб., за седьмое, восьмое, девятое и десятое — по 1000 руб., за каждое повторное издание, свыше 1 000 000 — по 250 руб. за издание. Таким образом за учебник, изданный в 1 000 000 экз. (20 изданий) автор получает 21 000 руб.

Если принять во внимание, какое огромное культурное и политическое значение имеет правильно с научной, литературной и педагогической точки зрения составленный учебник, по которому воспитываются миллионы советских детей и, следовательно, какого ответственного труда он требует, то можно ли гонорар в размере 21 000 руб. за 1 000 000 экз. учебника признать рентой и требовать ее уменьшения путем повышения нормы тиражей? Совершенно очевидно, что всякое ослабление материального поощрения автора стабильного учебника нанесет удар качеству одного из самых политически значимых видов литературы.

Поэтому нам думается, что повышение тиражей стабильных учебников будет совершенно нецелесообразным, а в некоторых случаях и прямо вредным.

Что же касается других видов литературы, то там с рентообразным распуханием авторского гонорара надо бороться не повышением тиражей, а установлением регрессивной шкалы оплаты за повторные издания по аналогии с такой же шкалой, установленной для стабильных учебников. Этот принцип как раз достигнет той цели, к которой стремится А. Винавер своим предложением о повышении тиражей и в то же время устраняет вышеуказанные отрицательные последствия для начинающих авторов.

Начинающий автор не почувствует эффекта регрессивной шкалы. Когда же он дорастет до миллионных тиражей, регрессивная шкала уничтожит рентный характер его гонорара.

Конечно, не нужно буквально копировать ставки регрессивной шкалы, установленной для стабильных учебников. Проценты ставок для различных изданий могут быть иные, нежели проценты ставок для повторных изданий стабильных учебников, но принцип регрессивной шкалы должен быть распространен на все виды литературы.

Что же касается повышения норм тиражей, то ни в коем случае нельзя становиться на путь огульного повышения норм тиражей для всех видов литературы, а можно ограничиться просмотром и проверкой норм тиражей только по отдельным видам литературы, допуская такое повышение в отдельных случаях и в небольшой степени (а не в 5 раз, как предлагает

А. Винавер), помня, что всякое резкое повышение норм тиражей в первую очередь ударит по начинающему автору.

«К числу острых вопросов авторского права,—продолжает А. Винавер,—надлежит отнести также проблему ответственности автора, по неосторожности причинившего убытки издательству, напечатавшему представленное им недоброкачественное произведение (невнимательное отношение к выбору и просмотру иллюстраций, приложенных автором к тексту, использование при составлении труда непроверенных материалов, устаревших статистических данных и т. п., вследствие чего получился производственный брак)... В соответствии с общим смыслом трудовых законов (ст. 83 и следующие Кодекса законов о труде) нужно было бы твердо установить принцип имущественной ответственности автора в указанных случаях, ограничив размер такой ответственности определенными пределами (20—25% с суммы гонорара по данному договору)». Мы не можем согласиться с этим предложением А. Винавера. По нашему мнению, мы здесь сталкиваемся не с острым вопросом авторского права, а с острым и большим вопросом ведения издательского хозяйства. Никакой аналогии со случаями ущерба, перечисленными в Кодексе законов о труде (ст.ст. 83, 83¹, 83²), здесь нет. Указанные статьи Кодекса законов о труде возлагают на нанявшегося имущественную ответственность за ущерб, причиненный нанIMATEлю. Но особенностью всех этих случаев является то обстоятельство, что нанIMATEль не мог предотвратить этого ущерба, и ответственным за него целиком и полностью является только сам нанявшийся.

Совершенно иного характера случай, который приводит А. Винавер.

Как известно, согласно издательскому договору, издатель, получая от автора рукопись, располагает значительным сроком для ее просмотра и одобрения. Если издатель обнаружит в рукописи дефекты, он имеет право или отказаться от принятия рукописи по соображениям ее непригодности и расторгнуть договор, и в этом случае автор за недоброкачественную работу отвечает не 20—25% гонорара, как предлагает А. Винавер, а теряет 75% гонорара, или издатель может потребовать от автора переделки рукописи (п. 7 типового издательского договора). И только после просмотра и одобрения рукописи издатель уплачивает автору 35% гонорара, после чего рукопись считается окончательно принятой к печати.

Следовательно, если недоброкачественность рукописи обнаружится уже в напечатанном произведении (а этот случай и имеет в виду А. Винавер), то это будет означать, что издательство грубо нарушило свою основную обязанность, заключающуюся в проверке качества представленной автором рукописи.

В связи с этим правильно ли будет возлагать на автора имущественную ответственность за небрежную работу редакционного аппарата издательства? От редакционного аппарата издательства требуется повышенное внимание и бдительность в отношении качества литературных произведений. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. «Об издательской работе» обратило внимание на этот участок издательской работы, указав, что «качество

книги также еще значительно отстают от предъявляемых к книге серьезных требований, что объясняется как недостаточным вниманием издательства к этому вопросу, так и плохим подбором редакторских кадров».

В связи с этим ЦК ВКП(б) указывает, что «большое внимание должны обратить издательства на лучший подбор и повышение квалификации редакторских кадров».

Массовый недостаток редакторских кадров требует повышения сознания ответственности редакторских работников за качество выпускаемой ими продукции. Несомненно, что это сознание ответственности будет повышаться и ослабляться в случае установления имущественной ответственности авторов за недоброкачественность произведений, уже прошедшего редакторскую проработку.

Если практика издательской деятельности показала, что на рынок выпускаются книги, содержащие брак, причиненный автором, то это только показывает, что наши редакторские кадры еще отстают от уровня, необходимого ЦК ВКП(б). А для устранения этого надо воспитывать и укреплять редакторские кадры, а не создавать дополнительную ответственность в лице авторов, что является только косвенным признаком бесения издательства в деле борьбы за улучшение редакторских кадров.

Другой проблемой крупного принципиального значения, по мнению А. Винавера, является вопрос о пределах обязанности издательства, заключивших с авторами издательский договор. Как известно, основной обязанностью издателя в силу ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. является обязанность издать произведение и принять все зависящие от него меры к распространению этого произведения.

«В судебной практике не раз возникало недоумение», пишет А. Винавер, «по поводу второй части приведенной статьи закона. Обязано ли издательство печатать работу или ему можно предоставить возможность воздержаться от печатания, ограничившись уплатой автору гонорара по договору. В большинстве случаев суды обязанности печатания на издательства не возлагают. Изредка, правда, попытки такие наблюдаются, но за отсутствием реальных возможностей приведения такого решения в исполнение эти попытки обращаются в простые декларации, лишённые реального юридического содержания. Очевидно, при пересмотре авторских законов придется от второй части ст. 17 отказаться, изменив самое определение издательского договора».

Нам думается, что нельзя так легко разделять с этой основной обязанностью издателя, которая направлена к охране самой существенной части авторских интересов. Авторское право охраняет как имущественные, так и личные интересы автора. Если имущественный интерес автора направлен к получению авторского гонорара, то личный его интерес направлен к опубликованию его произведения, к распространению его произведения в обществе, к установлению живой связи с общественностью, без одобрения, критики и оценки которой автор не может ни существовать как автор, ни расти и развиваться. Выход на общественную арену обеспечивает ав-

тору получение совершенно необходимых для его личного авторского самосознания общественных оценок, направляющих дальнейшее развитие его творческой деятельности.

Вот почему законодатель, учитывая этот совершенно необходимый для творческого роста автора элемент, возложил на издателя обязанность издать произведение и «принять

все зависящие от него меры к распространению этого произведения».

Предложение А. Винавера превращает автора в ремесленника, интересующего лишь в получении платы за вынужденный заказ и совершенно не обеспокоенного тем, какое употребление сделает заказчик из его работы.

Конечно, нельзя отрицать того, что бывают случаи, когда издательство не может издать рукописи по обстоятельствам, от него не зависящим. Это случаи сокращения бумажных фондов, сдвиг тех или иных тем с тематического плана регулируемыми организациями и т. п. Но не меньше случаев, когда невозможность издания рукописи объясняется виной самого издателя. Издательства не принимают достаточных мер к понуждению бумажных фабрик выполнять их договорные обязательства по сдаче бумаги в количествах и в сроки, установленные договорами, не проявляют достаточной активности в борьбе с типографским и редакторским браком, не умеют надлежащим образом организовать редакторский аппарат и восполнять его в духе соблюдения сроков и качества работы и т. п. К этому необходимо прибавить, что издательства, заключая с авторами в начале года договоры, не проявляют здесь достаточной осторожности, недостаточно учитывают свои хозяйственные и организационные ресурсы и несомненно перегружают свой издательский портфель. В результате некоторая часть отпущенных издательству бумажных ресурсов съедается этой бесхозяйственностью, равно как и значительно просрочиваются сроки издания рукописей, обусловленные издательскими договорами. И вот издательство, обнаружив такое положение и пользуясь тем, что судебная практика не принуждает его исполнять обязанность по изданию рукописи, становится на легкий и безответственный путь резкого сокращения издательского портфеля путем одностороннего расторжения издательских договоров.

Нам думается, что было бы совершенно неправильно освободить издательство в законодательном порядке от выполнения основной его обязанности по изданию рукописи. Эта санкционированная законом свобода от договорных обязательств окажет развращающее влияние на издательский хозяйсчет.

Во всех случаях предъявления к издательству требований об издании рукописи суд должен ставить вопрос о причинах уклонения издательства от выполнения этой обязанности. Если это причины, не зависящие от издателя, суд должен освободить его от ответственности. Во всех же остальных случаях суд должен принуждать издателя к выполнению его обязанности. Весь вопрос заключается только в том, какими мерами можно принудить издателя к этому. Нам думается, что для этих случаев закон должен установить эффективную штрафную реакцию за нарушение обязанности издателя, установленной ст. 17 поста-

новления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г.

Воспитательное значение этой неустойки скажется очень скоро. При заключении договоров издательства будут проявлять достаточную осмотрительность и осторожность, не будут заключать договоров «про запас» и, учитывая свои хозяйственные и организационные возможности, будут создавать реальный издательский портфель. Заключение же договоров издательства будут вести борьбу за их реализацию, зная, что по окончании операционного года при рассмотрении вышестоящими органами их отчеты уплатенные авторам неустойки явятся сигналами неумения и неспособностей управлять издательским хозяйством.

Несомненно, что авторские законы требуют пересмотра и изменения.

По нашему мнению, при оценке действующего авторского права возникают следующие вопросы:

1. Ст. 21 типового издательского договора гласит так: «Если названный в ст. 1 настоящего договора труд не будет выпущен в свет в силу запрета со стороны органов Главлита, то издательство возвращает автору рукопись, и договор считается расторгнутым без права издательства на обратное получение выпущенных им автору сумм».

Этот порядок ликвидации договорных отношений вполне правилен для тех случаев, когда запрещение издания вызвано обстоятельствами, в которых виновными ни автор, ни издатель.

По этой статье механически применяется ко всем случаям запрета изданий и совершенно не ставит вопроса о распределении ответственности и зависимости от вины той или иной стороны.

Возможны следующие случаи на практике.

Согласно циркуляру Главлита № 9004 от 10 марта 1932 г. «Об обязанности уполномоченных Главлита следить за оформлением книг» предлагается не разрешать к печати все издания плохо оформленные (иллюстрации, обложки, корешок). Вина за это ложится на издательство полностью. Почему же в случае запрета Главлита терпеть ущерб наряду с издательством должен и автор?

Иногда книга запрещается потому, что издательство снабдило вполне добильную книгу предисловием и комментариями идеологически вредного характера. Почему в этих случаях автор должен терпеть ущерб? Бывают случаи, когда в издании книги есть прямая вина автора, создавшего контрреволюционную книгу. Почему в этом случае оставлять у автора полученные им по договору суммы?

При этом необходимо обратить внимание, какой ущерб несет автор в случае запрещения книги. Размер этого ущерба определяется порозному в зависимости от случайных обстоятельств.

Как известно, по издательскому договору, автор получает гонорар в следующем порядке:

а) при подписании договора — аванс в 25%;

б) по одобрению рукописи — 35%;

в) по подписанию автором последнего листа корректуры — 40%.

Если запрещение последовало во время просмотра рукописи до ее одобрения, автор теряет 75% гонорара, если запрещение последовало

после одобрения, но до подписания последнего листа корректуры, автор теряет 40%.

Если автор не взял аванса при подписании договора (а такие случаи бывают), то автор в случае запрета до одобрения рукописи теряет 100% гонорара.

Если автор, рукопись которого получила одобрение, не успел получить 25% аванса, то в этом случае

по тем же причинам (болезнь автора, кассовые затруднения издательства), то он теряет эти 25% в случае запрета книги.

Если книга была запрещена после получения автором 100% гонорара, то он ничего не теряет, хотя бы он и был виновником запрета.

Совершенно очевидно, что такое положение не может быть признано справедливым, и нам кажется, что вопрос этот следовало бы разрешить следующим образом.

а) Во всех случаях запрета издания со стороны органов Главлита договор расторгается, если дефекты таковы, что они не могут быть исправлены издательством (неправильное оформление).

б) Во всех случаях, если запрет вызван обстоятельствами от сторон не зависящими, издательство не вправе требовать от автора выданных ему сумм, но обязано уплатить ему те суммы, которые оно должно было уплатить по договору до момента запрета.

в) Во всех случаях, если запрет вызван виной автора, издательство вправе потребовать от автора все уплаченные ему суммы.

г) Во всех случаях, когда запрет вызван виной издательства, автор вправе потребовать уплаты ему 100% предусмотренного договором гонорара.

Одновременно автор вправе поставить вопрос о возмещении ему убытков, причиненных ему запрещением издания. Так как размер этих убытков доказать в большинстве случаев невозможно, а наличие их несомненно, то правильно было бы обеспечивать это требование включением в договор условия об оценочной неустойке, минимальный размер которой должен быть установлен законом.

2. Согласно п. 15 типового издательского договора «автор обязуется в течение срока действия договора, считая с момента его заключения, ни сам, ни через другое лицо не выпускать в свет своего труда в целом или в части, хотя бы и под измененным названием, без письменного на то согласия со стороны издательства. В случае нарушения этого условия издательство имеет право расторгнуть договор и взыскать с автора понесенные от такого нарушения убытки, размер коих определяется судом». Нужно ли сохранить эту правовую норму в советском праве? Нам кажется, что нет.

Советский издатель стремится не к сокращению распространения и только извлечения и увеличения прибыли, а наоборот, основной задачей советского издательства является максимальное удовлетворение потребности населения, а следовательно, и максимальное увеличение распространения. И если издательство и вынуждено ограничивать выпускаемые им тиражи, то это объясняется тем, что оно лимитируется в данном случае обстоятельствами, от него не зависящими (недостаток бумаги, узость полиграфбазы и т. п.), которые хотя и носят временный характер, но на данном этапе ставят преграды к полному удовлетворению запросов читателя. При этих условиях сохранять

в советском праве правовую норму, создающую монополию для отдельного издательства, значило бы вступить в противоречие с основными принципами советского хозяйства. У нас вполне возможны случаи, когда для увеличения тиражности издания могут быть использованы бумажные ресурсы 2—3 издательств.

Поэтому было бы целесообразно установить порядок, согласно которому любое советское издательство, если оно желает и имеет возможность издать книгу, выпущенную недостаточным тиражом другим издательством, вправе издать эту книгу без согласия первого издательства и обязано только согласовать с последним вопросы, игнорирование которых может создать затруднения при распространении издания, выпущенного первым издатель-

ством (например, вопрос о тираже второго издания и др.).

Такой порядок вполне приемлем для издательства с однородной тематикой. Например, Госфиниздат выпустил книгу А. О. Шварцмана «Законодательство о кредитовании и расчетах» тиражом 15 000 экз.: Книга эта очень нужная, и тираж ее недостаточен для полного удовлетворения спроса. Почему нельзя разрешить выпустить ту же книгу Госюриздату? Вопрос об удовлетворении в этих случаях интересов автора не встречает никаких затруднений. Автор заинтересован в увеличении тиражности его книги и не станет возражать против издания его книги вторым издательством, которое, конечно, обязано уплатить автору следуемый ему гонорар.

М. ШИФМАН

Новое в законодательстве о сельскохозяйственных заготовках

По вопросам, связанным с заготовками сельскохозяйственных продуктов, правительством Союза ССР за последнее время издан целый ряд постановлений, имеющих большое принципиальное и практическое значение.

Остановимся на некоторых из этих постановлений.

Порядок привлечения колхозов к ответственности за невыполнение ими обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству был установлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами».

Это постановление предусматривало, что «колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в установленные календарные сроки, подвергаются через сельсоветы денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательства, и сверх этого к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке».

Впоследствии этот порядок был распространен и на обязательные поставки других сельскохозяйственных продуктов (картофель, подсолнух, рис-сырец, шала, чалтык).

Таким образом при невыполнении колхозами своих обязательств по поставке государству зерна, подсолнуха, риса и картофеля, независимо от причин этого невыполнения, районные уполномоченные Комитета заготовок налагали на колхозы через сельсоветы штрафы в бесспорном порядке, исходя из рыночной стоимости невыполненной части обязательств. Помимо этого, в бесспорном же порядке районные уполномоченные Комитета заготовок предъявляли к колхозам требование о досрочном выполнении натурой всего годового обязательства.

Большие успехи нашего социалистического земледелия, организационно-хозяйственное укрепление колхозов дали возможность партии и правительству по-новому разрешить вопрос об ответственности колхозов за невы-

полнение ими своих обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов государству.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. «Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС», сохраняя по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству на 1937 г. действовавшие в 1936 г. порядок, сроки и нормы сдачи зерна, подсолнуха, риса и картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами, запрещает применение денежных штрафов к колхозам, не выполнившим в установленные сроки своих обязательств по сдаче сельскохозяйственных продуктов государству.

При этом СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что за злостное невыполнение колхозом к установленному сроку своих обязательств по сдаче государству сельскохозяйственных продуктов «прокурор области (края, республики) по представлению районного уполномоченного Комитета заготовок привлекает правление колхоза к ответственности по суду для наложения денежного штрафа в размере стоимости несданной части зерна (равным образом это относится и к подсолнуху, рису, картофелю. — М. Ш.), исчисленной по государственным закупочным ценам, а также же для взыскания натурой невыполненной части поставок» этих культур.

Таким образом постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) устанавливает, что привлечение колхозов к ответственности по суду за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов должно применяться в 1937 г. не ко всем колхозам, а только к тем из них, которые злостно не выполняют своих обязательств по поставкам зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству. Затем наложение санкций на колхозы за злостное невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству будет

проводиться не в беспорядном порядке, а по суду. Наконец, денежный штраф, налагаемый на колхозы в размере стоимости несыпанной части продукции, должен исчисляться не по рыночным, а по государственным закупочным ценам.

Проверка выполнения обязательств колхозов по поставкам сельскохозяйственных продуктов государству должна производиться районными уполномоченными Комитета заготовок или их инспектурой.

Колхозу, не выполнившему в срок обязательства, районный уполномоченный Комитета заготовок обязан вручить предупреждение, что при невыполнении обязательства в 10-дневный срок дело будет передано прокурору.

В случае невыполнения колхозом своего обязательства и в этот 10-дневный срок районный уполномоченный Комитета заготовок должен лично произвести вторично проверку причин невыполнения колхозом своих обязательств для выявления и представления прокурору области (края, республики) тех из колхозов, у которых это невыполнение носит злостный характер.

Представленные районным уполномоченным Комитета заготовок материалы областному, краевому, республиканскому прокурору должны содержать: размер годового обязательства по поставке государству зерна, риса, подсолнуха и картофеля как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам; размер этих поставок по отдельным месяцам; фактическое выполнение обязательных поставок за истекший период по отдельным культурам; общий размер недовыполненной части обязательных поставок как за истекший период времени, так и по всему годовому обязательству по отдельным культурам; действующие закупочные цены по отдельным культурам, утвержденные Комитетом заготовок для данной области; стоимость недовыполненной части зернопоставок за истекший календарный период в денежном выражении и, наконец, материалы, характеризующие злостность недовыполнения данным колхозом установленного для него размера поставок с.х. продуктов государству.

Получив от районного уполномоченного Комитета заготовок указанные материалы, прокурор, в соответствии со ст. 2 ГПК РСФСР или соответствующими статьями ГПК других союзных республик, направляет в народный суд по месту нахождения колхоза дело о привлечении правления колхоза к ответственности для наложения штрафа, исходя из стоимости недосданной части с.х. продуктов за истекший календарный период и взыскания натурой недосданной части годового обязательства, точно указав при этом как размер взыскания натурой части обязательства по отдельным культурам, так и размер денежного штрафа, подлежащего взысканию с колхоза.

Учитывая исключительную важность дела привлечения к ответственности по суду колхозов, злостно не выполняющих своих обязательств по госпоставкам, и краткость срока заготовительной кампании (3—4 месяца), прокурор области (края, республики) не имеет права передоверять это дело работникам своего аппарата или районным прокурорам, а должен сам заниматься этим делом, обеспе-

чивая исключительно быстрое (в течение одних суток) рассмотрение поступающего материала в прокуратуру, своевременное рассмотрение этих дел в суде, а также безоговорочную и срочную реализацию через инспекторов по заготовкам постановлений судов по этим делам.

Такой порядок полностью устраняет всякую возможность административного произвола со стороны районных уполномоченных Комитета заготовок, руководителей райкомов и сельсоветов при наложении на колхозы взысканий за невыполнение обязательных поставок государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта сего года замечательно еще и тем, что оно предусматривает **значительное** уменьшение ставок натуроплаты, взимаемых МТС за работы, производимые машинно-тракторными станциями в колхозах под урожай 1937 г.

Снижение коснулось как ставок за отдельные виды работ МТС, так и за весь комплекс работ МТС по обслуживанию колхозов.

Этим самым создан новый стимул к дальнейшему расширению фронта обслуживания машинно-тракторными станциями посевов сельскохозяйственных продуктов, что в свою очередь должно повести к подъему урожайности нашего сельского хозяйства и реализации директивы товарища Сталина о производстве в ближайшие годы не меньше 7—8 миллиардов пудов зерна в год.

20 марта 1937 г. опубликовано также постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снятии недоимок по зернопоставкам за 1936 г.».

В связи с крайне неблагоприятными метеорологическими условиями прошлого года в целом ряде районов мы имели пониженный урожай зерновых культур. Поэтому особое значение приобретает льгота, предоставленная партией и правительством колхозам и единоличным хозяйствам, которые по каким-либо причинам не смогли в 1936 г. полностью выполнить свои обязательства по поставкам зерна государству.

Снятие недоимок не только дает возможность всем колхозам и единоличным хозяйствам вступить в новую сельскохозяйственную кампанию 1937 г. без задолженности государству по зернопоставкам, но, главное, создает колхозам и единоличным хозяйствам все возможности для максимального расширения в 1937 г. посевных площадей зерновых, используя для этого в качестве семян и те зерновые ресурсы, которые при отсутствии этой льготы подлежали бы сдаче государству в покрытие задолженности колхозов и единоличных хозяйств по зернопоставкам 1936 г.

Из этого постановления для работников прокуратуры вытекает необходимость немедленного прекращения всех дел, связанных с обвинением отдельных граждан в связи с невыполнением ими зернопоставок урожая 1936 г. как находящихся в производстве прокуратуры, так и направленных уже в судебные инстанции с обвинительными заключениями.

Еще большая работа ждет работников прокуратуры в связи с поставленным НКЮ и Прокуратурой СССР перед правительством

вопросом о прекращении в порядке амнистии всех аналогичных дел, по которым уже вынесены обвинительные приговоры.

Проходящая красной нитью через все наше законодательство тенденция льготирования из года в год колхозов, колхозников и единоличников по обязательным поставкам может быть проиллюстрирована и на примере с обязательными поставками мяса государству в 1937 г.

До этого года инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности СССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР о порядке проведения мясопоставок государству предусматривала возможность изымания единственной коровы или телки у колхозников и единоличников за недоимки по мясопоставкам.

В 1937 г. конфискация у колхозника и единоличника единственной коровы или телки за невыполнение обязательств по мясопоставкам категорически воспрещена, причем виновные в конфискации единственной коровы или телки подлежат судебной ответственности, а изъятие — обязательному возврату.

21 марта 1937 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок».

До последнего времени сельские советы были загружены всякого рода несвойственными им как выборным органам советской власти обязанностями, которые ставили их подчас в двойственное положение по отношению к населению. В частности по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству вся тяжесть вручения обязательств единоличным хозяйствам приходилась на долю сельских советов, которые составляли списки этих хозяйств, подписывали обязательства, вели у себя учет выполнения, применяли репрессии к неаккуратным сдатчикам и т. д.

Сталинская Конституция, поставив перед сельскими советами серьезнейшие политические, хозяйственные и культурные задачи, продиктовала необходимость освобождения сельских советов от этой работы, которая с 1 июля 1937 г. переходит соответственно к органам Наркомфина или Комитета заготовок. Разгрузка сельских советов от этой работы даст им возможность перестроиться, чтобы вплотную и глубже заняться своими прямыми обязанностями.

Наконец, 11 апреля 1937 г. состоялось постановление ЦИК и СНК СССР, которым административный порядок изъятия имущества колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, по обязательным поставкам и штрафам заменен судебным порядком.

Только в отношении зернопоставок и мясопоставок допущено изъятие у единоличных хозяйств в бесспорном порядке невыполненной ими части обязательств с тем, однако, чтобы по мясопоставкам последняя корова или телка не забиралась.

Одновременно с этим указанное выше постановление ЦИК и СНК СССР точно устанавливает, какое имущество не может быть изъято или продано по судебным решениям для покрытия недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным поставкам и штрафам.

Таково содержание последних постановлений партии и правительства об обязательных поставках.

Они проникнуты заботой о колхозах, колхозниках и единоличниках, они отражают стремление партии и правительства обеспечить дальнейший подъем нашего сельского хозяйства и рост зажиточности колхозников.

Органы прокуратуры со своей стороны должны проследить за точным проведением их в жизнь.

И. БАРКОВ

За незыблемое проведение в жизнь Сталинского устава сельхозартели

Известно, какое громадное значение имеет Сталинский устав сельхозартели для колхозной социалистической деревни. Вот почему Центральный комитет нашей партии и Совнарком Союза ССР еще 19 декабря 1935 г. в своем постановлении «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы» с такой силой подчеркивали исключительную важность борьбы с нарушениями и извращениями Сталинского устава сельхозартели.

ЦК ВКП(б) и Совнарком Союза ССР указали партийным и советским организациям не только областей и краев нечерноземной полосы, но и других, «что они сумеют в ближайшие сроки добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов только при условии, если Сталинский колхозный устав не

формально, а на деле получит силу основного государственного закона в каждом колхозе и виновные в нарушении устава будут строго наказываться».

Уже и тогда устав сельхозартели считался самым важным и авторитетным государственным законом в деревне.

С утверждением же Сталинской Конституции, законодательно закрепившей победы и завоевания социализма, борьба с нарушениями и извращениями колхозного устава поднята на еще большую политическую высоту. И это вполне естественно, ибо основные положения Сталинского устава сельхозартели о земле, о средствах производства, о подсобном хозяйстве колхозников и прочее записаны в самом тексте Сталинской Конституции.

Таким образом примерный устав колхозов стал законом конституционным. Поэтому по-

сле утверждения Конституции нарушения основных положений колхозного устава мы должны рассматривать не только как посягательство на интересы колхозов и колхозников, но и как на прямое нарушение конституционных основ социалистического государства рабочих и крестьян.

В Западносибирском крае нарушения Сталинского устава сельхозартели имеют немалое распространение, но мы, к сожалению, не всегда во-время замечали эти нарушения и недостаточно боролись с ними.

Особенно недостаточной должна быть признана борьба прокуратуры Западносибирского края с нарушениями устава сельхозартели, которые подрывают общественное социалистическое хозяйство колхозов, ослабляют заинтересованность колхозников в улучшении общего хозяйства колхозов и ведут в некоторых случаях к непомерному разбуханию необобщественного личного хозяйства колхозников.

Материалами конкретных уголовных дел и показаниями арестованных правых и троцкистских реставраторов капитализма установлено, что они пытались осуществить свою контрреволюционную программу роспуска колхозов именно путем нарушения устава сельхозартели, поощрения развития индивидуального хозяйства менее устойчивой части колхозников в ущерб социалистическому хозяйству, срывая мероприятия по организационному и хозяйственному укреплению колхозов и т. п.

Организуемые этими контрреволюционными элементами нарушения Сталинского устава сельхозартели шли по линии самых важных его положений — ст.ст. 2, 5, 6, 8, 11, 13 и других, т. е. по вопросам землепользования, колхозных средств, производства, сочетания личных интересов колхозников с их общественными интересами, организации животноводства, труддисциплины и т. п. и т. д.

В отдельных районах края еще в 1936 г. органы прокуратуры вскрывали факты грубого нарушения закона о национализации земли и ст. 2 колхозного устава. Например, в Туганском районе в колхозе «Большевик» широко практиковалась сдача в аренду сенокосных угодий колхоза. Председатель колхоза Солодин сдавал сенокосные угодья колхоза рабочим и служащим г. Томска за отработку своим трудом во время уборки хлеба в колхозе и за деньги.

В Горно-Шорском районе Калтанский сельсовет в 1936 г. из земель колхоза сдал в аренду несколько десятков га на сумму 5500 руб. Подобаский сельсовет того же района сдал в аренду 870 га земли на несколько тысяч рублей. Такие же факты имели место в Ирменском, Мариинском, Барнаульском и других районах нашего края.

В отдельных местах в результате кулацкой контрреволюционной политики отдельных руководителей власти создавалась обстановка полной безнаказанности нарушений незыблемого закона о национализации земли и ст. 2 Сталинского устава сельхозартели.

Этому немало помогли и некоторые политически неверные указания краевых органов — крайфу и крайзу. Крайфу, например, в 1936 г. издало брошюру о составлении сельских бюджетов, в которой пропагандировалась мысль о допустимости с разрешения

сельских советов сдачи в аренду колхозных земель.

Не меньшую тревогу у работников прокуратуры должны вызывать факты непомерного разбухания за последнее время личного подсобного хозяйства отдельных колхозников, идущего в направлении: а) увеличения свыше норм устава приусадебных участков, б) незаконного засева их зерновыми и техническими культурами (вместо огородных культур), в) производства личных посевов колхозников в полях севооборота колхозов, г) содержания скота в личном пользовании сверх норм, установленных уставом, д) использования колхозных лугов для заготовки кормов для скота, находящегося в личном пользовании колхозников, и для продажи сена на базаре, е) использования колхозниками в своем индивидуальном хозяйстве наемной рабочей силы.

Эти факты нельзя объяснять случайностью. Тут мы должны искать и уже находим грязную руку врагов народа, правых реставраторов капитализма, которым удалось кое что сделать вследствие притупленности в некоторых районах нашего края революционной бдительности со стороны партийных, советских работников и работников прокуратуры.

В Здвинском районе в колхозе «Карл Маркс» отдельные колхозники имели у себя приусадебные участки в размерах свыше норм устава сельхозартели. Например, колхозник Скоробогатов Афанасий имел приусадебный участок 1,5 га, который засевал овощами; Скоробогатов Никита имел приусадебный участок 1,28 га, засевал его коноплей, из которой вырабатывал масло. Как выяснилось, Скоробогатовы Афанасий и Никита занимались спекуляцией продуктами, полученными ими с индивидуальных участков. В Беловском районе колхозники производили посевы технических культур не только на приусадебных участках личного пользования, но засевали и на полях колхозов. Только в одном колхозе имени Ворошилова 23 колхозника сеели на полях колхоза. В Киселевском районе мы установили, что в 77 хозяйствах колхозников, где допускается по уставу иметь только по одной корове, было 162 головы крупного рогатого скота, а отдельные колхозники имели в своем пользовании по 5—6 и даже 7 голов крупного рогатого скота и до 20 старых овец.

В Коченевском районе в колхозе «Кзыл-Ту» 75% колхозников в прямое нарушение устава сельхозартели имели в личном пользовании, кроме коров, свиней и овец, по одной лошади. Как правило, наличие большого количества скота в личном пользовании отдельных колхозников толкало их на использование незаконным способом колхозных угодий.

Это подтверждается хотя бы таким фактом, что в Болотинском районе в горячее время уборки урожая отдельные колхозники уходили с колхозной работы и на колхозных лугах косили сено для своего скота. «Колхозник» Поляков таким образом накопил для себя 8 стогов сена и в период уборки возил это сено продавать на базар. Из-за таких «колхозников», как Поляков, в колхозе «Завет Ильча» план сенокосения был сорван, и обобщественный скот остался без кормов.

Борьба с этими кулацкими тенденциями, подстрекаемыми правыми контрреволюционера-

ми, должна стоять в центре внимания работников прокуратуры, ибо отдельные колхозники, став на путь нарушения устава сельхозартели путем увеличения количества скота сверх нормы и посева технических и зерновых культур в полях колхозного севооборота, перестают быть колхозниками. Они увлекаются своим индивидуальным хозяйством, нарушают труддисциплину и этим самым дезорганизуют работу колхоза.

Вот с такими «колхозниками» прокуратура, по сути дела, никакой борьбы не вела, и в этом наша политическая ошибка.

Нами вскрыты факты найма рабочей силы в индивидуальных хозяйствах колхозников. Например, в Шегарском районе предколхоза «Колхозная деревня» Пололеев Григорий, имея в личном пользовании несколько коров, свиней и другой скот, нанимал себе рабочих для косьбы сена и ухода за скотом. Его примеру следовал и бригадир этого же колхоза Полтусов Андрей. В Томском районе в Колоровском сельсовете в колхозах «1 мая» и «8 марта» для обслуживания личного хозяйства те колхозники, которые имеют много скота, систематически прибегали к найму рабочей силы. В Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области в колхозе «Кзыл-Ойрот» пастух Чалчышев сам не пас колхозный скот, а нанимал пастухов других колхозников и главным образом единоличников. За эту «пастубу» скота Чалчышев получал все, что полагается на трудодни, и из этой суммы по своему усмотрению рассчитывал им нанимаемых лиц.

Эти факты свидетельствуют о том, что нарушения устава сельхозартели по вопросам индивидуального хозяйства колхозников неизбежно ведут к превращению необобществленного хозяйства колхозников из подсобного в основное, а при дальнейшем развитии по тому же пути в единоличное хозяйство, лишь внешне прикрываемое колхозной формой, что подготавливает и чем пользуются при отсутствии нашей бдительности контрреволюционные элементы, пытаются в отдельных районах вбить клин между личными интересами колхозников и общественными интересами колхоза в целом, организуя в этом направлении прямое вредительство и подрыв социалистического колхозного хозяйства. Они саботировали развитие обобществленного животноводства в колхозах, срывали введение правильного севооборота в колхозах, направляли основные средства на нерентабельное и непосильное строительство, всячески поощряли развитие личного хозяйства отдельных колхозников в ущерб обобществленному, не останавливаясь перед прямым уничтожением колхозного хозяйства и расхищением общественной социалистической собственности — основы советского строя.

В Искитимском районе контрреволюционные элементы в некоторых колхозах добивались поголовной распродажи молочно-товарных

ферм. В Ояшинском районе только в одном колхозе «Борец с капиталом» в течение 1936 г. последовательно были ликвидированы свиная и овцеводческая фермы и распродано большое количество рабочего скота.

Наиболее наглядно контрреволюционная политика правых реставраторов капитализма вскрывается на примере Болотнинского и Беловского районов. Бывший председатель Болотнинского райисполкома Добрыгин и окружавшая его шайка врагов народа (ныне арестованных) прямо ориентировали колхозников на раздувание своего индивидуального хозяйства и ослабление общественной труддисциплины в колхозе. Используя свое руководящее положение в советском аппарате, Добрыгин и его банда толкали отдельных колхозников на грубые нарушения устава сельхозартели, разжигали антиколхозные настроения, не облагали единоличников, вышедших и исключенных из колхозов, сельхозналогом и поставками по норме единоличников и т. п.

В свете этих фактов в контрреволюционной подрывной вредительской деятельности правых и троцкистских элементов в колхозах становится ясным недостаточность борьбы за укрепление революционной социалистической законности в деревне со стороны советов, земельных и прокурорских органов.

Политической беспечности, ротозейству со стороны работников прокуратуры в деле борьбы за осуществление Сталинского устава сельхозартели должен быть положен конец. Работники советского аппарата и прокуратуры должны научиться правильно оценивать отдельные факты нарушения устава сельхозартели, научиться видеть, что за этими фактами зачастую стоит злейший враг — правые и троцкистские реставраторы капитализма, — вредительствующий и разжигающий частно-собственнические тенденции у менее устойчивой части колхозников.

Исторические решения последнего пленума ЦК нашей партии, доклад и заключительное слово на нем товарища Сталина, потребовавшие от всех партийных, советских, в том числе и прокурорских работников всемерного повиновения большевистской бдительности на всех участках социалистического строительства, — эти решения обязывают каждого работника прокуратуры перестроить свою работу в деле борьбы за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов. Сталинский устав колхоза — незыблемый закон социалистического государства и крестьян — должен свято соблюдаться всеми в каждом колхозе и всяким нарушениям устава — идут ли они по линии ущемления законных прав и интересов отдельного колхозника или колхоза в целом — должна быть объявлена решительная борьба. И только тогда мы сможем осуществить лозунг нашей партии и вождя товарища Сталина — сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Вместо фельетона

Федор Иванов, которому двадцать лет, которого раньше, вообще говоря, ни в чем предосудительном не замечали, напился пьяным. Напился и повел себя беспокойно.

Возле пожарного сарая стояла бочка с водой. Федору Иванову бочка не понравилась. Не такая, видимо, была эта бочка, чтобы могла она в этот смутный момент уговорить его требовательную душу. Он подошел к сараю и перевернул бочку с водой.

Когда бочка с водой оказалась перевернутой, он посмотрел на нее в некотором раздумьи. И затем вышиб в бочке дно.

Рядом на стене висел свернувшись серой змеей с длинным медным клювом пожарный рукав. Иванов снял со стены пожарный рукав, повертел его раздумчиво в руках, а затем стал хлопотливо распускать его по земле на всю его многометровую длину. В какой-то мере это его больше устраивало, чем рукав в надлежаще свернутом виде...

Отойдя от сарая, Иванов отвернулся. Подумал о чем-то. А затем поднял камень с земли и бросил камень в сарай.

Хмурый и пьяный Иванов поплелся дальше. Поровнявшись с домом тр. Власовой, он остановился и тоскливыми глазами стал осматривать его. И, движимый совершенно непостижимым внутренним побуждением, стал взбираться на крышу.

Очутившись на крыше, он вдруг обнаружил какую-то дыру, через которую оказалось возможным спуститься в квартиру гр. Власовой. Тяжелым, мяклым увальнем свалился Иванов в квартиру гражданки Власовой и своим внезапным появлением изрядно перепугал гражданку Власову и всех ее ребятишек...

Пусть специалисты-психологи разбираются в законах поведения человека, пребывающего во власти зловредного напитка. Пусть составляют они свои занимательные кривые фантастических выкрутасов, которые выкидывают граждане в подобном состоянии. Для нас, юристов, поведение Федора Иванова имеет совершенно точную и бесспорную квалификацию. Она обозначается краткой и выразительной формулой: «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия». Она обозначается даже еще более коротким словом «хулиганство» и занесена под определенным номером в Уголовный кодекс. Семьдесят четвертая статья.

16 ноября 1936 г. Федор Иванов предстал перед народным судом Гаврилово-Посадского района Ивановской области. Было совершенно ясно, что Иванов действительно совершил скверный хулиганский поступок. Было ясно, что Иванов должен быть за это наказан.

Но вот вопрос — как наказать Иванова?

Мы не знаем, долго ли думал над этим народный судья Сидоров, прежде чем подписать приговор по делу Иванова, мы не знаем, долго ли он думал над своим приговором вообще. Но только нам известно, что подписал он следующее:

«За непочтительное обращение с вышеназванной бочкой, за выбитое дно, за неслышанный беспорядок с пожарным рукавом, за

камень, брошенный в сарай, за крышу, за то, что напугал гражданку Власову и ее ребятишек, осудить двадцатилетнего Федора Иванова, ранее никогда не судившегося и ни в чем предосудительном не замеченного... к двум годам лишения свободы по второй части статьи 74 УК».

Два года! Двадцать четыре месяца лишения свободы!..

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!..

Хорошо было уважаемому автору эти темпераментные слова вкладывать в уста своего героя, широким взмахом своей руки убирающего урожай на благо общества. Но воистину ужасно, когда с тем же самым воинственным кличем — «раззудись, плечо!» — выходит на работу судья, советский судья, перед которым не какая-нибудь там поэтическая «трава некошенная», а самые настоящие, живые люди...

Но не для того ли существует в городе Иваново кассационная коллегия областного суда, чтобы призывать к порядку добрых молодцов типа гаврилово-посадского народного судьи? Не для того ли в областном суде заседает т. Колпаков, чтобы отрезвлять забубенные головешки, ежели такие еще водятся среди народных судей?

Нет, оказывается не для того. «Раззудись плечо» — этот темпераментный лозунг в почете и здесь. Не обременяя себя излишним трудом размышлений, широко размахнувшись рукой, т. Колпаков подписывает определение... без последствий... оставить в силе.

Об этом деле стало известно в Прокуратуре Союза. Но не только о нем. В порядке надзора старшим помощником Прокурора Союза ССР т. Сольцем были истребованы из нескольких судов различных районов Ивановской области дела о хулиганстве. И оказалось, что в целом ряде случаев эти дела решены грубо, ошибочно. Указание правительства, требование закона о том, чтобы повести решительную борьбу с хулиганством, кое-кем понято так, что судье позволительно подходить к обвиняемому по методу колымовского косаря. Не различая, кто перед ними стоит, не вникая в особенности каждого случая, не отличая никаких степеней вины и ответственности, некоторые судьи стали причислять все дела под одну гребенку и живое, бдительное, проникновенное судейское чутье подменили вреднейшим стандартом. Если речь идет о хулиганстве, то с точки зрения ивановских судей это обязательно часть второй статьи 74. Если налицо эта вторая часть, так обязательно в сопровождении самого что ни на есть предельного наказания.

«Коль ругнуть — так сгоряча, коль рубнуть — так уже с плеча», говорится еще у одного старинного поэта. Но у него не плохо еще сказано и другое: «Коль карать, так уж за дело». А у ивановских судей получалось так, что и за дело и за самые различные дела — всюду одинаково действует принцип «рубнуть с плеча».

Тов. Солыц лично изучил дела ивановских судей. И обратился в президиум Ивановского областного суда с протестом по пяти делам.

Смысл его протестов был прост и убедителен. Образуйте горячие головы, сидящие в ряде народных судов вашей области. Пересмотрите их приговоры. Исправьте их ошибки. Посмотрите дело Иванова. Бочка, пожарный рукав, перепугавшиеся ребятишки... Все это верно. За это надо наказать. Но ведь человек никогда в жизни до этого ничего подобного не делал. Но ведь пока что и эта бочка, и этот рукав, и все прочее в жизненной линии этого двадцатилетнего парня, его жизненном поведении сугубо случайны. В каком же законе сказано, что можно в первый же раз расценивать такого рода поступок как самую тяжелую, самую квалифицированную форму хулиганства? Где же здесь «буйство», «бесчинство», «исключительный цинизм», о которых говорит часть вторая статьи 74? Как можно при таких условиях с места в карьер лишать гражданина свободы?

Посмотрите дело Николая Александрова, который осужден Александровским народным судом к пяти годам лишения свободы. Да, этот человек несомненно заслуживает достаточно серьезного наказания. Будучи пьяным, он нанес побои своему соседу по квартире — пенсионеру Солдатову. Он грубо оскорбил работниц-стахановок Штатнову и Купцову, толкнув их при этом ногой. Он должен быть серьезно наказан и, может быть, даже лишен свободы. Но при определении наказания почему все-таки не учли, что хулиганский поступок, в котором повинен Александров, произошел при совершенно случайных обстоятельствах, при внезапном столкновении в коридоре квартиры, что в действиях Александрова ничего предумышленного не было? Или для суда не обязательно считаться с такого рода обстоятельствами, рисуящими существо совершенного преступления и личность подсудимого?..

Посмотрите дело Беляева, дело Тростина, дело Серова, осужденных народными судами трех других районов. Ведь нет в этих приговорах острого проникновения в жизненный смысл событий, нет той оправданной и убедительной суровости, которую только и может

допустить советский судья...

Что сделал с этими делами президиум Ивановского областного суда? Нашлось ли здесь непобедимое уважение к социалистическому закону и к личности человека, чтобы передать его на периферию для отрезвления не в меру горячих голов?

Нет, не нашлось и здесь. Президиум областного суда счел возможным стать на путь ложно, вредно понятого поддержания «престижа ведомства» и все приговоры утвердил, все протесты отклонил — все пять, один за другим, с нарочитой подчеркнутостью, с демонстративной последовательностью.

Мотивы? Мотивы так же убедительны, как убедительны самые приговоры. Дело Иванова, например. Обвиняемый бочку опрокинул? Прокинул. Дно вышиб? Вышиб. Рукав распустил? Распустил. Камень в сарай швырнул? Швырнул. Проник через крышу в квартиру гр. Власовой? Проник. В чем же дело? Об чем спор? Правильно, т. Сидоров из Гаврилово-Посада и все прочие, ему подобные. Правильно. Два года. Вторая часть. Не стесняйтесь. Действуйте в том же духе...

Нет, не выйдет все-таки, уважаемые товарищи из Ивановского облсуда. Не выйдет. Система советского суда обладает достаточными средствами, чтобы устранить всяческие попытки, в каком бы звене они ни проявлялись, принципиальность и высокую идейность социалистического правосудия подменять сомнительными упражнениями в отстаивании «чести мундира».

Система советского правосудия достаточно сильна и для того, чтобы призвать к порядку бездушных чиновников, не желающих и не умеющих ни слушать добрых советов, ни исправлять своих ошибок.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Постановления президиума областного суда Ивановской области по всем делам, упомянутым в этой статье, опротестованы Прокуратурой Союза ССР перед Верховным судом РСФСР. По четырем делам из пяти протесты Прокуратуры Союза ССР уже рассмотрены и удовлетворены. Пятое дело будет рассмотрено в ближайшее время.

Обмен опытом

Против путаницы и ведомственности

Перед нами исправленная стенограмма доклада т. Крыленко Н. В. на 56 пленуме Верховного суда СССР 16 декабря 1936 г., опубликованная в «Советской юстиции» № 5 за 1937 г.

В разделе V этого доклада автор выставил несколько положений, которые вносят путаницу:

1. «... Верховные суды республики и Верховный суд СССР являются по Конституции

органами судебного надзора и в этом заключаются их функции...» Так определяет функции верховных судов республик и Верховного суда СССР т. Крыленко. Верно ли такое определение? Мы думаем, что нет. И вот почему. В ст. 102 Конституции Союза ССР мы читаем: «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, верховными судами союзных республик...» Правосудие — это не только судебный надзор. Разве верховные суды республик и Верховный суд Союза ССР не действуют как суды первой инстанции, как суды кассационные? По ст. 104 Конституции СССР «Верховный суд

СССР является высшим судебным органом. На Верховный суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик». Совершенно непонятно, почему при наличии таких предельно ясных постановлений Конституции СССР т. Крыленко дает определение, противоречащее этим четким и ясным постановлениям.

2. На поставленный товарищем Крыленко вопрос: «Как должна быть построена работа Верховного суда? — Он же отвечает, между прочим: «... Верховный суд СССР должен исправлять решения и приговоры судов в порядке надзора по протесту прокуратуры, по жалобам осужденных, по тем или другим сигналам. В этом должен быть основной метод его работы, больше того, — вся его работа» (разрядка моя. — С. В.). Категоричнее трудно выразиться. Дело-то, однако, в том, что эта категоричность обратно пропорциональна правильности выдвинутого положения. Достаточно познакомиться с уже приведенными статьями Конституции СССР и с действующим Положением о Верховном суде Союза ССР, чтобы в этом убедиться.

3. Ни у кого никогда не могло возникнуть сомнения в том, что «на Верховный суд Союза ССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» (подчеркнуто мною. — С. В.). Никому и в голову не может прийти мысль о том, что для выполнения этой обязанности Верховным судом СССР требуется еще чье-то согласие или разрешение. А между тем, т. Крыленко держится, повидимому, другой точки зрения. Определив, что вся работа Верховного суда СССР заключается в исправлении решений и приговоров в порядке надзора (подчеркнуто мной. — С. В.) по инициативе извне, «по протесту прокуратуры, по жалобам осужденных, по тем или другим сигналам», т. Крыленко заявляет: «НКЮ согласен, однако, с большим. В целях предоставления надзора прав Верховному суду в полном объеме (разрядка моя. — С. В.) НКЮ согласен с тем, что Верховный суд СССР и верховные суды союзных республик имеют право требовать от судов для проверки целые группы дел по отдельным категориям преступлений и исправлять неправильно разрешенные дела в порядке надзора».

Великодушен т. Крыленко бесспорно. Нужно ли его великодушие? Нет. Обязанности по надзору за судебной деятельностью судебных органов предполагают и планомерный, систематический просмотр дел определенных категорий по инициативе Верховного суда, а не только по протестам прокуратуры, жалобам осужденных и... сигналам. Никаких ограничений объема надзора Конституцией СССР ст. 104 не установлено, и поэтому является излишним и ненужным согласие НКЮ на предоставление надзорных прав Верховному суду в полном объеме... Нельзя в этой связи не сказать, что согласно положению НКЮ СССР, на который «возлагаются организация и руководство деятельностью судебных учреждений», не предоставлено права ограничивать или расширять объем обязанности по надзо-

ру за судебной деятельностью всех судебных органов — обязанности, возложенной на Верховный суд СССР ст. 104 Конституции СССР.

Верховный суд СССР обязан осуществлять надзор в полном объеме! Опять-таки непонятно, почему НКЮ считает себя вправе давать на это свое согласие. Разве законом НКЮ Союза предоставлено право устанавливать пределы обязанностей Верховного суда Союза ССР по надзору?

4. «Верховный суд Союза должен, — говорит т. Крыленко, — исправлять неправильно решенные дела». Это бесспорно, но дальше неверно: «дела же, — продолжает т. Крыленко, — затрагивающие спорные вопросы уголовного права, гражданского права, уголовного и гражданского процесса, он должен рассматривать на пленуме Верховного суда Союза ССР и выносить по этим делам мотивированные развернутые судебные решения. Эти решения должны быть приравняемы по своему значению к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик». Как говорят англичане, факты — вещь упрямая. И факты говорят, что вопреки ст. 32 Конституции СССР, в силу которой «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», вопреки п. «б» ст. 49 той же Конституции, по которой «Президиум Верховного Совета СССР... дает толкование действующих законов СССР, издает указы», и, наконец, вопреки замечанию товарища Сталина, по поводу предложения предоставить президиуму Верховного совета право издавать временные законодательные акты, замечанию, в котором товарищ Сталин сказал: «Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом. Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР»¹.

Вопреки этим ясным постановлениям и замечанию т. Крыленко поучает, что «эти решения (развернутые и мотивированные. — С. В.) должны быть приравняемы к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик». Для судов обязателен закон, так и сказано в ст. 112 Конституции: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Только закону!

А в ст. 130 Конституции сказано: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы...». Как говорится, комментарии излишни...

5. «Если, — говорит т. Крыленко, — Верховный суд СССР на основании конкретного дела сочтет необходимым дать такое руководящее указание судебной периферии (термин-то каков!), то никто ему в этом мешать не будет. Мы, однако, против того, чтобы он давал такие указания вне связи с конкретным делом, а в порядке руководства периферией. Этого права закон ему не предоставляет.

Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, стр. 39.

Тов. Крыленко на твердой почве закона. Когда-то он признавал, что «*Dura lex — sed lex!*».

Позвоительно спросить: А где в законе сказано, что вся работа Верховного суда СССР в исправлении решений и приговоров? Где в законе сказано, что для выполнения обязанности по надзору Верховным судом требуется согласие НКЮ? Где можно найти указание в законе на то, что «Эти решения (мотивированные и развернутые. — С. В.) должны быть приравнены по своему значению к закону и иметь, безусловно, обязательный характер для всех судов Союза и союзных республик?» Можно еще спросить: Где сказано, что НКЮ может делать Верховному суду предложения о просмотре дел в порядке надзора? Но, довольно..

В новизне т. Крыленко нам старина слышится. Еще в июне 1936 г. (см. «Известия» от 12 июня 1936 г.) в статье «О суде и праве в эпоху социализма» т. Крыленко писал: «Центральный орган, ведающий всей системой судебного управления в области подбора и подготовки кадров и руководства судебной политикой, в связи с этим должен быть реорганизован как союзный центр. Наркомат юстиции должен быть ограничен лишь в одном. Непосредственно отменять судебные решения он не должен иметь права, — это дело исключительно судебных органов. Но за наркоматом должно быть оставлено право делать соответственные предложения соответственным судам...». По какому поводу? Какие? В связи с чем?

Функции руководства судебной системой, надзора за судебной деятельностью судебных органов и высшего надзора за законностью точно и строго определены. Верховный суд Союза ССР, верховные суды союзных республик, НКЮ СССР и НКЮ союзных республик обладают достаточным объемом прав и обязанностей, чтобы жить действительно полноправной жизнью и выполнять свои ответственные обязанности перед партией и правительством. Для этого не нужны «новеллы», которые предлагает т. Крыленко.

С. Войсман.

Научно-исследовательские учреждения и авторские права научных сотрудников¹

Широкое культурное строительство, ведущееся в СССР, привело к созданию большого числа научно-исследовательских институтов и других учреждений, разрабатывающих силами своих сотрудников научные проблемы в разных отраслях знания. Не подлежит никакому сомнению, что в период третьей пятилетки предстоит дальнейший рост и развитие этих организаций. Необходимо поэтому принять меры к тому, чтобы их деятельность протекала в условиях, во всех отношениях способствующих успешности работы. Среди прочих условий работы немалое значение имеет правовая сторона их деятельности. В частности, необходимо четко урегулировать взаимоотношения научно-исследовательских учреждений с их научными сотрудниками в

плоскости авторского права на создаваемые последними научные произведения. Между тем, действующие узаконения специально этого вопроса не касаются и, как показал опыт целого ряда лет, на этой почве часто возникают нежелательные осложнения и недоразумения.

Рукопись всякого нового научного труда порождает новый объект авторского права, т. е. культурную и имущественную ценность, охраняемую законом. Согласно ст. 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. об основах авторского права «Авторское право распространяется на всякое произведение литературы, науки и искусства, каковы бы ни были способ и форма его воспроизведения, а равно его достоинство и значение, как-то: устные произведения (речи, лекции, доклады и т. п.), письменные произведения (книги, статьи, сборники и др.)». Под защиту закона, наравне с произведениями, уже напечатанными, попадают и рукописи, о чем с исчерпывающей точностью говорит ст. 1 того же постановления. («Авторское право на произведение, как появившееся в свет на территории СССР, так и находящееся на территории СССР в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме, признается за автором и его правопреемниками независимо от их гражданства».)

Но работа, исполняемая в научно-исследовательских учреждениях их штатными или внештатными работниками, как общее правило, к моменту появления в свет рукописей, оказывается уже оплаченной в порядке трудового найма (зарплата сотрудников).

Таким образом урегулированию в законодательном порядке подлежит в первую очередь вопрос о дополнительном вознаграждении сотрудника в случае, если созданное им произведение научно-исследовательское учреждение опубликовывает в печати.

Во-вторых, учитывая специфические условия работы научно-исследовательских учреждений, следует предоставить им более льготные по сравнению с издательствами сроки выпуска в свет работ, исполненных научными работниками, и сроки, установленные для принятия к печати (одобрение рукописи).

Поставленные выше вопросы было бы правильно разрешить в таком смысле.

1. Авторское право на произведение, созданное научным сотрудником научно-исследовательского учреждения хотя бы в рабочее время, принадлежит этому сотруднику.

2. Научно-исследовательское учреждение имеет право использовать работу своего сотрудника без особого вознаграждения лишь для непосредственных надобностей учреждения, как-то: предоставление рукописи для ознакомления другим сотрудникам, работающим в той же области, напечатание работы в небольшом (примерно до 1000 экз.) тираже периодическим или отдельным изданием.

3. При превышении указанного предела экземпляры, выпущенные сверх этого тиража, оплачиваются по пониженной сравнительно со средними существующими ставками авторского гонорара расценке (примерно 30%).

Для проведения в жизнь указанных выше мероприятий было бы достаточно внести в действующие общесоюзные и республиканские

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

(РСФСР) узаконения нижеследующие дополнения.

1. Дополнить постановление ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. (Собрание законов, 1928, № 27, ст. 246) статьей 6¹, изложив ее, примерно, в нижеследующей редакции: «Сотруднику научно-исследовательского учреждения, разработавшему по заданию последнего определенную тему и придавшему своей работе научно-литературное оформление, принадлежит авторское право на это произведение, независимо от наличия между сотрудником и научно-исследовательским учреждением отношений, регулируемых трудовым законодательством».

2. Дополнить пункт «р» ст. 9 указанного выше постановления, изложив этот пункт в нижеследующей редакции: «Не считается нарушением авторского права снятие копий научно-исследовательскими учреждениями с произведений, исполненных по заданию этих учреждений их сотрудниками, в количестве, потребном для оперативной работы учреждения, а также использование указанных произведений для опубликования их в периодическом печатном органе при тираже не свыше 1000 экз. или отдельным изданием в пределах того же тиража».

3. Дополнить ст. 22 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. об авторском праве (Собрание узаконений, 1928, № 132, ст. 861) пунктом «г», изложив его в такой редакции: «для работ, выпускаемых научно-исследовательскими учреждениями, 1 год при объеме до 5 листов и 2 года при объеме, превышающем 5 листов».

4. Дополнить в § 7 примечание 1 типового издательского договора вторым абзацем, изложив его в такой редакции: «В отношении работ, исполненных по заказу научно-исследовательских учреждений, вопрос о принятии их к печати разрешается не позднее одного года со дня представления рукописи в окончательном виде».

5. Дополнить ст. 1 постановления СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. (Собрание узаконений, 1928, № 140, ст. 922) с последующими ее изменениями пунктом «ж», изложив этот пункт в такой редакции: «Научные произведения, публикуемые научно-исследовательскими учреждениями непосредственно или по договору с издательствами, в случае, если произведения эти уже оплачены в порядке трудового договора с автором и печатаются в количестве, превышающем 1000 экз. (независимо от того, печатаются ли они в периодическом органе или выпускаются отдельным изданием), оплачиваются из расчета 30% среднего гонорара, существующего для данного рода научных произведений, причем оплате подлежит лишь количество, превышающее указанный тираж в 1000 экземпляров».

А. Винавер.

Ревизионный порядок

В № 11 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. А. Я. Вышинский писал о том, что «в нашей среде редко вспыхивают споры по какому-либо юридическому вопросу, что необходимо широкое обсуждение спорных и актуальных вопросов права и про-

цесса. Одним из таких вопросов, имеющих большое теоретическое и практическое значение для нашего уголовного процесса, является вопрос о ревизионном порядке (ст.ст. 411—412 УПК)».

Характерным для буржуазных законодательств является французский тип так называемой «чистой» кассации, воспринятый и русским дореволюционным процессом. Он отличается исключительным формализмом. Стороны и кассационный суд связаны рамками кассационной жалобы (протеста). Кассационные поводы должны быть исчерпаны в кассационной жалобе (протесте), поданной до истечения кассационного срока. Подача после этого дополнительных кассационных жалоб указанием в заседании кассационного суда на новые поводы, отсутствующие в жалобе (протесте), не допускается. Кассационная жалоба (протест) — это жесткая рамка для сторон и для суда, определяющая пределы кассационного разбирательства.

Советский кассационный процесс чужд этого формализма. Стороны не связаны пределами поданных ими жалоб (протестов). Они могут подавать дополнительные жалобы (примечание к ст. 410 УПК). Они могут и в заседании суда выдвигать новые поводы.

Не связан пределами поданных кассационных жалоб (и протестов) и наш кассационный суд. Этим и определяется содержание ревизии, предусматриваемой ст.ст. 411 и 412 УПК.

Ревизионный порядок означает: 1) что кассационный суд в отношении подсудимых, подавших жалобы (или по адресу которых подан протест), не связан поводами, указанными кассаторами, но вправе и обязан учесть и такие кассационные нарушения, которые сторонами не указаны вовсе; 2) что кассационный суд может рассматривать дело даже в отношении подсудимых, не подавших кассационных жалоб и по адресу которых не подано кассационного протеста.

Надо признать, что на протяжении ряда лет, особенно последних лет, право ревизии в наших кассационных судах получило на практике исключительно широкий, ничем не ограниченный характер.

Со ссылкой на ст. 412 УПК кассационные инстанции, при отсутствии протеста прокурора, отменяли приговоры по мягкости, отменяли их в отношении оправданных подсудимых и т. д.

Первое серьезное ограничение ревизии последовало в 1936 г. Оно основано на ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», в силу которой после отмены приговора кассационной инстанцией, при новом рассмотрении, повышение наказания, назначенного первым приговором, допускается лишь в том случае, если приговор был опротестован прокуратурой. Из этого принципа, естественно, вытекает положение, что при отсутствии прокурорского протеста кассационная коллегия не вправе отменить приговор по мягкости. Принцип этот был подтвержден постановлениями 20 и 24 пленумов Верховного суда СССР (от 8 мая 1928 г. и 3 июня 1929 г.), напечатанными в сборнике постановлений Верховного суда СССР 1932 г. (пп. 12 и 12-а). Но только в постановлении президиума Верховного суда

РСФСР от 25—27 февраля 1936 г. («Советская юстиция» 1936, № 15, стр. 22) выводы из ст. 26 «Основ» были сделаны четко и категорически, и с этого момента отмена приговора кассационной коллегией по мягкости, при отсутствии прокурорского протеста, уже не допускается.

Правда, постановление от 25—27 февраля 1936 г. предлагает кассационным коллегиям в исключительных случаях, при наличии политически неправильного приговора, направлять дело председателю суда для опротестования в порядке надзора. Правда, на практике это право используется кассационными коллегиями, например Ленинградского областного суда, очень широко, далеко не в одних лишь исключительных случаях политически ошибочных приговоров.

Необходимо отметить, что кассационные коллегии иногда понимают постановление президиума Верховного суда от 25—27 февраля 1936 г. весьма ограничительно, полагая, что нельзя (без протеста прокурора) отменять «по мягкости» (ст. 417 УПК), но можно отменять, например, по неправильной квалификации. И вот, например, кассационная коллегия Ленинградского областного суда по кассационной жалобе кассира, осужденного по ст. 111 УК за недоставку и просящего о смягчении приговора, отменяет приговор и передает дело на новое рассмотрение по ст. 116 УК.

Такая практика также нарушает ст. 26 «Основ», ибо она в форме перекалфикации ведет к усилению репрессии. Постановление президиума Верховного суда от 25—27 февраля 1936 г. прямо говорит об отмене приговора «вследствие неправильной квалификации преступления и назначения меры наказания, явно не соответствующей по своей мягкости серьезной социальной опасности преступления».

По смыслу этого постановления и на основании ст. 26 «Основ» без протеста прокурора недопустимы по какому бы то ни было мотиву отмена или изменение приговора, связанные с усилением тяжести наказания.

Второе ограничение ревизии касается рассмотрения кассационной коллегией дел в отношении подсудимых, не принесших кассационной жалобы и по адресу которых не последовало протеста. Кассационная практика чрезвычайно широко пользуется этим правом до самого последнего времени. О том, что такая практика противоречит закону, напомнила «Социалистическая законность», опубликовав в № 10 за 1936 г. (стр. 65) протест Прокуратуры СССР по делу Осипова. По этому делу нарсуд Осипова оправдал, а других подсудимых осудил. По кассационной жалобе осужденных Московский городской суд отменил за недоследованностью весь приговор, в том числе и в отношении оправданного Осипова. При вторичном рассмотрении народный суд приговорил Осипова к 6 месяцам условно. Кассационная коллегия и президиум Московского городского суда оставили жалобу Осипова без последствий.

Опротестовывая определение кассационной коллегии в отношении Осипова, Прокуратура СССР напомнила крепко забытый прак-

тикой текст ст.ст. 411—412 УПК. В самом деле, ст. 411 УПК разрешает кассационному суду рассматривать дело лишь в отношении тех подсудимых, которые подали кассационные жалобы или по адресу которых подан кассационный протест, добавляя, что «изъятия из этого правила допускаются лишь в случаях, предусмотренных ст. 422».

Ст. 412 вновь напоминает кассационной инстанции о соблюдении ст. 422.

В ряде последних изданий УПК, исходящих от НКЮ (издания 1933 г., 1934 г., 1935 г.), в тексте ст. 422 УПК допущены две грубые опечатки, искажающие смысл закона: 1) ошибочно делается ссылка на ст.ст. 417 и 418 УПК вместо ст. 317 и 418; 2) фраза: «Суд отменяет приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых» искажена тем, что между словами «осужденных» и «подсудимых» вставлено слово «и», которого в тексте не должно быть. В издании УПК 1936 г. исправлена вторая ошибка, но осталась первая (ссылка на ст. 417).

Правильный текст ст. 422 УПК гласит:

«В случае отмены приговора ввиду нарушений, указанных в п. 1 ст. 415, а также при отмене приговора по основаниям, указанным в ст.ст. 317 и 418, когда основание относится ко всем осужденным, «Краевой (областной) суд отменяет приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых, в том числе и тех, в отношении которых приговор не был обжалован или опротестован».

Таков текст этой ст. 422 УПК, опубликованный в Собрании узаконений № 20—21 за 1922 г. (где она значится под номером 368), в Собрании узаконений № 78 за 1923 г., в официальном издании УПК 1930 г.

Итак, отмена приговора в порядке ревизии (ст. 411) в отношении подсудимых, не подавших кассационных жалоб и по адресу которых нет кассационного протеста, допускается только в трех случаях:

- 1) неправильный состав суда (п. 1 ст. 415),
- 2) нарушение тайны совещательной комнаты (ст. 317),
- 3) отсутствие состава преступления и неправомерное прекращение дела по признакам ст. 4 УПК (ст. 418).

Но и в этих трех случаях допускается отмена приговора лишь в отношении осужденных подсудимых. В отношении оправданных даже в этих случаях отмена недопустима. Это вытекает из категорического текста ст. 422, дважды повторяющего: «Когда основание относится ко всем осужденным» и «в отношении всех осужденных подсудимых». Искажение текста ст. 422 вставкой слова «и» давало возможность понимать ее в том смысле, что она относится не только к «осужденным», но и к «подсудимым» (т. е. оправданным).

Итак, в отношении подсудимых, о которых ни кассационной жалобы, ни протеста, недопустима отмена в ревизионном порядке оправдательного приговора. Невозможна и отмена обвинительного приговора вне трех случаев, жестко перечисленных в ст. 422. Во всех остальных случаях возможно лишь доведение до сведения председателя суда с правом последнего принести протест в порядке надзора. К сожалению, на практике это пра-

вило ст. 422 еще далеко не всегда соблюдается, и до сих пор ст.ст. 411—412 УПК порою понимаются в кассационной инстанции как право неограниченной ревизии. С этой тенденцией необходимо бороться. Этого требуют интересы процессуальной законности, известной стабильности приговора, а также интересы личности подсудимого.

Оправданный подсудимый или осужденный, но удовлетворившийся приговором, имеет право на известное спокойствие. Он не должен бояться того, что в кассационной коллегии по жалобам других подсудимых в его отсутствие, не выслушав его и его защиты, вдруг его дело решат опять в худшую для него сторону. Это возможно лишь по кассационному протесту прокурора или в порядке надзора, но и последний должен быть организован так, чтобы и при нем подсудимый мог защищаться согласно ст. 111 Конституции.

М. Равич.

Борьба с нарушениями закона от 27 июня—один из важнейших участков прокурорской работы

Опубликованное после всенародного обсуждения постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, являясь новым проявлением неустанной заботы партии и правительства об интересах женщин и детей, имеет громадное значение в деле укрепления советской семьи.

Надзор за неуклонным исполнением закона от 27 июня, борьба со всеми его нарушителями—один из важнейших участков прокурорской работы.

За годичный почти период, истекший после издания закона, прокуратурой проделана значительная работа. По инициативе прокуроров имело место возбуждение уголовного преследования против нарушителей закона, опротестование неправильных решений и приговоров народных судов по делам, связанным с законом от 27 июня. Можно было бы привести примеры, когда в результате чуткого и внимательного отношения прокуроров к жалобам, в результате своевременного и энергичного прокурорского вмешательства удавалось разубить не один гордый узел волокиты и бюрократизма.

Однако далеко не все и всюду благополучно на данном участке прокурорской работы.

Мы имеем указания, например, на явно неудовлетворительное положение с темпами и с качеством предварительного расследования по многим делам о незаконных абортках. За время с июля 1936 г. по февраль 1937 г. через народные суды г. Москвы прошло значительное количество дел о незаконных абортках, из которых 81,9% были расследованы в сроки: до 20 дней, до одного месяца и свыше.

В большинстве районов следователи стоят в стороне от расследования этих дел. Расследование почти исключительно производится работниками милиции, несмотря на то что дела эти довольно сложны и требуют квалифицированного расследования.

Нередки и безграмотные и небрежные постановления по ряду дел.

Вот пример такого постановления:

«Рассмотрев телефонограмму за № 4643 из института им. Склифасовского—перевозка больных. В указанный институт была доставлена гр-ка И., 23 лет, в подозрении на новорожденного. В своей комнате вводила стекулярную трубку и выпила иода с хинным мылом».

Или другое в таком же «стиле» составленное постановление о привлечении в качестве обвиняемого:

«Рассмотрев дело о самоаборте гр. И. ... в том, что, находясь в доме отдыха с 12 июня 1936 г., познакомилась с отдыхающим там гражданином, от которого взяла в положение. В то время, как муж находился в рядах Красной армии, боясь скорого приезда мужа, сделала самоаборт в тот момент, когда ребенку было 7 недель».

Это — не вымышленное, а, к сожалению, подлинные документы из расследовательской практики по этим делам 28 отделения милиции г. Москвы.

Одной из важнейших задач расследования по делам о незаконных абортках является разоблачение и привлечение к законной ответственности лиц, которые тем или иным способом принуждали женщин к производству аборта и которые, пожалуй, относятся к числу наиболее опасных нарушителей закона от 27 июня. Закон не случайно установил для этих лиц строгое наказание в виде лишения свободы до двух лет—наказание, более суровое, нежели в отношении беременных женщин, прибегших к аборту. Между тем, судя по имеющимся материалам, при расследовании задача борьбы с этой категорией нарушителей закона от 27 июня фактически из поля зрения во многих случаях буквально выпадает. Полнейшее отсутствие во многих районах осужденных за понуждение женщин к аборту является показателем и результатом не того, что таких преступлений не имеется, а того, что раскрытию их не было уделено должного внимания органами предварительного расследования.

Приведенные факты показывают, что руководство предварительным расследованием о незаконных абортках со стороны прокуроров в процессе самого расследования или хотя бы контроль за качеством расследования при утверждении обвинительных заключений в ряде случаев явно неудовлетворительны. В этих условиях особенно важно было бы систематическое участие прокуроров в подготовительных заседаниях судов по этим делам для того, чтобы хотя в этой стадии процесса осуществить надзор за правильностью предания суду, за полнотой произведенного расследования.

Между тем, во многих районах (в том числе и в Москве) большая часть этих дел в подготовительных заседаниях рассматривается без участия прокуроров.

Недостаточен и надзор многих прокуроров за правильностью судебных приговоров. Наряду с упомянутой выше инициативой отдельных прокуро-

ров по опротестованию неправильных приговоров в некоторых местах прокурорами не принесен ни один протест, несмотря на большое число неправильных, противоречащих закону приговоров. В частности, мимо внимания прокуроров зачастую остаются такие явно нарушающие закон от 27 июня приговоры народных судов, которыми женщины, прибегшие к аборт, приговаривались к исправительно-трудовым работам, в то время как закон предусматривает наказание в виде общественного порицания или штрафа. Равным образом вне поля внимания прокуроров остались и такие приговоры и определения кассационных коллегий, которые без всяких оснований смягчали наказание ниже низшего указанного законом предела в отношении лиц, изблеченных в производстве незаконных абортов.

Возьмем другую категорию уголовных дел по закону от 27 июня.

Закон от 27 июня, как известно, установил более суровое наказание за уклонение от платежа присужденных алиментов и тем самым подчеркнул необходимость усиления борьбы с этими преступлениями. Между тем, во многих районах полностью отсутствуют дела о злостных неплательщиках алиментов не потому, что в этих районах так уже благополучно с платежом алиментов, а потому, что фактически борьба с этими преступлениями не ведется. Мимо внимания прокуроров зачастую проходят явно либеральные приговоры народных судов, смазывающие борьбу со злостными неплательщиками алиментов. А наряду с этим прокуроры зачастую совершенно не реагируют на такие факты, когда народные суды при применении лишения свободы в отношении уклоняющихся от платежа алиментов совершенно игнорируют необходимость озаботиться судьбой малолетних детей осужденных, не ставят вопроса о принятии мер к назначению опеки над ними или к помещению их в детские учреждения в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 мая 1935 г.

У части как судебных, так и прокурорских работников существует неправильное представление о так называемых гражданских алиментных делах, как делах, якобы абсолютно никакой сложности собой не представляющих. Это неправильное и вредное представление, вредное тем, что оно демобилизует и бдительность суда и активность прокурорского надзора по этим делам. Этим отчасти объясняется то, что многие прокуроры не принимают никакого участия в судах первой инстанции по алиментным делам.

В Казахской ССР из изученных Верховным судом РСФСР 112 дел ни по одному делу не выступал прокурор. Конечно, не может быть и речи о «сплошном» участии прокуроров по алиментным делам в судах первой инстанции. Это и невозможно и не нужно. Но полное отсутствие прокуроров в судах первой инстанции по алиментным делам также ни в каком случае нельзя признать терпимым. Нельзя забывать, что среди алиментных дел есть такие, как, например, споры об отцовстве, которые представляют собой исключительно большую сложность и по которым во многих случаях участие прокурора необходимо. Прокуратура Союза дала указания

относительно обязательности участия прокуроров в судах первой инстанции и по таким категориям дел, как об истребовании детей одним из родителей. Правильное разрешение этого рода дел, имеющее исключительно большое значение для судьбы детей, требует всестороннего и тщательного учета всех материалов и конкретных обстоятельств отдельных дел. Однако указание Прокуратуры Союза, судя по данным судов, во многих районах прокурорами до сих пор не выполняется, и целый ряд дел по искам об истребовании детей рассматривается судами без участия прокуроров.

В Западной Сибири в III квартале 1936 г. 21% алиментных дел был рассмотрен в судах в сроки свыше месяца. За период с 15 июля до 1 ноября 1936 г. по данным кассационной коллегии, до 40% решений по этим делам составляли «брак». Между тем, роль прокуроров в опротестовании всей этой внушительной массы неправильных решений судов почти незаметна. Мы имеем значительное распространение таких нарушений в судебной практике, когда, например, алименты присуждаются судами не с момента предъявления иска или заявления о пересмотре состоявшегося решения, как это нужно делать, а за более продолжительный период в одних случаях и за меньший период в других; но мы не имеем почти ни одного факта, когда бы такого рода неправильности были выявлены и исправлены по инициативе прокуроров.

Нельзя отметить какой-либо серьезный сдвиг и на таком важнейшем участке, как исполнение решений по алиментным делам. Многочисленные жалобы, сообщения печати, факты, выявляемые при обследованиях и ревизиях, сигнализируют о том, что исполнение судебных решений по алиментным делам продолжает оставаться одним из наиболее неблагоприятных участков. Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание прежде всего на борьбе с злоупотреблениями, бюрократизмом, различными преступлениями, имеющими еще место при исполнении решений, вместо того, чтобы неправильные действия судебных исполнителей опротестовать в предусмотренном законом порядке, некоторые прокуроры продолжают вмешиваться в оперативную работу судебных исполнителей, командовать ими, подменять собой народных судей. От этого дело исполнения решений по алиментным делам не движается вперед. Помощник прокурора Сычевского района Западной области т. Суриков недавно вызвал к себе судебного исполнителя со всеми имевшимися в его производстве делами по взысканию алиментов и без ведома народного судьи произвел полную ревизию работы судебного исполнителя. Мы считаем, что областной прокурор поступил правильно, наложив за такие действия взыскания на этого помощника прокурора.

В прокуратуру продолжает поступать большое число жалоб на волокиту, бюрократизм, преступное отношение к исполнению решений судов по алиментным делам. К сожалению, еще и в настоящее время нельзя сказать, что этим жалобам уже обеспечены та внимательность и чуткость, которые необходимы и обязательны. Факты бездушного формального отношения к жалобам по алиментным делам

еще имеют значительное распространение. Вот, например, несколько таких фактов, о которых сообщила газета «Северный рабочий» (г. Ярославль) 26 апреля 1937 г. в обзоре писем в редакцию. Обзор озаглавлен «Прокурор и алиментщики». Работнице одного из рыбных предприятий Заводовой еще в 1929 г. присудили алименты. Просьба о привлечении злостного неплательщика к уголовной ответственности осталась безрезультатной. Газета спрашивает: «Почему прокурор не желает привлечь к ответственности злостного неплательщика алиментов; или права ему такого не дано? Адреса он, может быть, не знает? Нет. И адрес виновника и право тутаявский районный прокурор имеет». И обзор, на мой взгляд, совершенно правильно дает ответ на вопрос—почему это дело не движется: «Потому, что тутаявские судьи и прокурор не разглядели за заявлением мать и ребенка, нуждающихся в помощи».

Нередки и такие случаи, когда за бумажкой не замечают живых людей!

Санитарка березовской больницы Галичского района (Ярославская область) пишет, что сколько она ни обращалась к районному прокурору с жалобой на неплатеж алиментов ее бывшим мужем Смирновым, никакой поддержки у прокурора она не нашла.

В течение семи месяцев у судoisполнителя Дзержинского народного суда т. Москалева лежал исполнительный лист рабочих Серенко, Олейко и Сайко.

Вот еще один пример того, как прокуроры иногда оказываются в нетях тогда, когда их вмешательство особенно необходимо.

Гр. Аракчиева три раза пешком ходила за 35 км в Бербуди (Касановский район Узбекской ССР) уже после того, как было отменено решение судьи 179 участка, который неправильно отказал в иске этой гражданке, незаконно уволенной с работы в связи с беременностью. Решение было отменено, но пришлось три раза ходить пешком за 35 км, трижды обращаться и к прокурору и к суду для того, чтобы дело двинуло вперед. Это ли не бюрократическое отношение к человеку?

В некоторых случаях качество реагирования отдельных прокуроров на поступающие к ним жалобы по алиментным делам таково, что влечет не ускорение, а длительную затяжку правильного разрешения вопросов. Так, например, 16 декабря 1936 г. народный суд Джаркентского района Алма-Атинской области вынес решение о взыскании средств на содержание детей с гр. Кожечникова в пользу гр. Душевиной. Народный суд исполнительный лист направил для взыскания по месту жительства ответчика в Риддерский район. Что же делает прокурор Риддерского района? Получив, пови-димому, жалобу от ответчика, он просто изъясил исполнительный лист у судебного исполнителя, а затем 2 февраля с. г. направил его джаркентскому районному прокурору с просьбой приостановить и опротестовать решение. Джаркентский районный прокурор, очевидно не найдя никаких оснований для опротестования решения, но недостаточно внимательно ознакомившись с исполнительным листом, направил его не по месту взыскания, в Риддерский район, а судебному

исполнителю Джаркентского района. В результате гр. Душевина в течение трех месяцев не могла получить присужденных ей алиментов.

Мы коснулись только некоторых недостатков прокурорской работы по судебным делам об абортах и алиментах. Как известно, закон от 27 июня предусматривает целую систему серьезных мероприятий организационного, финансового и хозяйственного порядка, имеющих исключительно большое значение для обеспечения интересов женщин и детей, а это значит, что обязанностью прокуроров является борьба и с нарушениями этой важнейшей части законов. Если часть этого рода нарушений по своему характеру не дает оснований для возбуждения уголовного преследования против нарушителей, то во всяком случае они, безусловно, дают повод и основания для вмешательства прокуратуры в порядке общего надзора. Задача заключается в том, чтобы в борьбе с этими нарушениями и по этой линии уделять повседневное серьезное внимание. В частности, поскольку об этом можно судить по материалам судов, необходимо усилить внимание к борьбе с нарушениями ст.ст. 5, 6 и 7 постановления ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г., возлагающих обязанность выплачивать пособия на озаведение необходимыми предметами ухода за новорожденным или на кормление ребенка незастрахованным матерям на кооперативные кассы взаимопомощи. Судя по имеющимся материалам, нарушение этих требований закона от 27 июня имеет место и не всегда встречает должного отпора.

Необходимо также вдохнуть новую энергию и в работу по популяризации закона от 27 июня. Эта работа за последние месяцы во многих районах упала. Между тем, и в настоящее время нужна в такой популяризации закона от 27 июня, в доведении его до сведения всех трудящихся еще не отпала. В деле популяризации закона от 27 июня, как и в повседневном надзоре за выполнением его, огромную помощь прокурорам может оказать общественный актив прокуратуры. Но для этого необходимо уделять большее внимание организации, инструктажу актива, действительной связи с ним, необходимо со всей чуткостью относиться к поступающим от актива сигналам и обеспечить максимальную ответственность этих сигналов. Надо прямо сказать, и до настоящего времени в ряде мест больше разговора, болтовни, о связи прокуроров с активом, чем действительной связи и работы с активом.

Н. Лаговнер.

Осмотр места происшествия

В Московском юридическом институте третий год работает научный студенческий кружок криминалистики. Наряду с другими вопросами, кружок изучает тактику осмотра места происшествия.

Студенты—члены кружка—выезжали на места происшествий совместно с дежурными следователями городской прокуратуры. Мне как члену кружка тоже пришлось выезжать на места происшествий. В связи с проделанной работой у меня возник вопрос: почему такое важное

средство для расследования преступлений, как осмотр места происшествия, теоретически хорошо разработанное, в практике работы органов расследования г. Москвы используется весьма неудовлетворительно. Больше того, имеет место пренебрежительное отношение со стороны отдельных следователей г. Москвы к этой важной части работы следователя. В подтверждение этого можно привести следующие примеры.

1. Член кружка криминалистики т. Токарева выезжала с дежурным следователем городской прокуратуры на место происшествия — пожар на фабрике мягкой мебели. Приехав на место происшествия и увидев, что туда уже приехал уполномоченный НКВД, следователь решил этим воспользоваться, чтобы передать уполномоченному свои функции. К огорчению следователя, уполномоченный НКВД отказался от производства осмотра и заявил, что проведение этой операции — дело следователя. Тогда следователь сделал попытку передать дело осмотра пожарной инспекции, но и она отказалась.

Аналогичный случай имел место и при выезде следователя Смирнова на пожар на фабрике выделки искусственных кож. Увидев на месте представителя НКВД, Смирнов просто повернулся и уехал.

Ясно, что такое отношение к осмотру места происшествия никуда не годится. Ведь цель всякого осмотра места происшествия заключается в том, чтобы всесторонне изучить обстановку места происшествия для выяснения по обнаруженным предметам и следам происшедшего события обстоятельств, при которых оно произошло, и признаков, устанавливающих личность преступника. Приступать к осмотру места происшествия нужно немедленно, как только становится известно о происшествии. Это объясняется необходимостью заставить обстановку преступления в неизменном виде.

Осмотр места происшествия должен производиться объективно, в том смысле, что следователь не может заранее определять, какие вещественные доказательства окажутся более важными и какие — менее. Нельзя подгонять тактику осмотра к заранее составленным следователем гипотезам по делу.

При выезде члена нашего кружка т. Куликова со следователем Рабинович на место обнаружения трупа гр. Дьякова это просто собыдено не было. Следователь Рабинович, предварительно ознакомившись с обстановкой места происшествия и обстоятельствами обнаружения трупа, сразу пришла к выводу, что здесь произошло убийство при самообороне, и весь осмотр производился с определенным предвзятым мнением. Следователь Рабинович ограничился осмотром трупа и места, где труп лежал, не осмотрев самым тщательным образом всю комнату.

Кроме того, при осмотре были допущены следующие ошибки: оружие у убийцы не было отобрано; пуля, изъятая из деревянного перекрестка рамы, была так изуродована, что положить ее на экспертизу невозможно было; стекло в коридоре, в котором четко была отпечатана рука, не было изъято.

Необходимо при осмотре места совершения преступления обращать внимание на все мелочи обстановки, какими бы незначительными они первоначально ни казались.

Как обстоит дело с организацией выездов на осмотр мест происшествий в Москве? В Москве при городской прокуратуре установлено круглосуточное дежурство следователей для выезда на места происшествий. Дежурный следователь выезжает на место происшествия по сообщению седьмого отделения МУР.

Имеют место случаи, когда седьмое отделение МУР сообщает дежурному следователю о том или ином происшествии; следователь выезжает, а там уже производится осмотр без него.

Бывают и такие случаи, когда до приезда следователя на место происшествия там уже побудут представители милиции, НКВД; приходят, посмотрят, изменяя положение трупа, не составляя протокола, и уезжают до приезда следователя. Такой случай имел место, когда следователь Пискарев выехал на самоубийство в комбинате «Правда» по сообщению седьмого отделения МУР. Когда следователь приехал на место происшествия, там уже был райуполномоченный НКВД, который, осматривая труп, изменил его первоначальное положение, обыскал и вывернул у него карманы, а также трогал винтовку, изменив ее первоначальное положение. Уполномоченный не составил никакого протокола о своих действиях и уехал.

Мало этого, после уполномоченного НКВД приехал участковый инспектор четырнадцатого отделения милиции, который также посмотрел, потрогал объекты осмотра и уехал. И лишь после этого прибыл дежурный следователь Пискарев, который, кстати сказать, тоже пробыл на месте осмотра всего лишь 27 минут, не составил протокола осмотра, а ограничился лишь донесением о случившемся прокурору.

Необходимо также отметить, что дежурные следователи г. Москвы при выезде на места происшествий никаких технических приспособлений при себе не имеют и сотрудников НТО обычно не привлекают к осмотру. Надо прямо сказать, что осмотр места происшествия в г. Москве носит кустарный характер. Это тем более непонятно, что в г. Москве имеется много научных криминалистических учреждений, привлечение которых к участию в осмотрах и техническому оснащению следователей принесло бы огромную пользу.

Нужно отметить и такое отрицательное явление: следователь, дежуря сутки, на завтра должен идти работать к себе в камеру. Никто не заботится об отдыхе следователя после дежурства, и следователи поэтому идут на дежурство без всякой охоты, а отсюда — и пренебрежительное отношение к проведению осмотра.

Во время осмотра места происшествия следователь не является ведущей фигурой. Участковый инспектор милиции или работник уголовного розыска проявляют подчас больше инициативы. Характерно и то, что судебно-медицинский эксперт при выездах на места происшествий считает своим долгом обращаться только к работникам милиции, но не к следователю.

Такой случай, очень наглядный, имел место, когда я выезжал со следователем Коган в Московский коммунальный музей, где был обнаружен труп. В течение всего осмотра врач ни разу не обратился ни по одному вопросу к

следователю, а всю работу проводил с участием инспектором милиции, который и составлял протокол осмотра, начатый, кстати сказать, до приезда следователя.

Такого отношения к осмотру, какое наблюдается в Москве, нет в Киеве, где я был на практике три месяца и много раз выезжал с дежурными следователями на места происшествий. Там следователь является ведущей фигурой при осмотре мест происшествий, а работники милиции и уголовного розыска активно помогают ему в работе.

В практике Москвы имеет еще существенное значение то обстоятельство, что расследование дел об убийствах ведет уголовный розыск, а не следователи, в то время как согласно ст. 108 УПК расследование по этим делам должен вести следователь, а милиция и уголовный розыск должны вести только активный розыск и дознание.

Это обстоятельство создало определенную заинтересованность милиции и пассивное отношение со стороны следователей.

Был случай, когда дежурному следователю Рабинович сообщили, что на Ново-Васманной обнаружен труп мальчика 14 лет с признаками самоубийства; дежурный прокурор высказался в том смысле, что не стоило выезжать, но т. Рабинович проявила свою инициативу и выехала. На месте происшествия уже был уполномоченный уголовного розыска, который к приезду следователя все закончил и мальчика выносили на носилках. Т. Рабинович ничего не оставалось делать, как уехать обратно.

Тот же следователь выезжала с нашим студентом т. Власовым в Покровско-Стрешнево, где был обнаружен труп. До приезда следователя на место происшествия прибыл участковый инспектор филиала двенадцатого отделения милиции, сделал обыск в одежде трупа, обнаружил в кармане стакан, вынул его, понюхал и поставил возле трупа. Вместе со следователем приехало 8 человек, и каждый из них считал своим долгом подержать стакан в своих руках, а в заключение и сам следователь взял стакан в руки, чтобы посмотреть и понюхать его. Только в этот момент т. Рабинович вспомнила о возможных пальцевых отпечатках на нем, но, разумеется, было уже поздно пытаться обнаружить эти отпечатки.

Причиной всех недостатков в тактике осмотров, проводимых следователями Москвы, является то, что следователю в Москве не созданы все условия для того, чтобы он мог относиться со всей серьезностью к этому важнейшему процессуальному действию. Раз и навсегда должно быть установлено, что выезжать на место происшествия и производить осмотр без оповещения дежурного следователя никто не имеет права.

Нужно покончить с кустарщиной и приучить следователей пользоваться научно-техническими средствами при осмотре. Дежурный следователь должен иметь с собой чемодан со следующими предметами: бумага, планшет, компас, линейка, карандаш, резинка, средства для окрашивания пальцевых следов и отливки слепков со следов ног, гипс, лупу, свечу и складной метр.

При осмотре трупов должно быть установлено, что вскрытие трупа (если оно производится) должно быть произведено в присутствии

следователя, выезжавшего на место происшествия.

Необходимо также проводить работу среди следователей по повышению их теоретических и практических знаний в области осмотра места происшествия и составления протокола осмотра.

Киевская городская прокуратура, например, проводит со своими следователями один раз в шестидневку семинар в институте судебной экспертизы и анатомическом театре, где разбираются практические вопросы осмотра. Это несомненно повышает уровень знаний следователя и помогает ему в практической работе.

Сейчас, после перестройки структуры прокуратуры, когда следственный отдел имеет наибольшее значение, необходимо улучшить следственную работу и в области осмотра места происшествия.

Прокурор Союза ССР в беседе с сотрудником «Известий», опубликованной 17 ноября 1936 г., сказал: «Разрабатывая методику следствия, мы широко используем специальные кабинеты по технике расследования и криминалистике». Это указание должно быть реализовано и в Москве.

М. Якубович

ОТ РЕДАКЦИИ. По поводу статьи т. Якубовича редакция запросила прокурора г. Москвы, сообщившего, что МУР и милиции прокуратурой дано указание при обнаружении трупов не менять обстановки места происшествия и не менять положения трупа до приезда следователя.

Ошибочно утверждение автора, что следователь после круглосуточного дежурства не имеет выходного дня,—день отдыха предоставляется всем следователям.

Недочеты в работе следователей, указанные в статье т. Якубовича, будут обсуждены на ближайшем совещании следователей г. Москвы.

Об исполнении судебных решений¹

В № 2 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г. помещена статья т. Антикова под заглавием: «Договор и судебное решение». Автор статьи приводит случаи из судебной практики, когда нарсуд, удовлетворяя частное требование истца о взыскании неустойки за неисполнение договора, отказывает в другой части иска об объяснении ответчика исполнить договор по тому основанию, что решение об исполнении договора не может быть приведено в исполнение принудительным порядком. Указывая, что по договорным спорам внутри обобществленного хозяйства народный судья должен приравнивать себя к арбитру, автор статьи рекомендует народным судам: а) помнить ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о порядке заключения договоров на 1934 г., в силу которой уплата санкций не освобождает от обязанности исполнения договора, и б) по примеру практики госарбитров, исполнение решения об исполнении договора обеспечить установлением штрафа за неисполнение решения в назначенный судом срок.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

Вопрос, поднятый т. Антиковым, выходит за рамки оборота внутри общественного хозяйства и в связи с пересмотром ГК и ГПК требует более широкого освещения.

В отношении каждого судебного гражданского процесса, являются ли его субъектами юридические или физические лица, может возникнуть общий вопрос о том, допустимо ли вынесение таких судебных решений, которые не могут быть приводимы в реальное исполнение принудительными мерами.

На этот общий вопрос необходимо ответить утвердительно уже по одному тому, что бывают такие судебные решения, которые не требуют никакого особого исполнения со стороны ответчика. К таким решениям относятся решения по искам о признании договора, завещания или иной юридической сделки недействительными или иски о недопустимости со стороны ответчика и воспрепятствии ему определенных действий. К особой категории судебных решений, не требующих особого исполнения со стороны ответчика, относятся вообще все решения по превентивным искам о признании, т. е. по таким искам, при посредстве которых истец домогается судебного решения для предупреждения возможного и ожидаемого им нарушения его права со стороны ответчика. Таковы, например, иски об относимости платежа, произведенного истцом ответчику, к определенному обязательству истца перед ответчиком или о признании обязательства истца перед ответчиком погашенным путем зачета встречного однородного требования истца к ответчику. В обоих этих случаях истец имеет юридический интерес предупредить нарушение его права со стороны ответчика, который может и собирается предъявить к истцу требование по обязательству, ранее выданному истцом ответчику.

В русской юридической литературе дореволюционного времени существовали большие контroversы по вопросу о допустимости превентивных исков о признании в связи с текстом ст. 1 Устава гражданского судопроизводства, гласившей: «*Всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений*». Некоторые цивилисты, как, например, Исаченко, утверждали, что по означенной статье суд обязан принимать к разрешению только иски по спорам о восстановлении нарушенного права (Исаченко, «Основы гражданского процесса», стр. 12—22). Другие, как, например, профессор Гордон, утверждали, что ст. 1 Устава гражданского судопроизводства не исключает вовсе возможности предъявления исков, имеющих целью предупредить нарушение права, и что цель исков может сводиться к подтверждению судом права истца, независимо от того, нарушено ли оно или не нарушено до предъявления иска. Нарушение права есть только один из наиболее частых поводов для предъявления иска и имеет значение лишь при решении вопроса, на кого из сторон должны быть возложены судебные издержки (Гордон, Иски о признании, стр. 1—47).

Ст. 2 ГК РСФСР ни в какой мере не препятствует предъявлению превентивных исков о признании. Покойный т. Малицкий в своем комментарии к ст. 2 ГПК РСФСР и УССР совершенно правильно указывает, что по смыслу ст. 2 ГПК вполне допустимы иски о признании

определенного правоотношения между истцом и ответчиком, преследующие предупреждение возможного будущего нарушения права истца со стороны ответчика. «Для наличия юридического интереса и обусловливаемого им права на иск,—говорит Малицкий,—требуется одно из следующих условий: а) нарушение права или б) опасность будущего нарушения права». В практике наших советских судов неоднократно рассматривались превентивные иски о признании. Так, например, до пленума Верховного суда РСФСР в 1927 г. доходил исковой процесс о признании безвалютным векселя, выданного истцом ответчику в обеспечение другого обязательства истца. Иск имел явно превентивный характер: истец опасался возможного предъявления к нему денежного требования по векселю (см. протокол пленума Верховного суда РСФСР от 22 декабря 1927 г. № 21). В этом процессе вопрос о допустимости такого превентивного иска даже и не возбуждался. Сравнительно недавно в текущем 1937 г. народным судом и высшими судебными инстанциями рассматривался иск гражданки М. о признании ответчика П. ее отцом. В этом процессе уже прямо признано было, что для иска не требуется нарушения права истца, а достаточно наличия юридического интереса истца в подтверждении его права, в охране которого может встретиться необходимость в будущем при попытке нарушения этого права. Истица М. имела юридический интерес в признании ее кровного родства с гр. П. на случай его смерти и возможного спора о переходе его имущества к законным его наследникам (см. определение гражданской судебной коллегии Верховного суда РСФСР, опубликованное в «Советской юстиции» № 4 за 1937 г., стр. 58).

Итак, у нас вполне возможны иски о признании, а по всем таким искам никакого определенного действия от ответчика решениями суда не требуется, и такие судебные решения, очевидно, не нуждаются в принудительном их исполнении.

Можно, таким образом, сделать общий вывод о том, что невозможность исполнения судебного решения принудительными мерами не должна препятствовать суду принимать к своему рассмотрению иски о подтверждении принадлежащего истцу права и, в частности, о признании за истцом права требования исполнения договора и вместе с тем об обязанности ответчика исполнить договор, хотя физически принудить ответчика реально исполнить договор не представляется возможным.

Приложение это применимо не только к искам и договорам между организациями общественного хозяйства и не только в силу ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г., но и к искам и договорам между физическими лицами по общим нормам гражданского кодекса. Из совокупного смысла ст. ст. 2, 106, 107, 189 и 190 ГК РСФСР и ст. 180 ГПК с очевидностью вытекает, что по всякому правомерному договору управомоченный контрагент может через суд требовать от обязанного контрагента исполнения договора в срок, назначенный судом.

Решение об исполнении договора, хотя и неисполнимое в принудительном порядке, имеет практическое значение даже тогда, когда неисполнение такого решения не обеспечено денежными штрафами: в силу ст. 117 ГК РСФСР

неисполнение договора в назначенный решением суда срок дает право на взыскание убытков, вызванных не только промедлением в исполнении договора к договорному сроку до предъявления иска об исполнении договора, но и дальнейшим промедлением в исполнении договора к новому назначенному судом сроку. Другими словами, не поддающееся принудительному исполнению решение об исполнении договора имеет преюдициальное значение для будущего решения о взыскании в пользу истца убытков, которое уже может быть приведено в исполнение в принудительном порядке.

Автор разбираемой статьи т. Антиков рекомендует усилить значение судебных решений об исполнении договора предоставлением нарушителю права назначать штраф за неисполнение в срок решения, подобно праву, которым в аналогичных случаях пользуются арбитры. Источник такого права госарбитров весьма спорен. Специальная ст. 21 закона от 19 декабря 1933 г., дающая госарбитрам право повышать штрафы за систематическое уклонение от исполнения договоров, имеет прямое отношение к повторным искам к одному и тому же ответчику по поводу повторных нарушений договорных обязательств к установленным договорным срокам. Лишь путем аналогии можно применять это право повышения штрафов и в первом процессе по нарушению договора в виде условного назначения штрафа на случай повторного неисполнения договора в новый срок, назначенный решением госарбитра.

Но при всех условиях рекомендуемая автором угроза штрафом за неисполнение решения не решает основного вопроса о реальном исполнении договора. Как договорная неустойка за неисполнение договора, так и назначаемая судом или арбитром неустойка (штраф) за неисполнение в срок решения об исполнении договора приводят в конечном итоге к замене реального исполнения договора денежными санкциями. Между тем, наше плановое хозяйство в нашем социалистическом государстве требует именно реального исполнения всякого договора без замены этого реального исполнения платежом денежных санкций. В этом именно заключается огромный политическо-хозяйственный смысл ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г. В настоящий момент, когда частный капиталистический сектор окончательно и полностью вытеснен из нашего народного хозяйства и когда конечной целью всего нашего гражданского оборота во всех его видах и формах является выполнение хозяйственного плана для удовлетворения потребностей государства и материальных и культурных нужд всего трудящегося населения, реальное исполнение всякого законного договора приобретает огромное хозяйственное значение.

Для обобществленного хозяйства соблюдение ст. 19 закона от 19 декабря 1933 г. об обязательном исполнении договоров, независимо от санкций, обеспечено ст. 11 Положения о Госарбитраже от 3 мая 1931 г., в силу которой должностные лица участвующих в деле организаций могут подлежать дисциплинарной или уголовной ответственности за неисполнение решений, вынесенных госарбитражем. Эта угроза вернее ведет к реальному исполнению договоров, чем угроза повышенными денежными штрафами, которые выплачиваются не виновными в волоките или бесхозяйственности пред-

ставителями хозорганизацией, а самими организациями. К сожалению, ст. 11 Положения о Госарбитраже, насколько нам известно, весьма редко применяется на практике. Между тем, по нашему мнению, личная ответственность сторон за неисполнение таких судебных решений, которые по своему своему не могут быть проводимы в жизнь принудительным порядком, должна быть предусмотрена законом как внутри, так и за пределами обобществленного хозяйства.

Каждое судебное решение, вошедшее в законную силу, имеет значение специального закона, установленного для участвующих в процессе сторон. Злостное уклонение от исполнения такого судебного решения равносильно злостному уклонению от исполнения закона. Заметим в скобках, что идея уголовного преследования за неисполнение судебных решений не чужда была нашему советскому праву и до учреждения Госарбитража, в чем легко убедиться из ст. 24 положения о несостоятельности кооперативных организаций от 6 февраля 1929 г. о расследовании прокурором причин несостоятельности кооперативных организаций, что могло влечь за собой уголовную ответственность за неплатеж кредиторам по судебным решениям (С. 3. № 11, 1929, ст. 101).

В силу всех этих соображений мы на возбужденный т. Антиковым вопрос об исполнении судебных решений считали бы правильным дать такой ответ.

1) Как арбитраж, так и суд обязаны по законным требованиям истцов, независимо или сверх присуждения денежных санкций, выносить решения об обязанности неисправных ответчиков исполнять договоры в назначенные судом сроки.

2) Злостное уклонение ответчиков от исполнения судебных или арбитражных решений может повлечь за собой по жалобам истцов или по инициативе госарбитров или суда дисциплинарную или уголовную ответственность виновных ответчиков или их представителей.

А. Штейнберг

Внес судебное признание отцовства

В последнее время в связи с проведением в жизнь закона от 27 июня 1936 г. внесудебное признание отцовства через органы ЗАГС получило очень широкое распространение на основании ст.ст. 28—29 Кодекса о браке, семье и опеке.

Это дает возможность женщине еще в период беременности зарегистрировать отца будущего ребенка без тяжелого для нее судебного процесса и с начала беременности обеспечить свое право на получение алиментов по ст. 31 Кодекса о браке, семье и опеке для себя и с момента рождения ребенка — и для него.

Из буржуазных государств установление отцовства путем одностороннего заявления матери знает лишь Норвегия.

В связи с этим небезынтересно познакомиться с законом «О внебрачном ребенке», изданном в 1915 г. в Норвегии.

В силу этого закона на будущую мать внебрачного ребенка еще в периоде беременности

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

возлагается обязанность дать сведения об отце ребенка фотгу (местному административному чиновнику) с представлением доказательств, подтверждающих отцовство.

Эти сведения, заверенные матерью, с предупреждением ее об уголовной ответственности за ложные показания, фотг в срочном порядке пересылает районному административному чиновнику (амтсману), который на основании полученных материалов срочно же составляет определение об установлении отцовства и взыскании алиментов, дополняя его разъяснением юридических последствий определения, с указанием на право обжалования определения в 30-дневный срок в судебном порядке, с вызовом сторон.

Лица, не имеющие возражений, принимают к сведению определение, и по истечении 30-дневного срока мать осуществляет свое право на получение причитающихся ей алиментов.

В РСФСР эта внесудебная регистрация производится следующим образом.

С момента определения беременности будущая мать имеет право подать заявление в ЗАГС по своему месту жительства и указать отца ребенка и его местожительство.

Согласно инструкциям от 20 марта 1933 г. и 9 февраля 1934 г. ЗАГС извещает лицо, указанное отцом, о поступившем заявлении и, вне зависимости от того, поступило ли от него подтверждение отцовства или возражение против, записывает его отцом будущего ребенка. Во всех случаях ЗАГС производит запись отца ребенка через месяц по подаче матерью заявления, а лицо, записанное отцом, получает право оспорить запись в течение года.

В результате у всех обратившихся в ЗАГС матерей на руках имеются записи об отцовстве, но этим права матери и ребенка еще не обеспечены, их дела еще не закончились, и им всем еще предстоит судебные дела о взыскании алиментов с признанных ЗАГС отцов.

По данным, приведенным в книге С. Е. Коппелянской «Защита прав ребенка перед советским судом» (сноска на стр. 14), в Москве в 1935 г. было подано в ЗАГС 558 заявлений о внесудебном признании отцовства; из них 40 человек, или 7%, ответили признанием ребенка, 145 человек, или 26%, прислали возражения против отцовства, а остальные 67% вообще не реагировали.

Таким образом после большой работы, проделанной ЗАГС, лишь 7% женщин получили реальное удовлетворение, т. е. возможность обратиться в суд о взыскании алиментов без опасений каких-либо возражений против отцовства. Остальные 93% совершенно не обеспечены имеющейся у них на руках записью ЗАГС об отцовстве, и им всем, или большинству из них, предстоит еще процессы в суде о признании отцовства.

В итоге женщина, успокоенная признанием отцовства в ЗАГС, не может быть в сущности спокойна до окончания судебного процесса об алиментах.

Дороговое внесудебное признание отцовства для огромного большинства остается на бумаге и в конце концов устанавливается судом.

Ст.ст. 28, 29 Кодекса о браке, семье и опеке должны быть пересмотрены.

В целях защиты прав матери и ребенка ЗАГС предоставлено право установления отцовства, что в силу закона влечет за собой право на алименты. Почему не пойти дальше и не предоставить ЗАГС права выносить определения, имеющие силу судебного решения, и об отцовстве и об алиментах в соответствии с законом от 27 июня 1936 г., предоставив лицу, признанному отцом ребенка, право обжалования определения ЗАГС в судебном порядке в течение определенного срока.

При этом не следует опасаться «упрощенчества», так как при каждом возражении со стороны отца дело и об алиментах и об установлении отцовства будет рассматриваться в судебном порядке с вызовом сторон.

Определение с разъяснением его юридических последствий направляется по почте с обратной распиской лицу, признанному отцом, с соблюдением всех гарантий вручения его лично адресату.

Месячный срок со дня получения определения адресатом является вполне достаточным для собирания доказательств для обжалования определения в суд; существующий ныне годичный срок ведет к ничем не оправдываемой затяжке дела и противоречит смыслу и цели закона.

К чему приведет предлагаемое изменение статей 28, 29?

1) Будет уничтожено расщепление 2 процессов — признание отцовства и взыскание алиментов, — ведущее к волоките и излишней переписке ЗАГС с «отцами», к загромождению судов алиментными делами и излишним мытарствам женщин.

2) Инициатива по возбуждению судебных дел о признании отцовства перейдет к отцу ребенка, что заставит его более серьезно отнестись к полученному определению и выступить в суде лишь при наличии действительных данных против признания отцовства.

3) Суды будут разгружены от алиментных дел, так как процент обжалованных определений не должен быть велик; практика показывает, что огромное количество дел о признании отцовства оканчивается признанием его и практика же устанавливает очень небольшой процент «шантажных» заявлений со стороны женщин.

4) Матери будут избавлены от необходимости возбуждать тягостные для них иски об алиментах и будут во-время обеспечены алиментами для себя и для ребенка.

В. Вишняк.

Упрощенный подход¹

В журнале «Социалистическая законность» № 2 за 1937 г. помещена статья т. А. Кобешавидзе «Защита при расхождении с позицией подзащитного». Хотя редакция уделила ей место в отделе «Обмен опытом», но значение трактуемого в ней вопроса крайне велико и с принципиальной, и с практической стороны.

В конце указанной статьи автор приходит к такому выводу: «... я считаю вполне допустимой защиту и таких дел, где защитник расходится с подзащитным в позициях». Такое решение вопроса представляется мне слишком

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

схематичным и упрощенным. Защитнику нельзя не считаться с интересами подзащитного. Между тем, если защитник и его подзащитный расходятся в позициях, надо сразу же подумать, не следует ли передать дело другому защитнику.

Случаи расхождения надо, прежде всего, разделить на две основных категории: расхождение в оценке фактов (главным образом виновности подзащитного в приписываемых ему действиях) и расхождение в квалификации. Если во втором случае защитник, которому даны «книжки в руки» (и то только при отсутствии возражения со стороны подзащитного, разбирающегося в юридических вопросах), должен предлагать суду свое собственное мнение, то в первом никак нельзя согласиться с тем, что защитник вправе изобличать своего подзащитного и, вопреки его категорическому отрицанию, присоединяться к прокурору и доказывать его виновность.

В журнале «Социалистическая законность» № 11 за 1935 г., в статье «По поводу «открытого забрала», я привел случай, когда защитник, убежденный по материалу дела, что обвиняемый виновен, в процессе судебного следствия пришел к обратному выводу и очень сожалел о том, что до начала судебного заседания склонял его к признанию вины. Если происходил наоборот, защитник опять-таки не должен торопиться признать за обвиняемого его виновность. Поясню примерами.

Один адвокат защищал в суде заведующего магазином. Суд признал заведующего магазином виновным, приговорил к лишению свободы и присудил с него гражданский иск. Осужденный отрицал всякую вину. Защитник с ним не соглашался. Не желая, однако, вредить клиенту, он попросил своего товарища познаться с делом. Тот пришел к убеждению в полной невиновности осужденного. Обжаловал и приговор, сначала в кассационном, а затем в надзорном порядке. Осужденный, правда, из-за расхождения его первого защитника с ним в позициях, просидел, во исполнение приговора, несколько месяцев в тюрьме, но приговор, в конце концов, был отменен, а дело прекращено. Если бы первый защитник был менее податлив, судебная ошибка осталась бы неисправленной.

А вот пример обратного порядка. Защитница взялась защищать в кассационной инстанции рабочего, осужденного за спекуляцию. На суде обвиняемый заявлял (и это было занесено в протокол судебного заседания), что ему не были зачитаны на предварительном следствии протокол его допроса и протокол очной ставки. Защитнице, однако, показалось, что осужденный виновен. И она в этом духе составила кассационную жалобу и дала ему подписать. Повторилось, в сущности, то, что происходило, по словам осужденного, при допросе его до суда... Приговор утвердили. И защитнику, вступившему в дело в стадии надзора, приходится уже бороться и со своей предшественницей. Здесь его положение усугублено было тем, что первая защитница, расходясь с обвиняемым в позициях, навязала ему свое мнение.

Таким образом напрасно т. Кобе имеет, что вопрос этот уже решен. Именно так упрощенно, как ему представляется. Он стоит того, чтобы быть еще раз серьезно обсужденным.

А. Либерман.

Еще раз о протоколах судебных заседаний

В своей статье о протоколах судебных заседаний в журнале «Социалистическая законность» № 3 1937 г. т. Лукьянович обрушился на Гринштейн и И. Т. за критику печатанных на машинке протоколов судебных заседаний военных трибуналов. Тов. Лукьянович прав лишь в одном — это в том, что в ст. 80 УПК нет прямых указаний, как должны писаться протоколы судебных заседаний: чернилами, карандашом или их можно печатать на машинке. Действительно, такие указания законом не предусмотрены, как и нет указаний о том, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания. Формально это так, но в том и ценность протокола, что он готов к моменту ухода суда в совещательную комнату. Не знаю, как мыслит т. Лукьянович возможность суда обойтись без протокола в совещательной комнате при рассмотрении дела с несколькими десятками обвиняемых и свидетелей или хотя бы с несколькими обвиняемыми и свидетелями по сложному делу. То, что предлагает т. Лукьянович вместо протокола, т. е. сокращенные, а следовательно бессвязные записи секретаря, которые через несколько дней превратятся в протокол судебного заседания, напечатанный на машинке, никуда не годится. Такие «будущие протоколы» не имеют абсолютно никакой ценности, так как суд не может ими пользоваться в совещательной комнате.

Тов. Лукьянович в своих предположениях в протоколах судебных заседаний, встав на позицию непримиримого защитника «печатных протоколов», договорился до того, что «как бы ни был квалифицирован секретарь, он никогда не охватит всех основных вопросов на судебном заседании». Видимо, т. Лукьянович имеет смутное представление о судебных секретарях вообще и о квалифицированных секретарях военных трибуналов в частности. Тот секретарь, который не может написать протокола в самом судебном заседании, ни в коем случае не может называться квалифицированным секретарем и таких секретарей в военных трибуналах очень немного.

Я считаю, что протокол судебного заседания должен быть готов к моменту ухода суда в совещательную комнату, должен, следовательно, изготовляться от руки, иначе пропадает вся значимость протокола для суда. В целях удобства ознакомления с протоколом сторон, кассационной инстанции и т. п. можно ввести практику печатания протоколов, но только в виде копий, которые подшивать в дело вместе с оригиналом так же, как это делается с приговором в военном трибунале.

Сергеев.

Судебно-исправительная практика Всесоюзная практика тури Союза

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПРОВЕДЕННОГО ПО ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ СЛЕДСТВИЯ

Приговором народного суда участка Ленинского района г. Москвы 23 октября 1936 г. по п. «г» ст. 162 УК был осужден Минеев Иван Сергеевич.

Минеев был признан виновным в том, что 2 июня 1936 г. совместно с ранее осужденными по этому делу Пономаревым, Шовыкиным, Абрамовым и Лозинцевым украл из конторы домоуправления д. № 17 по Сиротскому переулку пишущую машинку, арифмометр и настольные часы.

Приговор этот был основан на показаниях ранее осужденных по этому делу Пономарева, Шовыкина, Лозинцева и Абрамова.

Показания этих обвиняемых суд признал заслуживающими доверия, потому что, как указано в приговоре, Минеев человек без определенных занятий, от следствия и суда пытался скрыться.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор суда по следующим основаниям.

Судебное следствие проведено было неполно. Суд не допросил обвиняемых по этому делу. Между тем, без допроса этих обвиняемых, без очной ставки между Минеевым и ранее осужденными по этому делу лицами у суда не было необходимых данных для решения вопроса о виновности или невиновности Минеева, категорически отрицающего свое участие в этом преступлении.

Допрос Шовыкина, Абрамова и других осужденных тем более был необходим, что в судебном заседании свидетель Лютов заявил, что в ночь, когда была совершена кража, Минеев из дома не отлучался.

Вывод суда, что Минеев является человеком без определенных занятий, прямо противоречит имеющимся в деле справкам о том, что Минеев работал киномехаником в г. Богородицке.

Также неправильно утверждение суда, что Минеев скрывался от следствия и суда. Никто от Минеева не отбирал подписки о невыезде. Следствию было известно, что Минеев официально командирован на работу в г. Богородицк. Адрес его также был известен.

При таком положении дела, а равно, учитывая, что лица, показывающие против Минеева, ранее уже судились, Минеев же никогда не судился, и имея также в виду поступившие о нем положительные характеристики, прокуратура считает, что приговор суда подлежит отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе со стадии судебного следствия.

ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С Ч. 2 СТ. 104 НА СТ. 99 УК УССР

Народный суд по делам госторговли и кооперации г. Харькова по делу работников ЗРК фабрики им. Кутузова в числе других лиц приговорил по ч. 2 ст. 104 УК УССР к 10 годам лишения свободы Нежевенко Ивана Абрамовича.

Приговор этот был утвержден кассационной коллегией областного суда.

Нежевенко был осужден за то, что, будучи заведующим торговым отделом ЗРК фабрики им. Кутузова и получив в горпотребсоюзе паевые марки на 30 тыс. руб., сдал из них в ЗРК марки на 10 тыс. руб., а на 20 тыс. руб. марки присвоил.

Суд признал, что обвинение Нежевенко в этом преступлении основано на следующих доказательствах.

Сдача Нежевенко паявых марок на 20 тыс. рублей ничем по делу не доказана, между тем, получение этих марок не отрицается самим Нежевенко; в бухгалтерии ЗРК отсутствует расходный ордер на выдачу Нежевенко денег для оплаты стоимости паявых марок.

Прокуратура Союза ССР, считая, что приведенные выше доказательства недостаточны для признания Нежевенко виновным в присвоении паявых марок на 20 тыс. руб., опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что получение паявых марок по существовавшему в ЗРК порядку производилось по доверенностям ЗРК. В данном случае точно не установлено, получил ли Нежевенко марки на 30 тыс. руб. по доверенности ЗРК или без нее. По утверждению Нежевенко он получил марки по доверенностям бухгалтера ЗРК Святенко и полностью все марки сдал ей. Святенко получение от Нежевенко марок на 20 тыс. руб. отрицала.

Марки на 30 тыс. руб. были получены Нежевенко в два приема — в феврале на 10 тыс. рублей и в июне на 20 тыс. руб. Нежевенко был признан виновным в присвоении марок на 10 тыс. руб., полученных им в феврале, а также в присвоении марок на такую же сумму из числа полученных им в июне. Марки на 10 тыс. рублей, полученные Нежевенко в июне, значатся поступившими в ЗРК.

Приведенные выше обстоятельства расследованы недостаточно тщательно. В частности, по делу не установлено следующее: если марки на 10 тыс. руб., полученные Нежевенко в феврале, были им присвоены, каким образом этот факт оставался неизвестным бухгалтерии ЗРК в течение нескольких месяцев, и если Нежевенко получал марки в июне без доверенности ЗРК, то как он мог присвоить марок лишь на 10 тыс. руб., а на остальные 10 тыс. сдать марки ЗРК, которые и значатся оприходованными.

Возможность постановки этих вопросов свидетельствует о том, что приведенные в приго-

воре суда доказательства виновности Нежевенко в присвоении марок на 20 тыс. руб. недостаточны.

Вместе с тем, из материалов дела видно, что отсутствие расходного ордера на оплату стоимости паевых марок на 20 тыс. руб. также не может служить доказательством виновности Нежевенко в присвоении, так как в делах ЗРК нет расходного ордера и на оплату стоимости тех марок, которые были получены Нежевенко и числятся оприходованными в ЗРК.

Бухгалтер ЗРК Святенко, показания которой имели решающее значение при вынесении обвинительного приговора в отношении Нежевенко, осуждена по этому же делу за целый ряд подлогов и других злоупотреблений по службе, причем отдельные злоупотребления Святенко были связаны с заведующими магазинами ЗРК, т. е. как раз с теми лицами, которые непосредственно расходовали паевые марки. Это обстоятельство указывает на то, что Святенко имела возможность присвоить полученные ею от Нежевенко марки и реализовать их через заведующих магазинами, с которыми она находилась в преступной связи.

Приведенные выше соображения дают основания к тому, чтобы сделать вывод об отсутствии достаточных оснований для признания Нежевенко виновным в присвоении марок.

Нежевенко виновен в том, что, получая паевые марки на большие суммы денег, не обеспечил сдачу этих марок в надлежащем порядке, в результате чего при неустановленных обстоятельствах образовалась недостача марок на сумму 20 тыс. Эти действия Нежевенко предусмотрены ст. 99 УК УССР.

Пленум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии областного суда в отношении осужденного Нежевенко отменить, переквалифицировать его преступление по ст. 99 УК и определить ему наказание в 2 года лишения свободы.

ОШИБКИ СЛЕДСТВИЯ И СУДА ВВИДУ НЕПРАВИЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Саратовским краевым судом по делу группы работников аткарской межрайбазы Саратовского крайпотребсоюза в числе других лиц были осуждены директор базы Жучкин Н. И. по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы и заведующие складами базы Иванов И. П. и Крайник Н. А. по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждый.

Жучкина суд признал виновным в том, что он, будучи директором базы, отпускал товары со складов базы по запискам и тем самым разбазарил товаров на 58 402 руб.; для сокрытия этого преступления Жучкин оформлял незаконный отпуск путем выписки фиктивных накладных на имя различных сельпо и ЗРК; кроме того, он не контролировал работу складов базы, чем способствовал хищениям и растратам и допускал нарушения финансовой дисциплины.

Корыстной или личной заинтересованности в действиях Жучкина суд не установил.

Осужденных Иванова и Крайника суд признал виновными в расхищении доверенных им ценностей на 42 638 руб.

Кассационная коллегия Верховного суда приговор в отношении осужденных Иванова и Крайника отменила с передачей дела на новое рассмотрение со стадии расследования по тем основаниям, что Иванов и Крайник, несмотря на ряд их ходатайств, не были привлечены к работе ревизионной комиссией, установившей у них недостачу.

В отношении Жучкина кассационная коллегия приговор утвердила.

Произведенным дополнительным расследованием было установлено, что выводы первой ревизии, установившей у Иванова недостачу в 35 166 р., а у Крайника недостачу в 7 472 р., не соответствуют данным бухгалтерского учета базы и не подкреплены документами.

Произведенной повторной ревизией у Иванова была установлена недостача всего лишь 450 руб. и излишек на 14 580 руб., а у Крайника недостача 742 руб. и излишек на 2 994 р.

8—10 июля 1936 г. народный суд Аткарского района Саратовского края, рассмотрев дело Иванова и Крайника, вынес Крайнику оправдательный приговор, а Иванова приговорил по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы, признав его виновным в том, что он, будучи заведующим складом, систематически, по распоряжению директора базы Жучкина и его заместителя Мейера, незаконно отпускал товары со склада, оформляя отпуск товаров фиктивными накладными. В результате, из вверенного ему склада было разбазарено товаров на 13 294 руб.

Корыстной или личной заинтересованности в действиях Иванова суд не установил.

Суд вынес также частное определение о возбуждении уголовного преследования против участников первой ревизии межрайбазы, сделавших явно неправильные выводы в отношении состояния товарно-материальных ценностей на складах, которыми заведывали Иванов и Крайник.

Указанный приговор был утвержден кассационной коллегией краевого суда.

Таким образом дополнительно произведенным расследованием, а также судебным приговором по делу Иванова и Крайника было установлено, что основное обвинение, за которое бывший директор межрайбазы Жучкин был осужден по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы, а именно способствование растратам на складах базы, полностью отпадает, так как бывший заведующий складом Крайник судом оправдан, а бывший заведующий складом Иванов, хотя и был осужден, но этим приговором он был признан виновным не в растрате или хищениях, а в незаконном отпуске товаров по распоряжению руководителей базы.

Помимо того, при рассмотрении дела Иванова и Крайника выводы первоначальной ревизии, на основании которых и был вынесен обвинительный приговор в отношении Жучкина, суд признал не заслуживающими доверия. Это касается и вопроса о количестве товаров, незаконно отпущенных по распоряжениям Жучкина и его заместителя Мейера со складов базы. Ревизия установила, что через склад, которым заведывал Иванов, было незаконно отпущено товаров на 13 294 руб. Из материалов дела видно, что незаконный отпуск товаров с базы производился, главным образом, через склад, которым заведывал Иванов. Таким образом следует прийти к выводу, что

количество незаконно отпущенных с базы товаров, установленное первоначальной ревизией (на 58 402 руб.), не соответствует действительности и что осуждение Жучкина за разбазаривание именно этого количества товаров является необоснованным.

Считая нецелесообразным производство дополнительного расследования по настоящему делу, Прокуратура Союза ССР вместе с тем опротестовала указанный приговор, считая необходимым внести изменения как в приговор суда в отношении осужденного Жучкина, так и в приговор суда в отношении осужденного Иванова.

Свой протест Прокуратура Союза ССР обосновала следующими соображениями.

Обвинение в способствовании хищениям и растратам на складах базы против Жучкина отпало, стоимость незаконно отпущенных с базы товаров составляет не 58 тыс. руб., как это установила первая ревизия, а 13 тыс. руб., как это установила вторая ревизия склада Иванова; в действиях Жучкина суд не установил корыстной или личной заинтересованности, что позволяет считать наказание в 7 лет лишения свободы, назначенное судом Жучкину, чрезмерно суровым.

Что касается осужденного Иванова, то надлежит считать установленным, что незаконный отпуск товаров со склада Иванов производил по распоряжениям дирекции базы; в его действиях суд не установил корыстной или личной заинтересованности.

Президиум Верховного суда РСФСР, соглашаясь с протестом Прокуратуры Союза ССР, постановил: во изменение ранее вынесенных по этому делу приговоров снизить подсудимому Жучкину наказание до 2 лет лишения свободы, а подсудимому Иванову — до одного года исправительно-трудовых работ на общих основаниях.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ИСК О ВЫСЕЛЕНИИ

Граждане Гаврилин и Груничев проживали совместно в одной комнате. Каждый из них имел самостоятельное право на площадь и на каждого из них был открыт отдельный лицевой счет.

29 марта 1935 г. гр. Груничев прописал на свою жилплощадь свою жену Груничеву Д. Н.

Гаврилин предъявил иск о выселении Груничевой на том основании, что Груничева была прописана без разрешения Гаврилина.

Народный суд постановил Груничеву выселить.

Кассационная коллегия оставила в силе решение народного суда. Президиум Московского городского суда отклонил протест прокуратуры.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и постановление Московского городского суда по следующим основаниям:

Груничев, имеющий право на жилплощадь и оплачивающий ее самостоятельно, имеет право распоряжаться своей частью жилплощади по своему усмотрению в пределах закона, независимо от Гаврилина. Кроме того, выселение Груничевой с маленьким ребенком от мужа недопустимо, противоречит советской законности и задаче укрепления семьи, выраженной в законе от 27 июня 1936 г.

Московский городской суд, признав правильным выселение Груничевой с ребенком на том основании, что Груничева была прописана без согласия Гаврилина, стал на позицию формального разрешения данного спора, не учел обстоятельство дела и действительных взаимоотношений сторон.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила решение народного суда Ленинского района от 9 апреля 1935 г., определение кассационной коллегии и постановление президиума Московского городского суда отменить и в иске Гаврилину о выселении Груничевой отказать.

НЕЗАКОННЫЙ ОТКАЗ ОТВЕТСТВЕННОМУ СЪЕМЩИКУ КВАРТИРЫ В ВЫСЕЛЕНИИ ВРЕМЕННОГО ЖИЛЬЦА

Рабочий завода им. 5-летия Октября, ударник-стахановец Кудряшев М. С., получил ордер, в порядке обмена площади, на две комнаты в доме № 8 кв. 6 по Ростовскому переулку в г. Москве.

На площади Кудряшева 21 ноября 1933 г. был временно прописан гр. Светлов М. А. Срок прописки временного жильца Светлова был первоначально установлен 1 декабря 1933 г.

В дальнейшем Светлов привел на площадь Кудряшева без его согласия свою жену, сына, а в настоящее время проживает на площади Кудряшева с семьей в 4 человека, так как у Светловой родился ребенок.

Семья Кудряшева состоит из 5 человек. Между Кудряшевым и Светловым возникли ссоры и недоразумения на почве совместного проживания.

В июне 1936 г. Кудряшев предъявил иск о выселении Светлова. 10 июля 1936 г. народный суд 3 участка Фрунзенского района г. Москвы нашел иск доказанным и решил выселить Светлова со всеми с ним проживающими, как временного жильца. Суд нашел установленным, что ответчик проживал у Кудряшева временно, что излишков жилплощади у истца нет и что между сторонами на почве совместного проживания происходили конфликты. По жалобе Светлова кассационная коллегия Московского городского суда 28 июля 1936 г. решение отменила и в иске Кудряшеву о выселении Светлова отказала.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Московского городского суда по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что ответчик Светлов поселился на площади Кудряшева в качестве временного жильца, прописанного на 3 месяца. Самостоятельного права на площадь в квартире Кудряшева Светлов не имел. Поэтому решение народного суда от 10 июля 1936 г. соответствует фактическим обстоятельствам дела и основано на постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. и п. «б» ст. 156 ГК.

Требование Светлова о признании за ним права на спорную площадь отвергнуто вступившим в законную силу решением народного суда 6 участка Фрунзенского района от 14 апреля 1936 г. Этим решением Светлов был признан временным жильцом на площади Кудря-

шева, поэтому суд отказал Светлову в иске о разделе площади и открытии самостоятельного лицевого счета.

В определении кассационной коллегии Московского городского суда от 28 июля 1936 г. также признается, что Светлов является временным жильцом на площади Кудряшева и права на площадь не приобрел. Однако Московский городской суд не нашел достаточных оснований для выселения Светлова и в нарушение закона отказал в иске Кудряшеву только потому, что Светлов проживает с 1933 г. на спорной площади и что семейное положение истца не изменилось.

Отказ в иске Кудряшеву по материалам дела не вытекает из закона и установленных судом фактических данных.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил определение кассационной коллегии отменить и оставить в силе решение народного суда.

СУДЕБНОЕ ПРИЗНАНИЕ ЗА СЕСТРАМИ ДОЛИ В ПРАВЕ ЗАСТРОЙКИ, ПРИОБРЕТЕННОЙ БРАТОМ НА СРЕДСТВА, ОСТАВШИЕСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

Сестры Александра и Анастасия Носковы проживали в Пушкине Московской области в доме старшего брата Носкова П. И., возведенном им на правах застройки.

Александра и Анастасия Носковы претендовали на четвертую долю права застройки на том основании, что в детстве они проживали с матерью и старшим братом в доме покойного отца в Москве, что Носков П. И., будучи фактическим опекуном малолетних сестер, реализовал имущество, оставшееся детям после смерти отца, и построил дачу в Пушкине на праве застройки, которое он оформил на свое имя в ущерб интересам истцов—его сестер.

Носковы все время проживают в спорной даче совместно с братом. Судебный спор между сестрами и братом Носковыми начался с 1933 г.

8 февраля 1935 г. гражданская коллегия Верховного суда РСФСР отменила решение народного суда от 3 апреля 1934 г. и определение кассационной коллегии Московского областного суда от 20 апреля 1934 г., указав, что суд, отказав в иске, не принял во внимание, что истцы были малолетние, а брат их—ответчик Носков П. И., будучи фактически опекуном, пользуясь бесконтрольностью, реализовал имущество опекаемых, получил участок под застройку и построил дом на свое имя, нарушив тем самым ст. 86 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Решением от 19 мая 1935 г. народный суд 47 участка Пушкинского района присудил в пользу Носковых Александры и Анастасии 2500 руб. и выделил в их пользование одну комнату с прилегающим коридором из той площади, которая осталась у Носкова в половине дачи после продажи половиной доли права застройки гр. Григорьевой. Эту продажу части застройки ответчик объяснил необходимостью рассчитаться с сестрами согласно судебному решению.

5 июня 1935 г. кассационная коллегия Московского областного суда это решение оставила в силе.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по жалобе Носкова П. И. 29 декабря 1935 г., изменила решение, исключив из него предоставление Носковым Александре и Анастасии жилищной площади в половине дома, принадлежащей ответчику. В части присуждения 2500 руб. с судебными издержками решение было оставлено в силе.

Сестры Носковы обратились с жалобой в Прокуратуру Союза ССР, в которой указали, что вместе с братом они проживали в отцовском доме, проданном ответчиком после смерти отца.

С начала застройки в Пушкине они проживали и проживают в выстроенной братом на деньги от реализации наследства даче. Они вправе претендовать на долю права застройки. Жить им негде. Их интересует жилищная площадь. Обе они работают. Одна из сестер Носковых больна эпилепсией. 5 мая 1936 г. ответчик Носков и гр. Григорьева, купившая у него половину права застройки с включением той части дома, где проживают истцы, подали в Прокуратуру Союза ССР заявление о своем согласии предоставить сестрам Носковым занимаемую ими жилищную площадь с прилегающим коридором на правах участия в общем праве застройки. Дело было направлено в народный суд Пушкинского района для оформления мирового соглашения, однако стороны не пришли к соглашению.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание, что Верховный суд уже признал право сестер Носковых на часть имущества ответчика, что по конкретным обстоятельствам дела право истцов на долю в праве застройки может быть установлено судебным решением, что сам ответчик дал в свое время письменное согласие на предоставление сестрам доли в праве застройки, Прокуратура Союза ССР опротестовала определение гражданской коллегии Верховного суда РСФСР от 29 декабря 1935 г.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил: отменить определение гражданской коллегии Верховного суда от 29 декабря 1935 г. и дело передать в ту же коллегия иного состава для окончательного его разрешения с вызовом сторон и представителя Прокуратуры Союза ССР.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила отменить вынесенное по делу решение судебных органов и присудить сестрам Носковым Александре Ивановне и Анастасии Ивановне одну четвертую долю права застройки Носкова Петра Ивановича в Пушкине по Тургеневской улице, д. № 13, признав их совладельцами означенного владения, каждую в одной восьмой доле. Оставить в натуре в пользовании сестер Носковых ныне занимаемую комнату и рядом находящуюся кладовку с правом пользования и общим коридором, примыкающим к их комнате.

НЕДОПУСТИМОСТЬ ВЫСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ ЖИЛПЛОЩАДЬ ПО ТРУДОВОМУ ДОГОВОРУ И ОСТАВИВШИХ СЛУЖБУ ВПОСЛЕДСТВИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ

РЖСКТ «Фрунзенское объединение» предъявил иск к гр. Перцову М. В. о выселении на

том основании, что спорную площадь в доме № 6 по Оболенскому переулку получил сын Перцова С. М. в связи с работой в РЖСКТ. В настоящее время Перцов С. М. отбывает наказание и с РЖСКТ трудовую связь утерял. Перцов же М. В. никакой связи с РЖСКТ не имеет.

Народный суд 23 апреля 1936 г. решил Перцова М. В. со всеми проживающими выселить.

Кассационная коллегия Московского городского суда решение оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Перцов М. В., ответчик по делу, поселился на спорной площади в 1931 г., когда дом принадлежал не РЖСКТ «Фрунзенское объединение», а строительной организации, в которой Перцов М. В. работал и откуда он был уволен по сокращению штата. Впоследствии дом перешел в ведение РЖСКТ.

Указание РЖСКТ на то, что площадь получил сын Перцова М. В. — Перцов С. М. — не правильно.

Перцов М. В. получил жилищную площадь не в связи с трудовым договором с РЖСКТ, а в связи с трудовым договором с 10-й строительной конторой постройки № 312 МГЖС и отсюда был уволен по сокращению штата. Следовательно, суд должен был исходить не из взаимоотношений Перцова М. В. с РЖСКТ, а из взаимоотношений Перцова М. В. с конторой постройки МГЖС, правопреемником которой является РЖСКТ.

На основании закона от 20 августа 1928 г. и постановления пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. лица, уволенные по сокращению штата, выселяются с предоставлением им жилищной площади.

Перцов М. В., уволенный по сокращению штатов из организации, от которой он получил жилищную площадь, может быть выселен лишь с предоставлением ему другой, годной для жилья жилищной площади.

Проверкой на месте Прокуратурой Союза ССР было установлено, что спорный дом не является бараком временного типа, построенным со специальной целью для строительных рабочих, а это каменный жилой дом постоянного типа, в котором проживают члены и служащие РЖСКТ.

Исходя из изложенного, Прокуратура Союза ССР считает выселение возможным лишь при условии предоставления Перцову другой, годной для жилья площади.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ДАВНОСТНОГО СРОКА ПО ДЕЛАМ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА РАБОТЕ

Сергиенко работал в Харьковском госнарпите в должности кладовщика столовой № 166. 13 марта 1936 г. Сергиенко был уволен по собственному желанию.

Так как Сергиенко не получил справки об увольнении и не мог поступить на другую ра-

боту и кроме того оспаривал произведенный с ним расчет, он обратился в РКК.

20 апреля 1936 г. на заседании РКК стороны к соглашению не пришли. Вопрос рассматривался на РКК только в части требований Сергиенко о произведенных удержаниях из его зарплаты, об оплате выходных дней и сверхурочной работы.

9 июля 1936 г. РКК рассматривала вопрос о восстановлении Сергиенко на работе и оплате вынужденного прогула с 13 марта 1936 г. Стороны к соглашению не пришли.

Сергиенко обратился с иском в народный суд по трудовым делам г. Харькова.

Он повторил свои требования в части неправильного расчета, а также в части оплаты вынужденного прогула за 3 месяца.

Суд удовлетворил иск лишь в сумме 79 руб., т. е. в части требований, поддержанных рабочей частью РКК в заседании от 20 апреля 1936 г.

В остальной части суд отказал, ссылаясь на соглашение сторон в РКК (чего на самом деле не было).

ГКК Харьковского областного суда, признав, что часть требований Сергиенко была разрешена уже на РКК и что в отношении остальной части требований жалобщик пропустил установленный законом 14-дневный срок, решение суда отменила и в иске Сергиенко отказала.

Решение в части отказа в иске об оплате вынужденного прогула Прокуратура Союза ССР опротестовала по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что вопрос о восстановлении Сергиенко на работе и оплате вынужденного прогула рассматривался на РКК впервые 9 июля 1936 г. Стороны к соглашению не пришли.

Сергиенко обратился в суд с этим требованием 16 июля 1936 г., что видно из резолюции народного судьи на искомом заявлении Сергиенко. Следовательно, срок давности истец не пропустил.

Материалами дела подтверждается, что справка об увольнении действительно была выдана истцу через 3 месяца после увольнения, почему он не мог поступить на работу. Это видно из протокола заседания РКК от 9 июля 1936 г.

Ответчик на суде не представил никаких доказательств в опровержение этого факта. Он только неосновательно ссылаясь на якобы последовавшее соглашение сторон на заседании РКК. Из протокола РКК видно, что соглашение достигнуто не было.

Президиум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда от 20 июля 1936 г. и определение кассационной коллегии областного суда от 17 августа 1936 г. отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

НАРУШЕНИЕ СТ. 5 ГПК

Вагоноремонтный завод «Памяти революции 1905 г.» предъявил иск к бывшему агенту материального отдела завода Наумову П. В. о взыскании 2380 руб., полученных Наумовым в подотчет наличными деньгами и денежными документами.

В уголовном порядке дело, возбужденное в отношении Наумова, было прекращено.

Народный суд удовлетворил иск завода, решив взыскать с Наумова 2380 руб., исходя из того лишь формального соображения, что эти 2380 руб. числятся в подотчете Наумова и он не смог представить оправдательных документов.

Между тем, из материалов дела видно, что Наумов не получал в подотчет больших денежных сумм, что наличными деньгами Наумов получал по 20—30 руб., не больше, что основная часть суммы, которая числится за Наумовым, состоит из счетов, которые вручались Наумову для получения товаров и которые записывались ему в подотчет. Комиссия, проверявшая по поручению начальника завода причины недостачи, в выводах указала, что при существовавшей системе выдачи подотчетных сумм невозможно установить, в чем выражается сумма недостачи и что нельзя отнести всю недостачу у Наумова за счет оседания у него подотчетных сумм. Несмотря на наличие в распоряжении суда этих данных, говорящих о том, что отсутствие оправдательных документов Наумова может объясняться работой бухгалтерии, суд не назначил экспертизу по данному делу, не собрал достаточных доказательств, чем нарушил ст.ст. 5 и 118 ГПК. Судом не установлен основной факт — правильно ли бухгалтерия зачислила в подотчет Наумова 2380 руб.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда, утвердившее это решение.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил: решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ СУДОМ К СВОЕМУ ПРОИЗВОДСТВУ ДЕЛА, ПОДВЕДОМСТВЕННОГО ГОСАРБИТРАЖУ

20 июля 1936 г. народный суд г. Кисловодска решил выселить по иску курортного управления санаторий ЦК железнодорожников из занимаемого помещения за истечением срока арендного договора.

Кассационная коллегия и президиум Северокавказского краевого суда решение народного суда оставили в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала это решение по следующему основанию.

Народный суд и краевой суд нарушили ст. 21 ГПК РСФСР, приняв данное дело к своему производству, в то время как споры между организациями обобщественного сектора, вытекающие из договоров найма (если цена иска превышает 1000 рублей), подведомственны Государственному арбитражу.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила решение народного суда и определение кассационной коллегии Северокавказского краевого суда отменить и дело в судебном порядке за неподсудностью прекратить.

По союзным республикам

РСФСР

Забота о кадрах

Каждый прокурорский работник, который добросовестно, настойчиво и твердо проводит в жизнь линию партии, каждый прокурорский работник, который умеет противостоять, когда это нужно, местному влиянию, который умеет по-большевистски драться за социалистическую законность, — каждый такой прокурорский работник должен знать, что если он за стойкое проведение прокурорской работы будет подвергаться притеснениям со стороны местных организаций, он найдет крепкую и надежную защиту в вышестоящей прокуратуре.

К сожалению, в ряде мест этого до сих пор еще нет. Районный прокурор зачастую остается одиноким в своей борьбе за социалистическую законность, подвергается в отдельных случаях самым серьезным притеснениям, а вышестоящая прокуратура молча выжидает или даже прямо предает своего прокурора, идя на поводу местных настроений. Такой случай недавно имел место в Удмуртской АССР. Прокурор Вавожского района

т. Кунгуров был исключен из партии «как враг партии». Предъявили ему 18 пунктов обвинения. А все дело против т. Кунгурова возникло вследствие того, что он не согласился с местным партийным руководством и не прекратил совершенно правильно возбужденное им дело в отношении ряда местных работников, которые грубейшим образом извращали социалистическую законность, занимались возмутительным администрированием в отношении как единоличников, так и колхозников.

Тов. Кунгуров проявил совершенно правильную партийно-прокурорскую настойчивость, дело довел до конца, суд с ним согласился и вынес обвинительный приговор нарушителям социалистической законности. Его настойчивость не понравилась. Против него создали дело, исключили его из партии. Прокурор Удмуртской АССР т. Красильников вместо того, чтобы крепче взять т. Кунгурова под защиту, ибо необоснованность выдвинутых против т. Кунгурова обвинений была очевидной, вместо того, чтобы отстоять до конца правильно вынесенный приговор по делу, за которое правильно дрался районный прокурор, т. Красильников совершенно неправильно приостановил исполнение приговора по делу и т. Кун-

гурова предоставил самому себе. Он фактически палец о палец не ударил в защиту т. Кунгурова. В это дело вмешалась Прокуратура РСФСР, которая поставила этот вопрос перед Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Комиссия партийного контроля отнеслась с величайшей чуткостью к этому делу. Для проверки был выслан на место работник Комиссии партийного контроля. Вопрос слушался на бюро Комиссии партийного контроля. Тов. Кунгуров был восстановлен в партии и вернулся на работу в свой район. Секретарь райкома был с работы снят.

Аналогичный случай имел место в Саратовской области. В Бековском районе Саратовской области был исключен из партии районный прокурор т. Зернаков. Тов. Зернакову инкриминировался отрыв от партийной организации, недисциплинированность, смазывание политически важных уголовных дел и т. д. Бывший прокурор Саратовской области, который должен был хорошо знать работу т. Зернакова, который обязан был знать о той обстановке, которая создавалась вокруг т. Зернакова, и обязан был немедленно вмешаться в это дело, однако прошел мимо этой вопиющей расправы.

Прокуратура РСФСР выслала на место своего представителя, который совместно с уполномоченным Комиссии партийного контроля и обкома партии выехали на место, проверили и пришли к единодушному выводу о том, что исключение из партии т. Зернакова было абсолютно необосновано, что оно явилось результатом сведения счетов с неугодным и непослушным прокурором.

Саратовский обком партии выправил ошибку, допущенную в отношении т. Зернакова, но, однако, обошелся чрезвычайно мягко с секретарем райкома и другими руководящими работниками района, которые организовали эту расправу.

Бюро Комиссии партийного контроля рассмотрело этот вопрос и вынесло постановление секретаря райкома с работы снять.

В практике работы Прокуратуры РСФСР имел место ряд подобных случаев. Краевые, областные прокуроры и прокуроры автономных республик не оказывают должной авторитетной помощи районному прокурору, когда он оказывается в затруднительном положении и подвергается иногда прямой расправе в результате своей правильной прокурорской работы.

Краевые, областные прокуроры не проявляют всей необходимой вдумчивости и тщательности при рассмотрении и разрешении вопросов о снятии прокурорского или следственного работника, совершившего тот или иной проступок.

Бесспорно, что в составе наших работников на месте, и об этом говорят материалы по проведенной проверке кадров, имеется много работников, не удовлетворяющих высоким требованиям, предъявляемым сейчас к прокурорским работникам. Есть много товарищей малоквалифицированных. Есть очень много опытных практиков, но совершенно неискушенных в теории. Есть много товарищей, которые настолько погрязли в повседневной текучке, что как бы оторвались от всей огромной, бьющей ключом теоретически идейной и культурной работы, идущей в стране. Многие

работникам нужна серьезная и солидная помощь по подготовке и переподготовке. Кое-кого нужно перебросить на менее ответственную работу. Но, бесспорно, в каждом отдельном случае нужно подходить внимательно, чутко, бережно и индивидуально.

К нам поступает немало предложений от краевых, областных прокуроров санкционировать снятие того или иного работника с работы, причем данный краевой или областной прокурор даже не удосужился этого работника вызвать к себе, лично с ним побеседовать, посмотреть на него, хотя этот работник работает ряд лет в прокуратуре.

Недавно прокурор Ярославской области т. Юрчук просил санкционировать снятие с работы одного своего работника — помощника городского прокурора. Тов. Юрчук писал, что этот товарищ абсолютно безнадежный, так как он не осваивает и не в состоянии освоить нашу работу. Мы вызвали этого работника вместе с т. Юрчуком в прокуратуру РСФСР. Этот товарищ оказался старым членом партии, рабочим, работающим в органах прокуратуры очень небольшой отрезок времени. Этот товарищ рассказал, что за все время его прокурорской работы никто его работе не учил. Его посадили на определенный участок и велели работать, он и работает. Он не учился ни на каких юридических курсах и естественно, что он в данный момент не подготовлен для прокурорской работы. Мы приняли решение, с которым согласился и т. Юрчук, направить этого товарища на учебу.

При проверке аттестации приходится сталкиваться с такими явлениями, когда прокурорские работники имеют по 10 дисциплинарных взысканий, наложенных краевым (областным) прокурором. Это не метод воспитания кадров. Ошибки работников нельзя замазывать. Нужно беспощадно их вскрывать. Нужно на ошибках исправлять, обучать кадры, но надо это делать по-большевистски. Объявление одному и тому же работнику через каждые несколько месяцев выговора в приказе приучает данного работника несерьезно относиться к этим взысканиям. Такой метод воспитания и обучения кадров результатов не дает.

Забота о кадрах, воспитание людей, выращивание смены, обучение людей на ошибках, умелое выявление этих ошибок, защита кадров тогда, когда они ведут правильную линию, — важнейшая политическая задача всех работников прокуратуры. Материалы по аттестации должны быть всемерно использованы для того, чтобы имеющиеся кадры работников воспитать, подготовить для того, чтобы они с честью могли выполнять возложенные на них задачи.

Ф. Нюрина.

Готовим смену

20 апреля 1937 г. со второго пути Северного вокзала в Москве отправлялся поезд № 42 на Дальний Восток в Хабаровск.

Все пассажиры, провожающие смотрели, прислушивались к тому, что делалось возле вагона № 6. Там было очень молодо, весело и радостно. Масса цветов, молодые радост-

ные женские лица. По всему перрону неслись радостные звуки песни «Каждый молод сейчас в нашей чудной, прекрасной стране». 24 девушки. У каждой в руках цветы. Глаза горят, лица полны особого волнения. Много молодых ребят-комсомольцев провожает этих девушек. Взволнованные лица матерей. Одна втихомолку утирает непокорную слезу. Мальчик лет десяти в красном пионерском галстуке вцепился в сестру и настойчиво повторяет: «Главное, научись хорошо стрелять, ведь там граница, понимаешь».

Эти девушки едут на Дальний Восток по призыву Валентины Хитогоровой. Они едут для работы в органах юстиции. Они будут проходить трехмесячные курсы в Хабаровске, а потом приступят под руководством и при помощи опытных работников к практической следственной работе.

Кто они, эти девушки?

Комсорг группы т. Афонина. Она с Метро-строй. «Трудностей, которые будут на Дальнем Востоке, — говорит т. Афонина, — мы не испугаемся, потому что мы к ним привыкли. Первое время и на метро было трудно». На метро т. Афонина и еще две ее подруги, которые тоже едут на Дальний Восток, работали 4 года. Они работали бетонщицами, проходчицами, изолировщиками. Две ее подруги овладели техникой летного дела — они пилоты запаса. У т. Афониной плохое зрение и поэтому она летному делу не могла учиться.

Старостой группы единодушно выбрана т. Лосенкова. Она немножко смущена большой ответственностью, возложенной на нее, но девушки ее слушают и она даже сразу как-то повзрослела, стала серьезнее. Прощаясь с родными, разговаривая с провожающими ее друзьями, она каждый раз обводит глазами, проверяет, все ли на месте, все ли в порядке.

Тов. Лосенкова 7 лет пошла в пионеры, 14 лет ее перевели в комсомол.

Тов. Корсакова тоже едет в Хабаровск. Она рассказывает о том, как она отнеслась к призыву Валентины Хитогоровой. «Я поняла этот призыв, — говорит т. Корсакова, — как призыв к работе на том участке, где нужны люди для пользы нашей страны и нашего социалистического строительства. Я подошла к этому очень серьезно. Я все продумала. Раз нужны девчата, то нужны крепкие люди. Наши девчата действительно с крепким упорством, с большим энтузиазмом. Меня тянет работа, где имеются большие трудности. Передо мной стоит первая и основная задача — оправдать то доверие, которое нам оказывает прокуратура».

Так же серьезно и деловито рассказывает т. Максакова о том, как возникло у нее желание поехать на Дальний Восток. Тов. Максакова работала на метро. На метро она пришла по собственной инициативе. «У нас не было спецодежды, — рассказывает т. Максакова, — и нам пришлось работать в лыжных костюмах. Работали зимой. Все время приходилось возиться в грязи, копать землю кирками и кувалдой. Окончилась первая линия, мы пошли на вторую. В шахте осталось 75 мужчин и три девушки. В 1935 г. я окончила планерную школу, но в 1936 г. мне не пришлось учиться, так как на метро приходилось работать по несколько суток не приходя до-

мой; поспим где-нибудь в уголочке и опять за работу». Но все же т. Максакова кончила летную школу.

«Я думаю, — говорит т. Максакова, — что мы, 24 девушки, не только успешно окончим юридические курсы, но и будем хорошими ворошиловскими стрелками, чтобы бить врага не только хорошим следствием, но, если это будет нужно, хорошо прыгать с воздуха. Я думаю, что мы все там займемся спортом, стрельбой и будем укреплять Дальний Восток боевой подготовкой».

Дальневосточная краевая прокуратура совершенно правильно проявила необходимую смелость и взяла на себя обязательство обеспечить комсомолкам необходимую учебу, помощь, чтобы вырастить себе надежную смену.

Прокуратура Республики каждую снабдила документами, организовала им отъезд, обеспечила материально, с каждой говорила, людей узнала.

Народ поехал молодой, но уже прошедший порядочную и серьезную жизненную школу. Отнеслись к поездке серьезно, по-деловому. В Москве прошли десятимесячную юридическую «зарядку» при Прокуратуре Союза ССР.

Надо приложить все усилия к тому, чтобы горячий советский энтузиазм, настоящая преданность родине, желание работать были должным образом направлены, и тогда Дальневосточная краевая прокуратура получит хорошую смену.

Ф. Шарова.

Борьба со спекуляцией

Прокуратурой РСФСР в начале 1937 г. была проделана работа по изучению борьбы со спекуляцией органов расследования, прокуратуры и суда.

Результаты этого изучения дали достаточно интересный материал, дающий возможность сделать ряд выводов и обобщений.

Прежде всего необходимо отметить, что, начиная со второй половины 1936 г., органы расследования и прокуратуры решительно усилили борьбу со спекуляцией, что сказалось на резком повышении числа лиц, привлеченных за спекуляцию во втором полугодии 1936 г. в сравнении с 1935 г. и первым полугодием 1936 года. В последние месяцы 1936 г. число привлекаемых по ст.ст. 105 и 107 УК определенно снижается. Объяснить это снижение можно лишь как результат сильного карательного воздействия на спекулятивные элементы в августе — октябре 1936 г. и изъятия в этот период карательными органами значительного числа профессиональных спекулянтов.

Обращаясь к классовому составу лиц привлеченных за спекуляцию, отмечаем в связи с растущей коллективизацией деревни резкое уменьшение привлекаемых за спекуляцию единоличников. По сравнению с первым полугодием 1935 г. второе полугодие 1936 г. дает снижение почти вдвое. Процентное отношение привлекаемых за спекуляцию колхозников в 1935 и 1936 гг. остается почти без всяких изменений, составляя около 20% всех привлеченных.

Наибольший процент увеличения дает категория «прочих». Если в первом полугодии «прочие» составляли всего 2,6%, то во втором

полугодии их уже 27,20%. Чем объясняется столь быстрый рост «прочих», из кого они состоят? Этот рост объясняется, в первую очередь, недостаточным вниманием органов прокуратуры к составлению статистических сведений и неудовлетворительной работой органов расследования, которые, торопясь поскорее закончить дело, нередко недостаточно выясняют социальное лицо привлекаемого. В категорию «прочих» попадает большой процент домашних хозяек, для которых в статистических ведомостях нет специальной рубрики. По проходящим же через Прокуратуру Республики жалобам и делам, а также по докладным запискам местных прокуроров видно, что спекуляция — один из тех немногих видов преступления, по которым женщин привлекается не меньше, чем мужчин, если не больше. Значительная часть привлекаемых за спекуляцию женщин относится к категории домашних хозяек, часть профессиональные спекулянтки, в меньшем числе жены крестьян, рабочих, служащих, инвалидки, вдовы и т. п.

За второе полугодие 1936 г. были проведены обследования работы ряда прокуратур по делам о спекуляции. Материалы обследований и проверок подтверждают, что хотя во втором полугодии расследования по этим делам шли гораздо быстрее, быстрее эти дела проходили в судах, однако, до сих пор борьба органов юстиции со спекуляцией проходит неудовлетворительно.

Установленные сроки расследования не всегда соблюдаются частью не по вине органов расследования. Это бывает в тех случаях, когда задерживаются по подозрению в спекуляции лица, приехавшие из других мест, и когда неизбежна посылка отдельных требований по месту их постоянного жительства.

Плохо, как и раньше, обстояло дело во втором полугодии 1936 г. с качеством расследования по делам о спекуляции. Это буквально больное место. Качество расследования, как правило, обратно пропорционально сроку. Зачастую все расследование состоит из допроса одного-двух свидетелей. Наиболее характерно это для расследований, производимых милицией, которая производит расследование 94% всех дел этой категории. Неудовлетворительное качество расследования нередко приводит к неправильному привлечению к уголовной ответственности по ст.ст. 105 и 107 УК. При проверке дел в порядке надзора подчас поражаешься, каким образом остаются без выяснения такие существенные обстоятельства, необходимость расследовать которые прямо бросается в глаза.

Основной недостаток органов следствия, суда и прокуратуры в борьбе со спекуляцией заключается в том, что организаторы спекуляции, вожаки, руководители в большинстве случаев остаются нераскрытыми и безнаказанно продолжают орудовать после того, как отдельные спекулянты и перекупщики предаются суду. Комиссия советского контроля при СНК СССР обнаружила исключительно плохую работу органов юстиции по Куйбышевскому краю. В частности в Сергиевском районе Куйбышевской области народный суд систематически квалифицировал случаи значительной спекуляции по ст. 105 УК и приговаривал к мелким денежным штрафам или к коротким срокам исправитель-

но-трудовых работ по месту службы. В меньшей степени, но подобную слаость проявили народные суды г. Куйбышева и Сызрани. Прокуратура не реагировала на вынесение подобных приговоров. Вот пример. Некто Демин с 4 судимостями и 6 приводами неоднократно задерживался за скупку-перепродажу часов. Народный суд 3 участка г. Пензы осудил Демина не по ст. 107, а по ст. 105... к одному году исправительно-трудовых работ. Приговор не был своевременно опротестован. Бывший торговец Комаров систематически скупал облигации госзаимов не выше 10% номинала, был привлечен к ответственности по ст. 107 УК. Суд переквалифицировал на ст. 105 и приговорил к 200 руб. штрафа. Приговор был отменен по протесту прокуратуры; при новом рассмотрении дела Комаров был осужден к 5 годам лишения свободы. Таких случаев, однако, немного. В ряде случаев прокуратура не обращала достаточно внимания на неправильное прекращение дел. В г. Пензе Куйбышевской области было прекращено дело Киримова (без определенных занятий), получившего из Москвы посылкой 537 катушек ниток явно для спекуляции.

Наряду с этим имеет место ряд случаев явно необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 107 УК.

Несколько примеров по Москве. Пожарник Заитов был привлечен осенью 1936 г. за то, что он продал в 1935 г. одну пару ботинок; никаких данных, чтобы он раньше или позже занимался перепродажей, нет. Однако это дело дошло до суда: в подготовительном заседании оно было прекращено. Домашняя хозяйка Загожинская привлекалась по ст. 105 УК главным образом «ввиду покупки ею живых кур», дело прекращено в подготовительном заседании. Сборщик утиля Годлевский нашел на помойке старые грязные кальсоны; за попытку продать эти кальсоны без талона он был привлечен к суду; дело прекращено в подготовительном заседании суда.

В Горьковском крае была привлечена к ответственности по ст. 107 УК работница кожевенной фабрики Воронова за то, что она была задержана на рынке с 16 м. мануфактуры и двумя меховыми детскими воротниками. Скупки и перепродажи этих вещей не установлено. Раньше в спекуляции она не была замечена. Дело прекращено.

Несколько выводов. Проверенные в порядке надзора дела дают возможность установить ряд случаев явно необоснованного возбуждения дела. Органы расследования предъявляют ст. 107 УК при отсутствии фактов скупки и перепродажи. Органы расследования строят обвинение в спекуляции на основании одних только слухов и разговоров, в то время как конкретных фактов спекуляции не установлено. Обвинение нередко предъявляется лишь только потому, что во время обыска в кваргчре оказываются 40—70 м мануфактуры, в то время как конкретных фактов перепродажи мануфактуры по повышенной цене не установлено. Обвинение в спекуляции предъявляется и тогда, когда налицо лишь переуступка знакомым или родственникам 10—20 м мануфактуры по той же цене, за какую она куплена.

Участие прокуратуры в подготовительных заседаниях народных судов по делам о спекуляции все еще недостаточно. В первом полу-

годни 1936 г. оно составляло всего лишь 51,2%. За второе полугодие статистических сведений нет, но, судя по сообщениям местных прокуратор, участие прокуроров в подготовительных заседаниях значительно увеличилось, хотя далеко еще не достигло 100%.

Недостаточно и выступление прокуроров в качестве обвинителей по делам о спекуляции в судебных заседаниях народных судов.

Явный недостаток в работе прокуратуры — неиспользование права принесения кассационных протестов даже в тех случаях, когда прокурор выступает обвинителем в первой инстанции, и преобладание надзорных протестов. Таким образом нормальный порядок опротестования приговоров подменен исключительным. Пора прокурорам так построить свою работу, чтобы протесты приносить в кассационном порядке, а не в надзорном, зачастую даже через несколько месяцев после вынесения приговоров.

Судебная репрессия по делам о спекуляции характерна повышением удельного веса лишения свободы. Во втором квартале лишение свободы составляло 82,7%, в третьем квартале — 91,0% (в том числе лишение свободы на срок ниже 5 лет снизилось с 4,9% до 1,8%). К исправительно-трудовым работам в третьем квартале 1936 г. было приговорено 2% вместо 5% во втором квартале. Условное осуждение в третьем квартале снизилось с 10,4% до 5,9%.

Борьба со спекуляцией велась органами прокуратуры до сих пор недостаточно удовлетворительно. Сейчас краевые и областные прокуратуры вплотную занялись этим делом, и надо полагать, что положение выправится.

М. А.

Марийские отцы просвещения

Руководители Марийского отдела народного образования Суворов и Садовин и инспектор Белянин разослали директорам средних школ и отделам народного образования «схему» квартальной отчетности о работе средних школ.

Читаешь эту «схему» и удивляешься безмерности головотяпства зарвавшихся бюрократов, попирающих советский закон, который строго запрещает вводить без разрешения органов народного хозяйственного учета всякую дополнительную отчетность. Свыше пятидесяти вопросов ставит эта «схема» перед директорами школ и требует на них в конце каждой четверти года «известовательных» ответов.

Как бы желая доканать директоров школ неотступностью своих требований, Суворов, Садовин и услужливый инспектор Белянин в строгой «препроводительной» предупредили директоров, «что эта схема не упраздняет статистического ответа по четвертям» и что кроме того «непредставление отчета к указанному сроку повлечет за собой строгие меры взыскания...».

Познакомимся с продуктом «творческих» способностей марийских мудрецов.

Вот раздел первый; в нем, помимо отеческой заботливости о школьных помещениях, горячих завтраках, о животноводстве, о работе комсомола и т. п., заключено и предложение сообщать каждый квартал об урожае, собранном со школьного участка, и обязательно отдель-

но по каждой культуре, и о расходовании этого, в году четыре раза собираемого урожая. Какими такими агронейсповедимыми путями марийские отцы просвещения добились столь блистательных результатов на школьных участках, что могут собирать жатву четыре раза в год? Отсюда рукой подать и до требования сообщать каждую четверть о том, «как увязывалось преподавание химии, биологии, физики и математики с работой пришкольного участка и особенностями района...»

А дальше директору школы предлагается продумать (также четыре раза в году) такие вопросы:

«состояние работы педагогических совещаний»;

«состояние марксистско-ленинского воспитания»;

«как школа использовала данные медицинских осмотров»;

«физическое состояние детей»;

«какие методы по отдельным дисциплинам применялись»;

«в чем выражалась работа по антирелигиозному, интернациональному, художественному и физическому воспитанию детей»;

«роль стенной газеты в деле учебно-воспитательной работы»;

«работа добровольных обществ»;

«виды общественно-полезной работы (содержание и форма)».

Сидят бедные директора школ и раздумывают, а не ответить ли — взыскание грозит.

Прокуратура РСФСР поручила прокурору Марийской АССР опротестовать эту противозаконную «схему» отчетности.

Надеемся, что марийские мудрецы при помощи прокуратуры и Наркомпроса будут поставлены на свое место и на самих себе почувствуют всю горечь тех взысканий, которыми они грозили нарушителям изобретенной ими «схемы».

Бедняшов.

Об извращениях в работе Воднотранспортного суда Верхне-волжского бассейна

В практике суда Верхневолжского бассейна имеется целый ряд случаев, когда отдельные судьи плохо знакомятся с делами, дают неправильный анализ материалов, в результате чего выносятся ошибочные решения подготовительных заседаний суда.

По делу зав. магазином орс ВВРП Гагарина П. И., обвинявшегося в растрате 4 222 руб. 47 коп., несмотря на то что помощник Гагарина Баков — выдвигенец, проработавший с Гагариным немногим больше месяца, никакого отношения к растрате не имел, суд счел нужным привлечь Бакова к ответственности по делу как «соучастника» и с этой целью возвратил дело в прокуратуру. Последняя, передопроставив еще раз Гагарина и некоторых свидетелей, лишний раз подтвердивших свои первоначальные показания, вынуждена была остаться на своей прежней точке зрения и дело в отношении Бакова в порядке п. 5 ст. 4 УПК прекратила. Дело было передано в суд в таком виде, в каком оно было представлено первоначально. Приговором суда Гагарин осуж-

ден к лишению свободы, и этот приговор Верховным судом утвержден.

Другой случай. По делу Смирнова, обвиняемого по п. «в» ст. 59-3 УК, суд счел нужным дополнительно привлечь к ответственности механика парохода Сидорова, в отношении которого прокуратура ограничивалась дисциплинарным взысканием. Определение суда прокуратура выполнила, не производя никаких следственных действий и ограничившись предъявлением обвинения Сидорову, его допросом и составлением нового обвинительного заключения. При рассмотрении дела в судебном заседании, при наличии тех же материалов суд вынужден был в отношении Сидорова вынести оправдательный приговор и осудить лишь одного Смирнова. Этот приговор также Верховным судом утвержден.

Если в этих случаях суд допустил неосновательное привлечение к уголовной ответственности, то в ряде других случаев он освободил от ответственности лиц, совершивших преступление.

Суд в подготовительном заседании под председательством председателя бассейнового суда т. Генкина по докладу члена суда т. Евлашкина прекратил дело Кириллова, обвинявшегося по ст. 109 ч. I, ст. 116 УК. По протесту прокурора Верховный суд определение суда отменил, указав суду, что «в материалах дела усматривается, что в деяниях Кириллова имеются признаки преступления, предусмотренного ст. 109 УК; так свидетельница Горбачева утверждает, что она отпустила Кириллову 100 кг топленого масла, в подтверждение чего имеется расписка последнего в получении, хотя он отрицает фактическое получение масла. Суд, не допрашивая в судебном заседании ни подсудимого, ни свидетельницу, неосновательно признал, что получение масла Кирилловым не доказано».

Дело это бассейнный суд под председательством т. Евлашкина рассмотрел в судебном заседании и, несмотря на то, что Горбачева подтвердила свои первоначальные показания, все же вынес оправдательный приговор по ст. 116 УК. Приговор этот опротестован прокуратурой.

5 декабря 1936 г. суд обратил к исследованию дело по обвинению Кашина в допущении недостачи продуктов только потому, что Кашин в суде, признав свою вину и правильность бухгалтерской экспертизы о сумме недостачи, усомнился в получении незначительного количества продуктов по одной из накладных. Верховный суд по протесту прокуратуры вынес следующее определение: «Учитывая, что собственное признание обвиняемого и его обязательство о возмещении на определенную сумму причиненных им убытков являются достаточными данными для определения степени его виновности, что сомнения подсудимого Кашина в правильности количества недостающих продуктов, указанных в акте ревизии его отчетности за время работы на пароходе «Якубов», суд мог разрешить в ту или другую сторону при наличии подписи в акте капитана, так как эти сомнения касаются незначительного количества продуктов; требование суда выяснить дополнительно предварительным следствием фамилию никому неизвестной официантки совершенно нецелесообразно, так как оно неосуществимо, по крайней мере в более или

менее короткий срок, а показании этой официантки существенное изменение в дело внести не могут; в виду этого согласиться с протестом главного водного прокурора, отменить определение суда и дело возвратить для рассмотрения в судебное заседание по существу».

После этого суд разобрал это дело и осудил Кашина, а Верховный суд ут. дил приговор, но факт волокиты и неосновательного возвращения дела к рассмотрению остается фактом.

В другом случае, по делу Костыревой, обвиняемой по ст. 116 ч. I УК, после двукратной бухгалтерской ревизии, проведенной в присутствии самой обвиняемой, она вынуждена была признать правильность сумм образовавшейся у нее недостачи на две трети недостающей суммы (1500 руб.) признала израсходованной на личные нужды, а об остальной сумме объяснений не дала, одновременно оговариваясь, что точность учета взятым из кассы лично для себя деньгам не вела и говорит о взятой сумме приблизительно. Казалось бы, что данных для судебного рассмотрения было достаточно. Однако суд по одному лишь голословному заявлению Костыревой, в котором она просила «продлить следствие», направил дело к исследованию для производства бухгалтерской экспертизы. Произведенное прокуратурой исследование никаких новых материалов не дало, и дело было направлено в суд, который принял его к своему производству. Кому нужна была заведенная судом волокита?

В практике суда Верхневолжского бассейна бывают такие случаи, когда дела в отношении ответственных работников сознательно ставятся келейно. Как-то неудобно, видите ли, судить такого работника на виду у общественности. Видимо, из этих соображений член суда т. Титов, написавший извещение председателю затонкома завода им. Постышева о предстоящем слушании дела по обвинению директора завода Эрлиха в грубом нарушении права техники безопасности, тщательно зачеркнул в нем слова «о предстоящем процессе оповестить общественность». Немудрено, что парторг завода, получив эту бумажку, выяснил вопрос в политотделе пароходства и в прокуратуре. К огорчению т. Титова, на процессе присутствовало около 600 рабочих, т. е. столько, сколько мог вместить зал клуба. Рабочие живо интересовались этим делом, так как в течение 2 лет мероприятия по технике безопасности директором Эрлихом игнорировались, и были случаи, когда рабочих в состоянии тяжелого угара вытаскивали из литейного цеха.

Верховный суд должен пристально присмотреться к работе суда Верхневолжского бассейна и сделать необходимые выводы.

М. Метелев.

Как я улучшил свою работу

Работая в должности народного следователя 11 лет (с 1926 г.), я долгое время выполнял возложенные на меня обязанности, не проявляя надлежащего интереса к исходу дел, над которыми я работал. Это можно было объяснить в первую очередь тем, что следовательской работой меньше всего интересовались и не руководили ею, что иногда приводило к тому, что следователь превращался в курьера или в сотруddника для личных поручений при

районной прокуратуре и использовался для всякого рода проверок, обследований, ничего общего не имевших со следственной работой.

Мероприятия Прокуратуры Союза ССР, направленные к повышению качества следствия, начиная с 1935 г. внесли резкий поворот в работу следователей и, в частности, в мою работу, и я для обеспечения высокого качества следствия поставил себе целью овладеть техникой своего дела.

Вот несколько примеров из опыта моей работы:

1 декабря 1936 г. мне было сообщено по телефону, что в с. Ленинском в сених своей квартиры был обнаружен труп 63-летнего колхозника Овдеенко М. К. Тщательным осмотром места происшествия я обратил внимание на следующие моменты: на крыльце, ведущем в сени, была обнаружена шапка, принадлежащая убитому Овдеенко, на которой посредине имелась прорубленная дыра. Труп лежал в сених, пол которого был засыпан свежей желтой глиной, следов крови не было, несмотря на то что осмотром трупа было обнаружено на голове шесть колотых ран, нанесенных острым орудием, только одна лужа крови имелась на том месте, где лежала голова.

Осмотром трупа было установлено, что труп одет в чистое нательное белье. Следов кровавых пятен на трупе обнаружено не было. Ноги трупа были обуты в валенки. Осмотр их на подошвах отпечатков земли не обнаружил.

Осмотром комнаты, ведущей из сеней в квартиру убитого Овдеенко, было установлено, что земляной пол вымазан свежей желтой глиной.

При сравнении прорубленной дыры, обнаруженной на шапке убитого, с ранами, нанесенными на голову, дыра на шапке не сошлась ни с одной раной.

Все эти моменты дали возможность установить, что здесь имело место убийство не в сених, а в самой квартире, и после убийства труп, персодетый в чистое белье, был перенесен в сени для инсценировки случайного убийства Овдеенко при выходе ночью на двор. Это целиком подтвердилось. Следствием было установлено, что убийство Овдеенко совершила его жена Овдеенко Настя, чтобы овладеть его деньгами.

В 1936 г., располагая материалами о злоупотреблениях в совхозе «Коноплевод», я приступил к производству следствия, коим были установлены явные злоупотребления со стороны дирекции совхоза. Я предъявил обвинение по ст.ст. 97—99 УК УССР и дело направил для санкции Черниговской областной прокуратуре, где дело, пролежав два месяца, было мне возвращено с постановлением бывшего областного прокурора т. Семенова о прекращении дела, что крайне меня поразило, а еще больше изумили выводы областного прокурора, на основании коих дело было прекращено. Тов. Семенов характеризовал обвиняемого директора совхоза Белькевича как одного из лучших директоров совхоза системы Наркомзема, а какой это директор, — стало известно в 1936 г., когда в связи с преступно-бесхозяйственным отношением его к выполнению возложенных на него обязанностей было сгноено урожая 1936 г. ржи 50 тонн, клеверных семян 250 га и допущен целый ряд крупных хищений, чем совхоз был доведен почти до развала и понес убыт-

ков до 300 тыс. руб. По моему ходатайству ранее прекращенное дело было возобновлено, и обвиняемые разоблачены и отданы под суд.

За 1936 г. из числа законченных следствием 63 дел 62 пошли с обвинительными заключениями и только одно было прекращено.

Из дел, переданных в суд, по 2 делам вынесены оправдательные приговоры.

В дальнейшем я принимаю все меры к тому, чтобы чрезвычайно ответственные требования, возложенные на следователя, в связи со Сталинской Конституцией выполнялись мною четко путем улучшения качества следствия.

А. Вайцер.

О нарушении прав советского гражданина работниками ярославской городской милиции

Работники первого отделения ярославской городской милиции Егоров, Борисов и Мартынов, грубо нарушив права советского гражданина, допустили беззаконные, вопиющие, хулиганские действия в отношении семьи рабочего ярославского паровозоремонтного завода т. Вавилова. Муж и жена Вавиловы были арестованы без достаточных на то оснований, а их дети самочинно были выслены из квартир.

Начальник первого отделения городской милиции Панов и прокурор Сталинского района Азолков, не разобравшись в деле Вавиловых, дали согласие на их арест. Обо всем этом рабочий-стахановец т. Вавилов написал заявление.

21 февраля бюро ярославского обкома рассматривало этот вопрос. Уполномоченный уголовного розыска первого отделения городской милиции Егоров за издевательство над семьей Вавилова исключен из рядов партии. Прокурору Сталинского района Азолкову Н. И. объявлен строгий выговор с предупреждением. Кроме того, он снят с работы.

Бюро обкома приняло к сведению сообщение начальника управления областной милиции т. Калабухова о том, что начальник первого отделения городской милиции Панов И. П., оперуполномоченный этого же отделения Мартынов Д. Н., уполномоченный отделения Егоров В. П. сняты с работы и предаются суду.

Ярославскому горкому предложено рассмотреть вопрос о партийности Панова И. П. и участкового инспектора Борисова Я. В.

Областному прокурору т. Юрчуку и начальнику областной милиции т. Калабухову бюро обкома указало на совершенно неудовлетворительный контроль за действиями подчиненных им органов. Тов. Юрчуку предложено расследовать факты формально-бюрократического отношения пом. прокурора т. Галицкого к жалобе Вавиловых.

Председателю областного суда т. Юрову предложено расследовать действия работников суда, разбиравших дело Вавиловых.

Бюро обкома поручило секретарю ярославского горкома ВКП(б) т. Иванову разъяснить решение бюро обкома коммунистам, работающим в органах суда, милиции и прокуратуры.

Дело в отношении Панова, Мартынова и Егорова было рассмотрено ревтрибуналом, приговорившим Панова к 5 годам лишения свободы, Мартынова — к 4 годам и Егорова — к 3 годам лишения свободы.

В Московском городском суде нарушают Сталинскую Конституцию

Под боком у председателя Московского городского суда творятся вопиющие нарушения закона работниками кассационных коллегий. Нам, студентам юридического вуза, пришлось наблюдать печальную картину: члены гражданской кассационной коллегии (председатель судебного заседания Ляховецкий, члены Волдин и Бугрин) при разборе дела № 811 27 января 1937 г. не имели у себя дела на stole судебного заседания. Для вида председатель держал две каких-то бумажки. Кассатор, заметив это безобразное явление, заявил немедленно председателю городского суда, но вывода почему-то нет.

Как это могло случиться? Председатель гражданской кассационной коллегии невнимательно относится к разбору кассаций. Мы удивляемся, как можно допускать человека, наплевавшего, по-чиновничьи относящегося к большому делу, к закону и к кассации. При всем внимании партии и правительства к суду встает законный вопрос — почему председатель городского суда т. Смирнов по-настоящему не интересуется работой кассационных коллегий? Мы хотели поговорить с председателем городского суда, но к нему секретарь никого не пускает, хотя у него никого в это время не было.

На жалобы и заявления в городском суде не обращают должного внимания. Формально выделили человека, но он не может разрешить ни одного вопроса, а только посылает обратно к т. Смирнову, хотя к последнему не пускают. Посетители теряют по несколько часов в очередях и, не добившись результатов, уходят. Ко всему этому надо отметить неразбериху с учетом поступивших жалоб. Имеются факты утери жалоб в городском суде. Но об этих утерянных жалобах почему-то молчат работники канцелярии городского суда. Пора, давно пора навести порядок в соответствии со Сталинской Конституцией в аппарате городского суда.

Е. Сысоев.

УССР

Вопросы реорганизации адвокатуры на совещании при Наркомюсте Украины

Созванное НКЮ Украины совещание, в котором, кроме наркома и работников отдела защиты НКЮ, приняли участие председатели коллегий, практические работники с мест и представители прокуратуры и Верховного суда УССР, обсудило основные вопросы реорганизации адвокатуры и изменения методов оплаты труда защитников. Совещание коснулось всех основных и животрепещущих вопросов, волнующих адвокатскую массу. Ни один из участников совещания не признал существующее положение в адвокатуре удовлетворительным. Все выступавшие констатировали необходимость изменения организационных

форм адвокатуры и организации добровольных коллективов. Эти добровольные коллективы, по мнению участников совещания, являются более совершенной формой организации по сравнению с ныне существующей сетью консультаций.

Наряду с добровольными коллективами должна быть допущена и частная практика, которая, как указал т. Радченко, не должна быть преобладающей формой оказания юридической помощи, занимая по сравнению с коллективами ограниченное место. Для того чтобы коллективы были господствующей формой оказания юридической помощи, т. Радченко предложил, чтобы минимальное количество членов добровольного коллектива было 3 человека, что значительно сузит круг лиц, которые пожелают перейти на частную практику. Возникает вопрос о том, как быть в районах, где работает меньше трех защитников. Совещание разделило изображение представителя Днепропетровской области о целесообразности организации межрайонных коллективов, как объединений непроизводственного характера. Но вместе с тем было бы безусловно ошибочно считать основной формой организации юридической помощи в районах занятие частной практикой. Массовый переход районных защитников на частную практику был бы искусственным явлением, не соответствующим желанию подавляющей массы районных защитников. Такой переход не способствовал бы ни повышению авторитета районной адвокатуры, ни установлению более нормальных отношений защитников с судом и прокуратурой, ни оздоровлению условий работы районных защитников.

Необходимо поэтому считать правильным предложение комиссии, выделенной совещанием для внесения необходимых изменений в проект НКЮ, признать основной организационной формой в районе, где меньше трех защитников, юридическую консультанцию, а в городе — добровольный коллектив в составе не менее трех защитников.

Наиболее оживленные прения вызвал на совещании вопрос об оплате труда защитников.

Пом. прокурора УССР т. Еманик и зам. председателя Верховного суда т. Прущидский отметили, что существующая форма оплаты труда защитников вызывает деградацию даже наиболее квалифицированной части адвокатов. Совершенно правильным было указание представителя Черниговской области т. Иванова, что надлежащая оплата труда защитника организует на достаточно высоком уровне самый процесс работы защитника.

Представленный совещанию проект оплаты труда, разработанный НКЮ, вкратце сводится к следующему: защитники по квалификации делятся на три группы. Оплата труда защитника зависит от количества проведенных им дел, составленных жалоб и заявлений и других оказанных им видов юридической помощи и от категории, к которой отнесен защитник. Количество проведенных за истекший месяц единиц юридической помощи умножается на среднюю стоимость каждого вида юридической помощи и как поправочный коэффициент учитывается категория, к которой отнесен защитник.

Средняя стоимость единицы юридической помощи определяется путем деления всей суммы, поступившей в коллектив за данный вид

юридической помощи, на количество единиц этого вида помощи. Распределению между защитниками подлежит вся сумма поступлений коллектива, остающаяся после покрытия расходов на президиум, соцстрах, на содержание техаппарата, на помещение и т. д.

Проект этот, предварительно обсуждавшийся на общегородских собраниях защитников, встретил как со стороны актива ряда коллегий защитников, так и на самом совещании резкие возражения. Против проекта высказалось подавляющее большинство участников совещания, за исключением представителей Винницкой и Молдавской коллегий, которые в основном высказались за проект, но требовали увеличения количества групп защитников по квалификации до пяти, более точного определения единицы работы и указывали, что для консультаций с количеством защитников менее трех этот метод оплаты неприемлем.

Остальные участники совещания, соглашаясь, с бесспорным положением, выдвинутым т. Радченко, что оплата труда должна зависеть от количества и качества проделанной защитником работы, толковали этот принцип оплаты труда в своих выступлениях по-разному. Так, представители Киевской и Харьковской коллегий защитников доказывали, что после покрытия всех необходимых по коллективу расходов, о коих говорилось выше, и оплаты дел по назначению, остающаяся сумма должна делиться между членами коллектива пропорционально поступлениям за оказанную каждым защитником юридическую помощь. Против такого распределения сумм между защитниками решительно выступил т. Радченко, который указал, что такая форма оплаты труда есть не что иное как завуалированная частная практика под флагом коллектива.

Более осторожную позицию в этом вопросе занял т. Мирошниченко, который развил мысль, что распределение сумм в коллективе в соответствии с поступлениями за оказанную защитниками юридическую помощь было бы правильным, если бы таксу оплаты юридической помощи построить исключительно в зависимости от количества и качества труда, которое необходимо защитнику затратить на оказание юридической помощи. Такой перестройки таксы требовал ряд участников совещания.

Нет сомнения, что таксу оплаты юридической помощи действительно необходимо перестроить в большем соответствии с количеством времени и трудом, которые необходимо затратить на оказание того или иного вида юридической помощи. Однако полного соответствия тут никогда быть не может. Каким бы сложным ни было то или иное дело о взыскании возмещения за причиненное увечье и каким бы простым было то или иное дело по обвинению в спекуляции, размер гонора в том и другом случае будет зависеть не только от количества времени и труда, которые необходимо затратить на выступления по этим делам, но и от материального положения обратившихся за юридической помощью лиц. На каких бы принципах ни построить таксу, материальное положение лица, обращающегося за юридической помощью, всегда должно иметь в советской стране определенное значение.

Отвергая принцип оплаты труда в зависимости от денежных поступлений за оказанную защитником юридическую помощь, большин-

ство участников совещания решительно критиковало и проект НКЮ. Оплата труда в зависимости от средней стоимости дела, заявления, кассационной жалобы, совета и даже с поправкой на коэффициент качества работы, определяемой принадлежностью защитника к той или иной категории, вызовет, как указал ряд выступавших, погроно за количественными показателями, за наиболее несложными делами, заявлениями и т. д. Самые квалифицированные защитники в погоне за максимальным заработком неохотно будут принимать ведение наиболее сложных дел, составление наиболее сложных бумаг, что неизбежно повлечет падение качества оказываемой юридической помощи. Указывалось и на большие трудности в деле учета работы. Разбор одного дела длится час, другого — целый день, между тем, и в том и в другом случае будет судорожно. Единодушно отвергалось деление всех защитников по проекту на три группы. Представитель Донецкой коллегии требовал разбивки защитников на восемь разрядов, но не встретил поддержки на совещании, большинство членов коего высказалось за разбивку защитников на пять разрядов или категорий. Участники совещания единодушно отвергли необходимость тарификации для членов коллектива. Некоторые участники совещания высказались за какой-то гарантированный минимум зарплаты для членов коллективов, поскольку все члены коллектива имеют какой-то минимум обязанностей, должны аккуратно дежурить в консультациях, выступать по делам по назначению, выполнять общественную работу. Они предложили зарплату защитников делить на меньшую гарантированную часть и большую часть переменную, зависящую от всех показателей проделанной работы. Однако точка зрения гарантированного минимума поддержки на совещании не встретила.

Целый ряд участников совещания высказался в том смысле, что не нужно сковывать инициативу коллективов подробнейшей регламентацией распределения сумм между членами коллектива, а необходимо в этом вопросе известную свободу предоставить производственному совещанию.

Разработанный выделенной совещанием комиссией проект постановления об оплате труда членов коллективов признает необходимым разбить защитников по квалификации на 5 групп и предоставляет производственным совещаниям коллективов определение зарплаты защитника за истекший месяц в зависимости от количества и качества выполненной им работы с учетом и денежной доходности защитника.

На совещании был освещен ряд других весьма важных вопросов.

По вопросу о руководстве практикантами присутствовавший на совещании практикант т. Трегер указал, что практикантами в коллегии не руководят, что они предоставлены самим себе. Между тем, как указывалось на совещании, подготовка части практикантов даже с точки зрения простой грамотности совершенно недостаточная, и только при самой усиленной работе практикантов над собой и систематическом руководстве ими можно добиться положительных результатов в деле подготовки из практикантов будущих защитников.

Проект НКЮ, согласно коему практиканты оплачиваются за счет коллективов, к коим они прикреплены, вызвал ряд возражений. Существо этих возражений сводилось к тому, что оплата практикантов должна производиться не коллективами, а президиумом из фонда отчислений коллегии, что вся коллегия в целом, а не только отдельные коллективы, заинтересована в воспитании новых кадров; поэтому необходимые расходы по воспитанию новых кадров и должны лечь не на отдельные коллективы, а на всю коллегия в целом.

Комиссия, выделенная совещанием, не согласилась с этой точкой зрения и признала, что практиканты должны содержаться за счет коллективов, к коим они прикреплены.

Представитель Одесской коллегии затронул весьма важный вопрос о контроле коллектива над качеством работы членов коллектива. До сих пор этого контроля нет, а если он как исключение и есть, то весьма слабый и неудовлетворительный. Надо добиться перелома в этом вопросе. Крепкое руководство коллективом должно заключаться в первую очередь в контроле над качеством консультационной и судебной работы.

По вопросу о совместительстве было указано, что наличие совместительства снижает зачастую качество работы защитника.

Наконец, т. Радченко заострил внимание делегатов совещания на вопросе об укреплении работы президиумов коллегии, об усилении организующей роли президиумов в жизни коллегии. В целом совещание затронуло важнейшие вопросы, волнующие адвокатуру, и внесло ряд существенных изменений в проект НКЮ по основным вопросам организации адвокатуры и оплаты труда защитников.

Необходимо лишь, чтобы эти вопросы, как и ряд других, как, например, вопрос о совместительстве, о практикантах и т. д., нашли скорейшее разрешение в общесоюзном положении об адвокатуре.

Важность и срочность разрешения вопроса об организационных формах адвокатуры отметил в специальном пункте резолюции и актив работников суда и прокуратуры УССР, посвященный задачам органов юстиции в свете постановлений последнего пленума Центрального комитета партии.

Г. Лившиц.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Из опыта борьбы органов прокуратуры за нерушимость советского закона

Существо революционной законности, по мысли В. И. Ленина, состоит в единообразном осуществлении политики партии и правительства, в неуклонном и точном осуществлении советских законов на территории всего Советского государства.

В известном письме к товарищу Сталину товарищ Ленин писал, что «законность не может быть «калужской» или «рязанской».

Исходя из этого, В. И. Ленин указывал, что «прокурор обязан делать только одно: следить за действительно единообразным пониманием революционной законности».

Великая Сталинская Конституция, поднимая советский закон на небывалую высоту, обязывает органы прокуратуры удвоить, утроить и удесятерить свой надзор за строжайшим соблюдением советского правопорядка. Ст. 113 Конституции прямо указывает, что «высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР, возлагается на Прокурора СССР».

Эта статья Конституции, предоставляя органам прокуратуры громадную власть, вместе с тем возлагает на них колоссальную ответственность за важнейшее порученное им дело.

Надо прямо признать, что органы прокуратуры Таджикской республики до настоящего времени со своей работой по борьбе с нарушениями социалистической законности справились далеко не в полной мере. Причины этого кроются либо в недооценке работы по общему надзору со стороны некоторых районных прокуроров, либо в неумении бороться с нарушителями советских законов и, в частности, с зазнавшимися бюрократами и вельможами, считающими, как об этом говорил на XVII съезде партии товарищ Сталин, что закон писан не для них, а для других.

В Пролетарском районе РИК вынес постановление о строительстве районной электростанции и обязал колхозы Гуляккондзабадского джамсовета внести на строительство этой электростанции 8000 руб.

Прокурор Пролетарского района т. Ширбабаев, отвечающий за революционную законность в районе, не опротестовал этого постановления РИК, и оно было отменено СНК Таджикской ССР не по его инициативе.

Канибадамский РИК роздал семенную ссуду, предназначенную для колхозов, отдельным колхозникам и постановлением от 17 января 1937 г. снял задолженность по семенной ссуде с колхозников.

Прокурор Канибадамского района т. Абдусатаров не опротестовал этого постановления РИК, и оно было отменено СНК Таджикской ССР по собственной инициативе.

РИК Файзабадского района издал обязательное постановление о приведении в порядок всеми организациями и колхозами весоизмерительных приборов и установил, что за невыполнение этого постановления виновные подлежат штрафу до 300 руб., тогда как, согласно положению об обязательных постановлениях РИК, они имеют право налагать штрафы за нарушение издаваемых ими обязательных постановлений в сумме, не превышающей 100 руб.

В обязательном постановлении «О мерах по борьбе с эпидемией малярии и желудочных заболеваний» Файзабадский РИК установил, что за невыполнение этого постановления организации подлежат штрафу до 300 руб.

Прокурор Файзабадского района т. Джураев не усмотрел в этих постановлениях нарушения закона и не опротестовал их.

Так же плохо обстоит дело с охраной социалистического правопорядка в Кызыл-Мазарском районе, где РИК вынес незаконное постановление о наложении штрафов на руководителей организаций, не имеющих штампа для отметки в паспортах о приеме и увольнении работников, и на этом основании

штрафовал и самого райпрокурора Гафурова, который на совещании у заместителя прокурора республики т. Крупина жаловался на то, что его обижают.

Прокурор Ворошилобадского района т. Мавлютов своим распоряжением от 29 октября 1936 г. за № 17/9 отменил постановление райфо о принудительном списании со счета райпо недоимок по государственному налогу, что райфо имело право сделать согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1932 г., т. е. сам поступил незаконно.

Причина беспомощности, которую проявляют некоторые районные прокуроры в деле борьбы с нарушением социалистической законности, кроется в том, что они мало работают над собой, низок их политический и юридический уровень.

Работа органов прокуратуры по общему надзору нелегка и требует от лиц, ее осуществляющих, высокой классовой бдительности и непрерывной работы над собой в части повышения политического развития и юридической квалификации. Тот, кто отстает от жизни хотя бы на один шаг, уже не может в должной мере справляться с этой работой.

Однако, несмотря на все свои недостатки в области работы по общему надзору, прокуратура Таджикской ССР за время организации отдела общего надзора — январь и февраль 1937 г. — проделала значительную работу в деле борьбы за незыблемость советского закона.

Прокурором республики было опротестовано постановление СНК Таджикской ССР от 20 января 1937 г. «Об установлении процентных отчислений с организаций на содержание аппарата Сбытконвенцбюро при Наркомвнуторге Таджикской ССР».

Этим постановлением СНК объем расходов на содержание аппарата Сбытконвенцбюро был установлен в сумме 235 444 руб., в связи с чем Наркомфинансов и Наркомвнуторгом Таджикской ССР был утвержден штат Сбытконвенцбюро в составе 13 человек.

Покрытие расходов на содержание аппарата Сбытконвенцбюро обеспечивалось по сути дела введением особого налога в размере 0,75 стоимости на изделия кустарно-промышленой, инвалидной кооперации, подсобных хозяйств государственных и общественных организаций.

Прокуратурой республики было опротестовано также постановление СНК Таджикской ССР от 9 января 1937 г. № 27 «О средствах на содержание штата Междуведомственного совещания по авто-гужевым перевозкам при СНК Таджикской ССР». Этим постановлением объем расходов на содержание штата Междуведомственного совещания был определен в сумме 13 535 руб. в год.

Покрыть эту сумму обязаны были, согласно постановлению, хозяйственные организации; так, например, Таджикматлубот (Республиканский союз потребкооперации) обязан был внести 1500 руб., Востлессбыт — 1635 руб., Заготзерно — 1850 руб. и т. д.

В связи с тем, что это постановление СНК нарушило принцип хозрасчета, на котором работают хозяйственные организации, и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 марта 1935 г., оно было опротестовано. СНК

Таджикской ССР протест прокуратуры был удовлетворен, и опротестованное постановление было отменено.

Прокурор Комсомолабадского района т. Таджибаев опротестовал незаконные действия заместителя председателя РИК Шрамко, который распорядился разобрать временно поставшую чайхану колхоза им. Сталина и материалы употребить на постройку конюшни РИК без ведома и согласия колхоза и без оплаты стоимости чайханы.

Постановлением СНК Таджикской ССР от 29 января 1937 г. от земель 14 колхозов Ленинабадского района, получивших государственные акты на вечное пользование земель, были отведены значительные участки под сооружения Ходжабакурганстроя без предварительной санкции СНК СССР.

Это постановление было прокуратурой республики своевременно опротестовано, в связи с чем проведение его в жизнь было задержано до его утверждения СНК СССР.

РИК Пенджикентского района были незаконно отобраны помещения, принадлежащие райпо, общей стоимостью в 10 000 руб.

Незаконные действия Пенджикентского РИК были опротестованы прокуратурой.

СНК Таджикской ССР своим постановлением обязал целый ряд хозяйственных организаций внести крупные суммы на проведение детской оздоровительной кампании. Так, например, Промстрахкасса обязана была внести 20 000 руб., Наркомместпром — 20 000 руб. Матлубот — 50 000 руб., Таджикторг — 20 000 руб. и т. п.

По протесту прокуратуры республики это постановление было отменено.

Постановлением президиума Файзабадского РИК от 20 апреля 1936 г. отпущено на ремонт клуба Районо 4300 руб. за счет административно-хозяйственных расходов начальных школ.

В связи с этим на отопление школ в 1936/37 г. средств фактически не отпускалось, несмотря на то что по бюджету эти расходы были предусмотрены в размерах 150 руб. на одну школу в отопительный сезон.

Отопление школ обеспечивалось в Файзабадском районе введением «дровяного налога» с колхозников.

Отдельным колхозам джамсоветами дается «план» поставок дров на отопление школ. «Планы» эти председателями колхозов разверстываются по отдельным хозяйствам, входящим в колхоз. В том случае, если сам колхозник дров не имеет, он должен купить и сдать причитающиеся с него дрова, что фактически и практикуется. Завтраки школьникам во всех начальных школах готовятся отдельными колхозниками поочередно на всю школу из своих продуктов независимо от того, имеет этот колхозник учащихся детей или нет.

Ремонт школ (смазка стен, крыш, побелка) также фактически возложена на колхозников и производится ими бесплатно, несмотря на то что по бюджету для этих целей районо получает необходимые средства.

Некоторые колхозы обеспечивают бесплатно школы и керосином для освещения.

Учебная работа в начальных школах в Файзабадском районе была поставлена неправильно. В 45 школах преподаватели вели обу-

чение учащихся первых и вторых групп совместно, т. е. в одно и то же время, в одном и том же помещении, но по разным программам. За такое совместительство учитель получал 50% надбавки к получаемой им зарплате, хотя работал в день с обеими группами только 4 часа.

Такая постановка обучения фактически приводила к срыву прохождения в группах установленных для них программ, так как каждая группа вместо 4 часов фактически занималась в день только 2 часа — и то в ненормальной обстановке.

Однако НКФ Таджикской ССР в своем циркуляре от 13 января 1937 г. за № 210 о методах составления бюджета на 1937 г. дал указание о том, что смета расходов по зарплате учителям должна составляться исходя из того, что, в случае недокомплекта первой и второй групп в начальных школах, эти группы должны заниматься в одну смену.

План дорожных работ за счет трудового участия населения в Файзабадском районе был выполнен в 1936 г. на 468%. Перевыполнение плана произведено было за счет незаконного использования труда населения сверх установленной законом нормы в 6 трудовых в год.

Фактически, например, каждый трудоспособный член колхоза им. Райкома работал на дорогах 14 трудовых. Каждый ишак этого колхоза вместо 6 дней отработал в 1936 г. на дорогах 47 дней, каждая лошадь — 7 дней. Каждый трудоспособный член колхоза им. Яковлева работал на дорогах 17 дней вместо 6 дней.

Такая же картина по большинству колхозов района.

Никаких документов колхозникам относительно отработанных ими трудовых райдоротделом не выдавалось.

В связи с этим возникает вопрос о разрешении порядка расчета за проведенную работу колхозниками и единоличниками сверх времени, установленного законом.

Все эти вопросы поставлены прокуратурой республики перед СНК Таджикской ССР для устранения беззаконий, имеющих место в Файзабадском районе.

Не лучше обстоит дело с соблюдением социалистической законности в Больджуанском районе.

В январе 1937 г. в Даран-Каламский джамсовет Больджуанского района для оказания помощи колхозам в составлении годовых отчетов были командированы бухгалтер райзо Имангулов, секретарь райзо Ниязов, инструктор райзо Бобаджанов и инструктор РИК Хамидов Исмат. Эти «помощники» начали свою многотрудную деятельность с того, что написали за подписью председателя джамсовета Шарипова и инструктора РИК Хамидова всем председателям колхозов предписание следующего содержания:

«С получением сего Вам предлагается не позже 21 января 1937 г. представить в кншпак Турьян следующие продукты: кур, рису, масла, дров, ячменя и муки. В случае непредставления этих продуктов в указанный срок, будете оштрафованы на 100 рублей».

Во исполнение этого требования председатели всех двенадцати колхозов срочно начали собирать с колхозников деньги и закупать для

пропитания приехавших «помощников» продукты.

Так, например, председатель колхоза «Коминтерн» Расуль Курбанов представил следующие продукты: 2 кур, двух куропаток, килограмм коровьего масла, полкилограмма растительного масла, 20 килограмм муки, 20 килограмм ячменя, 200 грамм чая.

Председатель колхоза «Джамиат» Нигматов Ходжи за то, что он опоздал с представлением продуктов, был оштрафован на 65 руб.

Не ограничиваясь получением зарплаты и командировочных от районных организаций и бесплатным питанием, обеспеченным со стороны колхозников в порядке «натурального налога», каждый «помощник» получил с каждого колхоза за свою работу, о чем в колхозах остались документы.

Так, например, бухгалтер райзо Имангулов выдал председателю колхоза «Коминтерн», о котором мы уже упоминали, бумажку следующего содержания:

НАКЛАДНАЯ № 52

Колхозу «Коминтерн»

«Получено с председателя колхоза Расуль Курбанова за составление отчета 100 рублей».

Секретарь райзо Ниязов этому же колхозу выдал такую бумагу:

НАКЛАДНАЯ № 47

Колхозу «Коминтерн»

«За участие в составлении годового отчета получено с председателя колхоза Расуль Курбанова двадцать рублей».

Инструктор РИК Хамидов вместо «накладной» выдал колхозу «Коминтерн» «счет», из которого явствует, что он, Хамидов, «за амортизацию» своей лошади, на которой он приехал в колхоз для составления отчета, получил 10 руб.

Член колхоза им. Фрунзе Больджуанского района Роджабов Кори был оштрафован постановлением общего собрания колхоза с участием председателя джамсовета Шарипова на 25 трудовых за неаккуратное посещение школы ликбеза.

Этот же колхозник был оштрафован по личному распоряжению бывшего председателя джамсовета Мирзаева Навруза на 50 руб. за то, что он 5 лет живет в незарегистрированном браке.

Дехканин Шарипов Махмадулло был оштрафован Мирзаевым Наврузом на 300 руб. неизвестно за что. Такими незаконными штрафами Мирзаев Навруз собрал 1600 руб., которые присвоил.

Все эти и другие нарушения советских законов, составляющие прямые уголовные преступления, были вскрыты помощником прокурора т. Али-Заде.

До приезда в район т. Али-Заде районный прокурор Больджуанского района Артыкбаев был глух и слеп и никаких беззаконий в районе не видел. Причины этого кроются в отсутствии у районного прокурора Артыкбаева связи с общественностью, без которой работа по общему надзору обречена на самотек и бесплодность.

Ясно, что подобного рода самочинные «дровяные» и «керосиновые» налоги, «трудовая повинность по ремонту школ», противо-

законное использование труда колхозников на дорожных работах свыше времени, установленного по общесоюзному закону, бесплатное отобрание у колхозов принадлежащего им имущества, необузданное администрирование и незаконные штрафные поборы создают благоприятную почву для антисоветских вылазок классовых врагов. Отсюда понятно, какое значение приобретает работа органов прокуратуры по общему надзору. Искажение одного советского закона нередко бывает во сто крат более вредным и опасным, чем многие уголов-

ные преступления, так как оно задевает жизненные интересы широких трудящихся масс и облегчает подрывную контрреволюционную работу врагам народа.

«Малейшее беззаконие, — писал В. И. Ленин, — малейшее нарушение советского порядка, есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся».

Очень желательно было бы более широко чем это было до сих пор, обмениваться опытом работы по общему надзору на страницах печати.

Актив Прокуратуры Союза ССР

5 июня состоялось собрание актива Прокуратуры Союза ССР.

На собрании участвовало 300 человек.

С докладом о работе органов прокуратуры выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

Тов. Вышинский начинает свой доклад с анализа некоторых отчетных данных, характеризующих работу территориальных органов прокуратуры за 1936 г.

— Раньше всего, — говорит т. Вышинский, — здесь надо констатировать, что до настоящего времени следственный аппарат прокуратуры занят незначительным количеством дел. В первой половине 1936 г. следственным аппаратом прокуратуры было разрешено только 24,0% всех уголовных дел (как прекращенных в стадии расследования, так и переданных в судебные органы), а расследование 76% дел приходится на другие следственные органы. Во второй половине 1936 г. процент дел, расследованных следственными органами прокуратуры, поднялся до 26,1, а 73,99% всех дел попрежнему приходится на другие органы расследования.

Должен сказать, что по некоторым союзным республикам удельный вес дел, расследованных нашими следователями, повышается. Так, например, по Таджикской республике на долю следователей приходится 52,8%, по Азербайджанской ССР — 54,3%, по Узбекской ССР — 57,1% и по Грузинской ССР — 59,1% всех дел, прошедших через органы расследования. Положение в указанных республиках более благоприятно с точки зрения, во-первых, выполнения требований УПК, точно устанавливающего компетенцию следствия прокуратуры, и, с другой стороны, более благоприятно для нас рисует картину с точки зрения загрузки следственного аппарата прокуратуры.

Тем не менее, надо признать, что количество дел, расследованных следователями, все еще является далеко недостаточным и что большой процент дел, которые по своему характеру должны быть подследственны органам прокуратуры, к сожалению, все еще расследуются органами милиции.

Одной из главных и важнейших задач следственного отдела Прокуратуры Союза ССР является ликвидация этого недостатка большой загрузки нашего следственного аппарата. Но здесь должна быть соблюдена постепенность, так как в таком деле успешность и торопливость совершенно нетерпимы.

Следственная работа до сих пор стоит у нас еще, к сожалению, на довольно низком уровне. Одним из основных моментов, помогающих нам определить качество работы следственного аппарата, являются судебные итоги. По судебным итогам, правда, не всегда можно безошибочно судить о том, правильно или неправильно работает следственный аппарат, но с известными оговорками (когда суды неправильно прекращают дела или без достаточных оснований направляя на следствие) надо признать, что количество дел, прекращенных судами, количество дел, возвращенных судами на следствие, само по себе способно служить очень серьезным показателем качества работы нашего следственного аппарата.

С этой точки зрения стоит проанализировать некоторые цифровые показатели.

За второе полугодие 1936 г. органами прокуратуры было прекращено по ССР Армении 23%, по Украинской ССР — 23,2%, по Азербайджанской ССР — 27,9%, по Таджикской ССР — 27,9%, по Туркменской ССР — 29,3%, по Грузинской ССР — 30,9%, по Узбекской ССР — 35,5% дел, расследованных следовате-

лями.

Эти убийственные цифры говорят о серьезных недостатках нашей следственной работы.

По недосмотру нашего статистического отдела я, к сожалению, не могу вам привести сейчас данных по РСФСР, потому что они не подведены. Думаю, что присутствующие здесь работники РСФСР выполнят этот пробел, если у них соответствующие цифры имеются под руками. А priori же, судя по отдельным цифрам, которые нам известны, я могу сказать, что в РСФСР дело обстоит не на много лучше, чем в других союзных республиках. Хуже всего то, что процент прекращенных или возвращенных на следствие дел, расследованных нашим следственным аппаратом, обнаруживает тенденцию роста, особенно по Узбекистану (с 29,5% до 35,5%) и по Армении (с 21% до 23%). Это говорит о крупных недостатках руководства следственной работой со стороны краевых, областных, республиканских центров и, разумеется, со стороны прокуратуры Союза ССР. Несмотря на то что мы недавно только выделили следственную часть в самостоятельный отдел, мы должны признать в высшей степени медленными темпы перестройки следственной работы. Между тем, повышение качества расследования во всем следственном аппарате нашего Союза

ССР является важнейшей нашей задачей. В этом отношении мы делаем только первые шаги. Я отлично понимаю трудности этого дела, невозможность достижения быстрых результатов, ибо это связано с подготовкой кадров в области расследования, с повышением их квалификации в области ведения следственной работы и т. д. Задача трудная, а главное — ее разрешением мы до последнего времени занимались мало. Об этом свидетельствует такой факт, что, насколько мне известно, с 1933 по 1937 гг. не было выпущено в центре ни одного почти методического письма по вопросам следственного производства, а то, что выпускалось на местах, по качеству находится на крайне низком уровне.

Очень интересно отметить один момент, который до известной степени может показаться парадоксальным. Известно, что ст. 108 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, исходя из предположения, что наши органы расследования более квалифицированы, чем органы расследования милиции, предъявляют требование, чтобы более сложные и серьезные дела передавались для расследования нашим следственным органам. Если же обратиться к цифрам, то при сопоставлении данных о возвращенных к доследованию делах, расследованных нашими следователями и другими органами, соотношение оказывается не в нашу пользу.

Так, по делам, расследованным следователями за второе полугодие 1936 г., мы имеем 7,5% всех возвращенных дел, а по делам, расследованным другими органами, — только 4,2%, т. е. если исходить из количественного измерителя как показателя качества, то придется сделать вывод, что наш следственный аппарат работает вдвое хуже, чем следственные органы других ведомств. Это обстоятельство требует весьма серьезного внимания с нашей стороны.

Судебная работа тоже является измерителем качества нашей работы и работы наших следственных органов в частности. Если мы обратимся к некоторым цифровым данным, то окажется, что у нас, к сожалению, достаточно высок процент отклоненных протестов как по гражданским, так и по уголовным делам.

За первое полугодие 1936 г. было отклонено 37,6% наших протестов по гражданским делам, а во втором полугодии несколько меньше — 27,3%. Такое же, примерно, положение мы имеем и по уголовным делам. Это объясняется тем, что дело внесения и защиты протестов в суды у нас не поставлено на надлежащую высоту. Протесты пишутся небрежно, неряшливо, очень часто непродуманно. Когда же протесты правильно составлены, они очень часто защищаются не теми людьми, которые знают дело, а людьми случайными, или же совершенно никем не защищаются, что приводит порой к провалу наших правильных по существу протестов.

Далее т. Вышинский дает оценку работе прокуратуры с жалобами.

— В 1936 г., — говорит т. Вышинский, — за первое полугодие было рассмотрено органами прокуратуры всех республик, не считая центральной прокуратуры, 1 299 000 с лишним жалоб, во втором полугодии — 1 456 000 жалоб. В первом полугодии на одну районную

прокуратуру приходилось в среднем 432 жалобы, во втором полугодии — 476 жалоб, а за год — около 1000 жалоб. Эти цифры говорят о том, что наши низовые органы прокуратуры вовсе не завалены жалобами, ибо 1000 жалоб в год для районной прокуратуры — это ничтожное количество: это только 3 жалобы в день.

Отсюда нужно сделать вывод, что рассмотрение жалоб в районных прокуратурах мы можем без особого труда организовать как следует, а если у нас оказываются на местах возмутительнейшие случаи волокиты с рассмотрением жалоб, то это есть результат не переобремененности жалобами районных прокуратур, а результат их безрукости и невнимания к этому важнейшему делу. А что это действительно важнейшее дело, видно хотя бы из того, что дела, по которым прокуратурой были приняты меры к удовлетворению жалобщика, составляют за первое полугодие 1936 г. 76,8%, а за второе полугодие — 73,6%. Это говорит об основательности громадного большинства жалоб, которые прокуроры принимают к своему производству. Это свидетельствует, повторяю, о том, что рассмотрение жалоб — дело очень серьезное и что работу с жалобами надо поставить у нас на надлежащую высоту. Что касается районного аппарата, то тут, как я вам показал, для образцовой работы с жалобами имеются все возможности. Значительно сложнее обстоит дело с упорядочением с жалобами в вышестоящих звеньях, но и здесь организовать и улучшить эту работу безусловно возможно, и дело зависит только от нас самих.

Переходя к работе отдела общего надзора, т. Вышинский указывает, что эта работа хромает не только на местах, но даже в Прокуратуре Союза ССР. В республиканских прокуратурах отделы общего надзора кое-как поспевают (или стараются поспевать) за издаваемыми наркоматами и теми или иными госорганами циркулярами и приказами, стараясь осуществить надзор за этим делом. Однако до постановки этой работы на настоящую высоту с точки зрения методики и с точки зрения оперативного руководства еще очень далеко.

Тем не менее надо сказать, что кое-какая работа за это время проделана. Процент отклоненных протестов, приносимых нами в порядке общего надзора, по Союзу ССР в целом не превышает 12%. Наряду с этим в Грузии процент отклоненных протестов по общему надзору за второе полугодие 1936 г. достигает огромной цифры — 35,7. Это свидетельствует о том, что, активизируя, согласно нашим требованиям, работу по общему надзору, наши товарищи на местах, что называется, бухают в колокола, не заглядывая в святы. Им мерещатся нарушения законов там, где этих нарушений нет, и, как всегда в таких случаях, не замечают нарушений там, где они действительно имеют место. Это является одним из крупнейших дефектов работы по делам общего надзора и на местах и в наших центральных аппаратах, в первую очередь в работе Прокуратуры Союза ССР.

На прошлом активе было высказано немало глубоко справедливых критических замечаний по всем вопросам, связанным с нашей работой. К сожалению, до настоящего времени

этот материал полностью не обработан, из выступлений на активе не выбрано то, что носило характер определенных конкретных предложений по улучшению нашей работы или критики наших недостатков, чтобы можно было сделать практические выводы.

Излагая принятые прокуратурой мероприятия по ликвидации отдельных недочетов, отмеченных на предыдущем активе, т. Вышинский зачитывает приказ, регулирующий взаимоотношения между руководством прокуратуры и оперативными работниками, бьющий по волоките, по бюрократическим методам работы.

— Не в наших большевистских нравах, — говорит т. Вышинский, — верить в чудодейственную силу приказа, но организующую силу приказа мы прекрасно учитываем. От нас самих зависит, чтобы этот приказ не превратился в пустой звук.

Далее т. Вышинский говорит о технике работы прокуратуры, критикует руководителей отделов за отсутствие с их стороны внимания к работе канцелярии, останавливается на недостатках в работе машинного бюро, регистратуры, отмечает как положительный факт создание стенографического бюро и т. д., показывая их значение для правильной, рациональной и плодотворной работы всего аппарата.

Подробно т. Вышинский останавливается на усилении руководства периферией, отмечая недостатки этой работы.

— Надо сказать, — говорит т. Вышинский, — что за последнее время мы ближе подошли к прокуратуре РСФСР. Сейчас Прокуратура Союза ССР вместе с административно-политическим отделом ЦК партии всесторонне проверяют работу Прокуратуры РСФСР. Прямо надо сказать, с опозданием мы занялись этим делом, значительно раньше надо было это сделать. Мы провели там совещание с активом, мы вскрыли целый ряд крупнейших недостатков, проводим там некоторую реорганизацию, меняем кое-каких людей, и надеюсь, что в результате этого ряд недостатков, которые имеются в работе Прокуратуры РСФСР, будет устранен. А недостатки там такие, за которые приходится краснеть.

В самом деле, в Прокуратуре РСФСР было обнаружено десять мешков с жалобами и заявлениями, даже, говорят, с делами.

У прокурора Товарковского района Московской области в диване было обнаружено 250 текущих дел, причем заместитель Московского областного прокурора Яковлев, получив в бытность свою в Товарковском районе сигнал об этом, не сумел, к сожалению, справиться с такой «серьезной» задачей, как заглянуть в диван и извлечь оттуда эти заволакиченные, замаринованные дела. Он ограничился тем, что спросил об этом прокурора Товарковского района и удовлетворился отрицанием районным прокурором этого факта.

После отъезда Яковлева из Товарковского района туда приехала КСК и нашла эти 250 дел в «архиве» — в диване.

Такие факты заставили нас в последнее время участить выезды наших работников на периферию. По моему предложению не менее 20% оперативного состава сидит на периферии, находится на колесах. Это я расцениваю как положительный факт в нашей работе.

В прошлый раз говорилось о недостатках нашей методической работы. За истекший период мы двинули вперед и методическую работу. Мы разработали и сдали в печать следующие работы: «Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности», «Методика расследования дел о хищениях и растратах в органах связи», руководство по методике расследования дел о растратах и хищениях материальных ценностей на строительстве, руководство по методике расследования дел о растратах и хищениях в органах госторговли, руководство по методике расследования дел о растратах, совершаемых подотчетными лицами, руководство по методике расследования дел, связанных с нарушением правил техники безопасности и дел о вредительских и диверсионных актах, совершенных под видом нарушения правил техники безопасности.

В настоящее время методсоветом разрабатывается проект методического письма о технике и методике расследования дел об авариях и крушениях на железнодорожном транспорте, руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в предприятиях общественного питания, руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в колхозах, руководство по методике расследования дел о растратах в связи с кассовыми операциями, руководство по методике расследования дел о незаконных абортках, руководство по методике расследования дел об убийствах, методика установления судебно-медицинских доказательств и их использование в процессе расследования и т. д.; 13 методических пособий, которые мы выпускаем в ближайшие три месяца, к первому сентября, свидетельствуют о некотором сдвиге в нашей работе, о переломе в деле руководства нашей периферией в части ведения расследования, ибо руководить расследованием нужно не только через подбор соответствующих кадров, но и изданием таких методических пособий.

Конечно, критика скажет, насколько мы с этой задачей справились, но нам представляется, что три заседания методсовета в составе лучших методистов, которых мы могли собрать и в провинции и в Москве, нам в известной степени гарантируют качество работы. Во всяком случае это первый и чрезвычайно важный шаг по пути активного и конкретного руководства следственной работой через методику, через так называемые частную и общую методику.

В связи с тем что на прошлом активе говорилось относительно необходимости усилить учебу, я считаю необходимым сообщить, что с 22 мая в Прокуратуре Союза ССР работает группа Центрального заочного юридического института, причем обучающимся мы предоставили один дополнительный свободный день в шестидневку. Несмотря на трату государственных денег, на приглашение профессоров, как посещаемость, так и освоение материала должны быть признаны неудовлетворительными, о чем я делаю предупреждение записавшимся на учебу товарищам.

На прошлом активе говорилось о характере оперативных совещаний. Я должен сказать, что после актива я чувствовал громадное

удовлетворение: отношения стали свежее, люди стали подходить несколько проще, оперативные совещания подготавливаются лучше, хотя недостатки еще имеются.

На предыдущем активе также говорили о большой оперативной самостоятельности наших отделов и управлений. Мы предлагали и предлагаем начальникам отделов проявлять больше самостоятельности в решении оперативных вопросов, но, к сожалению, сами начальники наших отделов и управлений очень часто не проявляют должной оперативности, инициативы и самостоятельности.

Т. Вышинский иллюстрирует это рядом примеров из практики работы прокуратуры, в частности из практики работы главной прокуратуры ж.-д. транспорта.

В заключение т. Вышинский останавливается подробно на вопросе о кадрах.

На отдельных примерах т. Вышинский показывает отсутствие надлежащей бдительности у партийной организации и руководства прокуратуры в деле проверки кадров.

— Нам сейчас особенно важно, — говорит т. Вышинский, — быстро и как следует наладить свою работу по кадрам потому, что за последнее время мы, к счастью, освободились от ряда работников, разоблаченных как враги или как связанные с врагами. Мы очищаем свой аппарат от этих людей и в таком очищении есть доказательство силы и мощи нашей партии. Это обязывает нас удвоенными усилиями всех честных и преданных людей, которых у нас подавляющее большинство, восполнить тот ущерб, который причиняет нам предательство, измена, затесавшиеся в наши ряды враги. Это также обязывает нас к максимальной бдительности, которая невозможна без широко развернутой самокритики недостатков, без создания большевистской атмосферы, при которой не могут процветать подхалимство, угодничество и прочие гадости, которые являются оружием наших врагов.

В резолюции февральского пленума ЦК ВКП(б) сказано: «Бюрократическое извращение принципа единоначалия, сводящееся к тому, что многие хозяйственные руководители считают себя на основании единоначалия совершенно свободными от контроля общественного мнения масс и рядовых хозяйственных работников, не прислушиваются к голосу хозяйственно-производственного актива, не считают нужным опереться на этот актив, отрываются от актива и тем самым лишают себя поддержки актива в деле выявления и ликвидации недостатков и прорех, используемых врагами для их диверсионной работы».

Под углом зрения этих замечательных принципов прокламированных февральским пленумом ЦК ВКП(б) нам необходимо перестроить всю свою работу и в центре и на местах.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Бесяков (начальник управления делами Прокуратуры Союза ССР) ставит вопрос о текучести технического аппарата. Т. Бесяков объясняет эту текучесть отставанием ставок для технических работников прокуратуры от ставок ряда других учреждений.

Далее т. Бесяков указывает на значительный рост за последнее время документооборота по прокуратуре при стабильности обслу-

живающего ее аппарата машинописного бюро, чем и объясняется частая задержка в печатании материалов.

Т. Бесяков также останавливается на необходимости строгого соблюдения финансово-бюджетной дисциплины.

В заключение т. Бесяков выдвигает вопрос о необходимости добиться согласия НКФина Союза ССР на увеличение штата технических работников за счет свободных штатных единиц оперативных работников.

Яковлев (зам. прокурора Московской области) совершенно невразумительно, ссылаясь на свою «щепетильность» и доверие к этому прокурору, пытается объяснить свою безрукость при проверке сигнала о том, что прокурор Товарковского района спрятал в диван большое число заволокиченных дел.

Элькинд (зам. главного прокурора ж.-д. транспорта) в основном посвящает свое выступление техническим вопросам, недостаточности кадров, большой напряженности и перегруженности работников прокуратуры ж.-д. транспорта, исключительной серьезности стоящих перед этой прокуратурой задач и просил помочь прокуратуре ж.-д. кадрами.

Чернов (прокурор для поручений) указывает, что вследствие недостаточной квалификации наших кадров мы не справляемся как надо с той работой, которая возложена на нас партией и правительством, которая возложена на нас Сталинской Конституцией.

В виде примера т. Чернов приводит работу Прокуратуры РСФСР, которая только что была проверена. Проверка эта показала, что там, как правило, истребование дела продолжается не меньше нескольких месяцев. Проверка уголовно-судебного отдела показала, что этот отдел не руководит работой местных прокуратур по наблюдению за судами, что в этом отделе понятия не имеют, что делается на местах, потому что работники этого отдела на местах не бывают и работу периферии не обобщают. В Прокуратуре РСФСР такая система, что обобщение работы возложено на специального работника, который делает это по материалам, поступающим к нему от оперативных работников, а сам подвижной жизни и работы, по существу, не видит.

Обязанность уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР — наблюдать за работой кассационной коллегии Верховного суда РСФСР также не выполняется, и выступления Прокуратуры РСФСР в кассационной коллегии носят теперь эпизодический характер.

Далее т. Чернов сообщает, что при проверке прокуратуры РСФСР там обнаружено 10 мешков с бумагами, делами, и целым рядом фактов опровергает реплику т. Нириной, что в мешках якобы был архивный материал — в этих мешках были нерассмотренные жалобы и даже целые дела.

В заключение т. Чернов ставит вопрос о необходимости проверки работы местных органов прокуратуры и оказания им реальной помощи на месте.

Орлов Н. (зам. начальника отдела по наблюдению за ИТУ) говорит о специфических условиях работы прокуратуры, когда нельзя отграничить работу оперативного состава от работы технического. Поэтому он ставит вопрос о необходимости наладить работу канцелярии.

Т. Орлов также указывает на исключительное значение оперативных совещаний и просит т. Вышинского найти время для созыва этих оперативных совещаний в возможно более широком составе.

Шумовский (пом. прокурора Союза ССР) указывает на своевременность постановки вопроса о технике и культуре нашей работы и отмечает отсутствие единства канцелярской техники в прокуратурах отдельных республик. Далее т. Шумовский критикует недооценку работы с жалобами, которая приводит к тому, что в отделах жалоб работают малоквалифицированные люди, так называемые «штрафные роты».

Тов. Шумовский ставит вопрос о том, чтобы укрепить аппарат бюро жалоб квалифицированными работниками, в частности за счет свободных штатных единиц прокуратуры.

Карев (прокурор отдела кадров Прокуратуры Союза ССР) указывает, что в 1937 г. в Прокуратуре Союза ССР резко улучшилась методическая работа. Однако эта работа могла бы быть поставлена еще лучше, если бы весь состав центрального методического совета был привлечен к этой работе, тогда как теперь составление методических писем осуществляется узким кругом высококвалифицированных работников.

В заключение т. Карев отмечает недочет в работе отдела кадров, где нет отдельного выделенного работника, который занимался бы вопросом повышения квалификации прокурорских работников, в результате чего страдает эта работа.

Белов (прокурор информационной группы Прокуратуры Союза ССР) останавливается на недооценке работниками прокуратуры статистических материалов, которые дают очень много интересного для знакомства с работой периферии, для анализа работы прокуратуры.

Пренебрежительное отношение центрального аппарата к статистике заразило и периферию.

Нюрина (исполняющая обязанности прокурора РСФСР) начинает свое выступление с характеристики следственной работы Прокуратуры РСФСР.

— Из дел, подследственных следователям, — говорит т. Нюрина, — мы охватили по РСФСР 51,2%; из всей суммы дел нами охвачено 24%. К величайшему нашему стыду, мы в этой работе отстаем от Таджикистана, что для нас, при всех условиях, не лестно.

У нас в области руководства следствием имеется организационная неувязка. С переходом всей методической работы к Прокуратуре Союза ССР, с уходом от нас всей группы квалифицированных работников в области методического руководства следствием имеется прорыв в этой работе по РСФСР.

Далее т. Нюрина говорит о большой работе следственного отдела Прокуратуры РСФСР, которая проводится в очень тяжелых условиях вследствие недостаточности помещений, указывает на недостаточность приносимых протестов, а также на плохую защиту на местах протестов, вносимых прокурором РСФСР, вследствие чего правильные протесты порой не удовлетворяются.

Как положительное в работе Прокуратуры РСФСР т. Нюрина отмечает более частые вы-

езды на места работников республиканской прокуратуры.

Обнаружение незаконченных дел и жалоб в мешках т. Нюрина объясняет требованием т. Крыленко немедленно переехать в новое помещение. Однако т. Нюрина сама вынуждена признать, что это — сигнал о неблагополучии, о безобразной работе гражданского отдела.

Сольц (старший помощник Прокурора Союза ССР) останавливается на недостатках в работе по рассмотрению жалоб. Основным недостатком т. Сольц считает недостаточную активность, слишком частую штамповку в Прокуратуре Союза ССР решений предыдущих инстанций. Далее т. Сольц говорит о том, что место отдела жалоб в системе Прокуратуры не совсем точно определено. Некоторые считают, что жалобы должны все просматриваться в отделах жалоб и только те, которые требуют особых специальных знаний и сведений, должны идти в соответствующие отделы. Но при таком положении надо значительно уменьшить количество прокуроров, работающих в отделах, и значительно увеличить количество прокуроров, работающих в отделе жалоб. Только в этом случае отдел жалоб сумеет добросовестно рассматривать всякую жалобу.

Одним из недостатков работы отдела жалоб т. Сольц также считает то, что слишком много дел приходится направлять по отделам. Это происходит потому, что штат, которым располагает бюро жалоб, не дает возможности справиться с огромным потоком жалоб, который поступает в Прокуратуру Союза ССР.

Не отрицая наличия целого ряда недостатков в работе отдела жалоб, т. Сольц утверждает, что аппарат прокуратуры добросовестно работает над поступающими жалобами.

Хавевский (прокурор Дмитлага) критикует некоторых прокурорских работников, которые превращают его в передаточную инстанцию.

— Ко мне приходит, — говорит т. Хавевский, — колоссальное количество ответов на жалобы, и я убедился, что жалобы — это футбольный мяч, циркулирующий от одной прокурорской организации к другой, — от прокуратуры республики к прокуратуре края, области, от прокуратуры края, области — к районному прокурору, а районный прокурор утвердил обвинительное заключение или сам выступал обвинителем в суде по этому делу, обычно оставляет жалобу без последствий, и вся переписка поступает ко мне для объявления жалобщику. Такая порочная система приводит к своеобразному бюрократическому стилю работы. Не случайно на одну жалобу заключенного я получил ответ от помощника прокурора Азово-Черноморского края: «Я не понимаю, почему вы послали эту жалобу мне, когда этому жалобщику было уже однажды отказано мною».

Далее т. Хавевский высказывает пожелание об издании для низовых прокурорских работников специального методического письма по работе с жалобами — как не нужно отделяться бюрократическими разговорами, как не нужно гонять жалобу из одной инстанции в другую, а как по существу реагировать на те запросы трудящихся, которые поступают в прокуратуру.

В заключение т. Хаевский говорит об отсутствии точной регламентации работы лагерного прокурора, вследствие чего лагерные прокуроры часто не знают точно своих прав.

Виноградов (старший помощник прокурора РСФСР) подвергает критике работу уголовно-судебного отдела Прокуратуры Союза ССР, который не оказал Прокуратуре РСФСР никакой помощи в период организации, не реагировал на посылку материалов с итогами работы уголовно-судебного отдела прокуратуры РСФСР за I и II кварталы 1937 г.

— Мы обращаемся к руководству Прокуратуры Союза ССР, — говорит т. Виноградов, — почему нет руководства периферией в процессе работы, почему на все наши сводки, на все наши звонки мы не получаем ответа, почему на-ходу не выправляются недостатки, которых у нас много, но которых могло бы быть гораздо меньше, если бы они выправлялись на-ходу. Я не раз говорил т. Ширвиндту: «Вы засыпали нас жалобами, которые нигде ни разу никем не разбирались на месте, и эти жалобы вы направляете нам с трафареткой о затребовании дела и высылке заключения к такому-то сроку». На это т. Ширвиндт ответил, что если бумага идет по трафаретке, мы не обязаны требовать дела. Я считаю такой ответ недопустимым.

Миронов (главный прокурор водного транспорта) отмечает, что после первого акта личными указаниями и проверкой отдельных прокуроров на местах удалось повысить активность, инициативность следователей и прокуроров, работающих в водной прокуратуре, добиться повышения их бдительности в деле разоблачения врагов народа и в деле более правильного и быстрого проведения дел о контрреволюционных преступлениях. Если в 1936 г. были только единичные случаи ведения вредительских дел следователями водной прокуратуры, то сейчас следователями водной прокуратуры, в том числе и следователями главной прокуратуры водного транспорта, ведутся непосредственно дела о вредительстве и подрывной деятельности врагов народа на водном транспорте, а те дела, которые ведутся НКВД, за последние два с половиной месяца находили гораздо более систематический контроль со стороны прокуроров бассейнов и участков. Как положительный факт в работе водной прокуратуры т. Миронов отмечает возбуждение уголовных дел по признаку ст. 58⁷ УК РСФСР.

Т. Миронов ставит перед работниками главной прокуратуры водного транспорта задачу организовать систематический постоянный контроль и проверку работы каждого прокурора бассейна.

В заключение т. Миронов указывает на необходимость повысить качество следственной работы, ибо брак в следственной работе еще очень и очень высок.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

В заключительном слове т. Вышинский подверг резкой критике выступления целого ряда товарищей.

— Выступления ряда товарищей, — говорит т. Вышинский, — показали, что до сознания многих наших работников не дошли еще ре-

шения пленума Центрального комитета партии, ими не усвоены те требования, которые сформулированы в этих решениях по отношению к нашим органам.

Возьмем выступление т. Элькинда. Я утверждаю, что выступление т. Элькинда свидетельствует, что он не продумал, не усвоил решений пленума Центрального комитета. Он все свое выступление свел, в конце концов, к техническим вопросам: в работе текучка, мало штата, надо расширить штат, дать еще одного секретаря, никто взамен этого «потерянного» секретаря не дает другого. Вот центр выступления заместителя главного прокурора ж.-д. транспорта, который должен был сказать, как главная ж.-д. прокуратура перестраивает свою работу в соответствии с решениями пленума Центрального комитета партии. Разве это выступление не говорит об очень низком политическом уровне, о недостаточном понимании задач, которые сейчас стоят перед нами и, в частности, перед прокуратурой ж.-д. транспорта. Т. Элькинд ничего не сказал о том, как мы выполняем решения и требования Центрального комитета нашей партии, направленные к очищению наших рядов от диверсантов, вредителей, троцкистов, какие мероприятия проведены с того момента, когда пленум сформулировал обращенные к нам требования. Элькинд ничего этого не сказал. В своем выступлении он проявил одно — беспомощность. Прошло достаточно времени для того, чтобы действительно показать, как реорганизована работа с точки зрения хотя бы выполнения того основного требования, которое предъявил нам ЦК ВКП(б) в деле борьбы с крушениями. Изменилось ли что-нибудь с тех пор, как первичные акты начали уже составляться прокурорами, как идет дело, как ведется борьба, каковы имеются сейчас препятствия, мешающие правильно решить поставленную перед нами задачу.

Разве это не главное, разве это не самое важное, или может быть, вам недостаточно людей, которые сидят у вас в аппарате? Я думаю, что вы слишком увлеклись штатными вопросами, да и то не продумали вопроса, как получить участковых прокуроров из периферийных прокуроров, из тех, кто работал на ж.-д. транспорте. А что вы сделали в этом направлении, разве они сами к вам явятся? Надо организовать эту работу. Вы не вникли в то, что вам нужно было организовать в первую же очередь пересмотр дел, поновому расследовать дела о крушениях. Вы этого не сделали за 3 или 4 месяца, которые прошли со дня окончания пленума ЦК ВКП(б).

Я говорил на железнодорожном совещании, что надо обратить внимание на организацию следственной методической части по транспорту, что нужно позаботиться об издании целой серии методических брошюр по технике расследования всяких происшествий на ж.-д. транспорте для повышения технической грамотности участковых прокуроров, чтобы они знали, что такое излом шпал, что такое излом оси и т. д., но, видя, что у вас ничего не выходит, я на последнем методсовете поставил вопрос об издании специальной брошюры по вопросу расследования аварий на ж.-д. транспорте.

Выступая тут и т. Карев с заявлением о неправильной организации методической работы, которая, по его словам, зиждется на трех методах. Т. Карев предложил свои услуги написать методическое письмо. Никому, конечно, не запрещено проявлять инициативу, но не всякий, кто хотел бы написать методическое руководство, может быть присмелым автором. Я думаю, что т. Кареву нужно пока не писать учебники и методписья, а самому учиться по хорошим учебникам, и поэтому такого ответственного дела, как разработка методических пособий, мы не можем поручать т. Кареву. Неправильно говорит т. Карев, что только 3 человека участвуют в разработке методических писем, — к разработке методических писем привлечены все, кто только может оказать нам помощь, мы для этого вызываем работников с мест — из Ленинграда, Украины, БССР, привлекали крупнейших работников центра и с исключительной тщательностью, придирчивостью проверяем, обрабатываем методписья.

Далее т. Вышинский резко критикует выступление т. Нюриной, которая, вместо большевистского признания ошибок, занимается подтасовкой фактов, защитой чести своего «мундира», совершенно неосновательно полагая, что в Прокуратуре РСФСР все в порядке.

— Я знаю, что у нас в работе Прокуратуры Союза ССР имеются огромные недостатки, о которых мало говорят — раз в месяц на активе, но о которых надо говорить хотя и скромно, без крика, без шума, без рекламы, но с настойчивостью, преодолевая постепенное волокиту, бюрократизм, гнилье. А самовлюбленность т. Нюриной тем более опасна, что она ни на чем не основана, что работа прокуратуры все еще крайне неудовлетворительна.

Я считаю громадным недостатком работы нашей Прокуратуры Союза ССР, что она зам-

кнулась в своих четырех стенах, и если она иногда имеет дело с периферией, то лишь с периферией, лежащей за пределами Москвы и Московской области. Мы забыли, что периферия наша начинается с Прокуратуры РСФСР, с прокуратуры г. Москвы и Московской области. Поэтому наша прокуратура не руководит работой соответствующих отделов Прокуратуры РСФСР, г. Москвы и Московской области. Это — громадный недостаток.

Я обязываю своих замов, помощников и сам постараюсь непосредственно участвовать на оперативных совещаниях прокуратуры республики, подбирать вопросы, имеющие принципиальное значение, на которых можно учить и воспитывать людей.

У нас очень плохо обстоит дело с прокуратурой водного транспорта. Т. Миронов в очень благодушном настроении, хотя должен был отдать себе отчет, что если мы провели много дел по водному транспорту, то это в значительной степени благодаря тому, что руководство подстегивало главную водную прокуратуру, а сама водная прокуратура недостаточно подвижна и оперативна.

— Я надеюсь, — говорит в заключение т. Вышинский, — что сегодняшний актив вооружит нас на преодоление наших недостатков, что мы эти недостатки в кратчайший срок действительно устраним и сделаем все, чтобы работу прокуратуры поднять на более высокую ступень.

После заключительного слова т. Вышинского собрание принимает решение поручить руководству Прокуратуры Союза ССР учесть все ценные предложения, сделанные на активе, и на их основе дать определенные оперативные указания управлениям, отделам Прокуратуры Союза ССР и всей периферии.

Активы судебно-прокурорских работников на местах¹

Во всех республиканских, краевых и областных прокуратурах и судах прошли активы судебно-прокурорских работников, посвященные обсуждению решений последнего пленума ЦК ВКП(б). В некоторых местах по времени активы совпали с отчетно-выборными собраниями низовых партийных судебно-прокурорских органов, на которых вопросы производственного порядка также подверглись широкому обсуждению.

Польза этих собраний вряд ли может вызвать у кого-либо сомнение. Однако нельзя без сожаления сказать о целом ряде активов, прошедших не на должной высоте. Целый ряд товарищей не уяснили еще до сегодняшнего дня во всей полноте все значение самокритики, помогающей вскрывать наши больные места, и нередко недостаточную большевистскую бдительность на самых острых участках нашей работы.

На этих собраниях некоторыми товарищами самокритика была воспринята как право кри-

тиковать только своих соседей, указывая на их недостатки в работе, прорехи и прорывы, не замечая своих собственных, не менее серьезных ошибок. В тех же случаях, когда выступавшие на активе товарищи указывали на собственные прорехи, эти товарищи и без того довольно робкую самокритику брали в штыки.

Примеров этого чрезвычайно много. Вот хотя бы происходивший в апреле в г. Красноярске актив краевых работников прокуратуры и суда (прокуроров, следователей, районных судей и членов краевого суда). Обсуждение задач краевого суда и прокуратуры в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) началось с доклада председателя краевого суда т. Королева.

Весь свой доклад т. Королев построил на жарких призывах к бдительности, перестройке работы и подготовке к выборам судей. Тов. Королев обвинял районных судей в плохой работе. Он доказывал, что большинство районных народных судов не перестроилось еще в соответствии с требованиями Сталинской Конституции. Судьи не поняли всей сущности

¹ По материалам местной прессы.

этих требований: они не подвергли свою работу критике масс, не отчитываются перед избирателями, недостаточно связаны с общественностью; в судебной работе имеют место вопиющие искривления советских законов; бюрократизм и волокита свили прочное гнездо в дебрях судебной канцелярии.

Тов. Королев на цифрах проиллюстрировал эту волокиту: 40% всех судебных дел в крае рассматривается в установленные законом сроки, а остальные дела, особенно по растратам, хищениям и алиментным, маринуются в судах по 3—6 месяцев.

Давая оценку кадрам краевых судебных работников, т. Королев остановился на общей и специально юридической подготовке народных судей. И здесь он, призвав на помощь критику, обвинил судей в невежественности, нарушении принципов советской демократии, неосновательном осуждении граждан и прямым беззаконием.

Все эти дефекты т. Королев, не щадя своего красноречия, обрушил на головы народных судей, скромно отметив лишь в общих чертах об ответственности краевого суда, призванного помогать районным судам и во-время исправлять их ошибки. А когда дело коснулось этой помощи и, в частности, работы кассационной инстанции краевого суда, оказалось, что больших «рекордов» вряд ли еще сыщешь где-либо.

В уголовно-судебной коллегии не рассмотрены дела поступления... 1933 г.

О конкретных виновниках этого т. Королев скромно умолчал, хотя он обвинял эту коллегия в политической беспечности, зазнайстве, либерализме и притуплении классовой бдительности.

О президиуме краевого суда, который так же, как и сам председатель краевого суда, должен был как-то реагировать на все эти безобразия, т. Королев почему-то забыл сказать. Впрочем, ответственным за всю работу председателя краевого суда он сделал члена спецколлегии т. Колесниченко.

Столь же «самокритичной» оказалась и заместитель красносарского краевого прокурора т. Дорощева, которая ознакомила собрание с работой краевой прокуратуры. Тов. Дорощева пошла тем же путем, что и председатель краевого суда. Она обрушилась на районных прокуроров за проявленную ими политическую слепоту, беспечность, недооценку опасности капиталистического окружения. Районные прокуроры, по мнению т. Дорощевой, зарылись в бумагах и не видят живой действительности, не овладевают большевизмом, невежественны и пр. В самом краевом аппарате то же оказалось кое-что неблагодарным. Некоторые работники краевой прокуратуры допустили гнилой либерализм в отношении контрреволюционеров, недооценили вылазки классовых врагов и их антисоветскую деятельность свели к простым должностным преступлениям.

В своем выступлении т. Дорощева вывела на чистую воду и Красноярский городской совет, попиравший социалистическую законность. В мае прошлого года горсовет одним махом утвердил 60 обязательных постановлений, неведомых, но весьма ощутимых избирателями, так как последние в количестве свыше 2 тысяч были оштрафованы за нарушения этих самых постановлений до того, по-

ка эти постановления официально стали известны населению.

О многих еще серьезных упущениях говорилось на этом собрании, но о том, что об этих нарушениях революционной законности было задолго до актива известно краевой прокуратуре и об отсутствии оперативного руководства и методической помощи районным прокурорам, волоките и плохой работе краевой прокуратуры и суда докладчики сказали очень скромно.

Причины всех этих бед вскрылись на активе. Нечеткость в работе краевого суда и прокуратуры, зажим самокритики, зазнайство, подхалимство, казенщина и пр. привели к такому положению. Даже на собрании актива народные судьи и районные прокуроры в своих выступлениях только жаловались на отсутствие помощи из края и, за исключением четырех самокритичных выступлений, остальные товарищи в работе краевого суда и прокуратуры истинной картины не вскрыли.

Такое же положение имело место и на активе работников суда и прокуратуры Кабардино-Балкарии.

В своем докладе о задачах суда и прокуратуры прокурор республики т. Кулин подверг резкой критике работу судебных органов; он специально остановился на волоките в районных судах, где сотни дел мариновались по нескольку месяцев.

Беспечность и небрежность хранения судебных дел и документов привели к частым случаям утери их.

Судебные приговоры т. Драчева — народного судьи Прималковского района — написаны, как правило, на папках дел, весьма лаконично, но вразумительно и заключаются в двух-трех словах: «Такого-то приговорить на столько-то лет».

В производстве этого народного судьи было 800 неразобранных дел, а по тем делам, где он на обложках написал коротко «судебный приговор — 2 года» или подобное этому, осужденные содержались под стражей на основании только таких данных, принимавшихся за судебные решения.

Выступавшие товарищи, рассказали, что эти дела у Драчева имеют хоть какое-то решение, но у Драчева имеются и другие разрешенные в судебных заседаниях дела, по которым он совсем решений не выносил. Так они лежат без движения.

Этот «человеколюбивый и мудрый» судья оказался не менее «великодушным» к жалобщикам. Он принял от посетителей 325 исковых заявлений, оплаченных судебными пошлинами и... оставил их без движения. Свой судейский стол он завалил нераспечатанной за полтора месяца почтой, весьма обширной перепиской, которая живым укором бездушно Драчева долго и безмолвно отлеживалась. Здесь были исполнительные листы по алиментным и другим делам и неоднократные, но тщетные напоминания и запросы отдельных граждан и государственных учреждений.

Увы, судья Драчев не одинок. Городской судья г. Нальчика т. Маремунов из 453 дел 100 дел не рассмотрел еще с 1936 г. Однако т. Маремунов в своем выступлении, отдав дань полезности критики и самокритики вообще и выступившим товарищам в частности, выразил недовольство, что так долго говорят о

его старых делах, о которых уже всем известно. Когда Маремунову с места стали напоминать о целом ряде допущенных им грубейших извращений закона, ему ничего не осталось как принести покаянную и заявить об утере бдительности.

Выступивший с критикой работы кассационной инстанции Верховного суда народный судья Урванского района т. Кумехов упрекал Верховный суд в неказании народным судам помощи и, в частности, его районному суду, в котором в течение 6 месяцев не было судьи и скопилось 246 нерассмотренных дел. Но т. Кумехов оказался тоже не безупречным и о своем собственном бездельи ничего не сказал. А между тем, на активе выявилось, что т. Кумехов вместо 80 установленных для месячной нормы дел разбирает только 15. Зато народный судья Нальчиковского района, разбиравший до проверки его работы Верховным судом по 15 дел в месяц, после этой проверки стал разбирать 38 дел за 2 дня. Это сообщение внушило присутствовавшим сомнение насчет качества судебных решений.

В своем докладе т. Кулин не обошел молчанием и волокиту в кассационной коллегии Верховного суда и даже не забыл о 5-месячном вылеживании на столе одного из членов суда Алмирова какого-то дела. Но о работе прокуратуры... т. Кулин самоуверительно заявил, что она (прокуратура) работает значительно лучше, чем суд. Между тем, выступавшие в прениях работники прокуратуры вскрыли немало безобразий и в своем аппарате.

Припертый к стене критикой низовых работников, т. Кулин вынужден был расписаться в собственной мягкотелости, семейственности и попустительстве беззакониям Маремунова.

Выступавшие по докладу прокурора Казахстана т. Ескараева на собрании актива прокуратуры Казахской ССР работники прокуратуры дополнили докладчика фактами плохой работы и допущенных прокуратурой серьезных политических ошибок.

Однако многие из выступавших товарищей несамкритично подошли к собственным ошибкам, т. е. просто предпочли обойти их молчанием. Так выступали работники Алма-Атинской городской прокуратуры тт. Ерембетов, Кладнева и Прыгов, справедливо критиковавшие республиканскую прокуратуру за недостатки ее работы, но ни единым словом они не обмолвились о собственных грубейших нарушениях революционной законности. А рассказать им было о чем. Взять хотя бы постановку судебного надзора в Алма-Атинской областной прокуратуре, она стоит на последнем месте в республике.

На этом активе отмечалось отсутствие борьбы за подбор и подготовку кадров, что привело к пронижновению в аппарат разложившихся, чуждых и даже враждебных националистических элементов. Безобразная работа в отдельных случаях приводила к смазыванию политической сущности ряда дел.

В аппарате Южноказахстанской областной прокуратуры работали помощник областного прокурора Альмухамедов и Даурбаев, оказавшиеся враждебными националистическими элементами.

Бывший алма-атинский областной прокурор

Овчинников прекратил дело и освободил из-под стражи кулака-террориста Андреева, который после своего освобождения совершил террористический акт.

Заместитель актюбинского областного прокурора Абросимов, помощники областного прокурора Вайсков и Орлов, народный следователь Шмыров и помощники Восточноказахстанского областного прокурора Маслов и Федоров в своем бытовом разложении доказались до связи с преступными элементами. Эта связь привела их к потере бдительности и к ослаблению государственной дисциплины.

На активе судебно-прокурорских работников Туркмении по докладу наркома юстиции т. Сопи Коканова шли оживленные прения. Выступивший и. о. прокурора республики т. Хайкин рассказал о работе прокуратуры. Остановившаяся на искривлениях революционной законности, т. Хайкин привел в пример дело Марыльского прокурора Аллакулова и на этом хотел было закончить, но репликами с мест его заставили поподробнее остановиться на недочетах работы республиканской прокуратуры. Тогда т. Хайкин рассказал еще о керкинском городском прокуроре Кононенко, выславшем в угоду одному из ответственных работников из Керков его б. жену на том лишь основании, что она «мозолила глаза и действовала на нервы этому ответственному работнику».

Тсв. Хайкин раскритиковал районных работников и бюро жалоб республиканской прокуратуры и обошел совершенно молчанием случаи зажима самокритики и лодхалимства, как будто бы их вовсе в прокуратуре не было.

По примеру своего руководителя остальные работники разоблачили лишь районных прокуроров. Больше всего они говорили о волоките в судах и очень робко критиковали свое республиканское начальство. Когда же кзил-арватский районный прокурор Маргушевич пожаловался на бюрократическое руководство республиканской прокуратуры, из президиума раздалась недовольные возгласы т. Хайкина и старшего его помощника т. Черкасова: «Не верно это!». А заместитель прокурора ТуркССР т. Мельников тут же из президиума бросил реплику: «Мы ведь совещались с вами, т. Матушевич». После чего т. Матушевич так и не удалось договорить до конца, и он ушел с трибуны, не закончив своего выступления.

Кое-где на собраниях актива зашевелились работники и стали порезче рассказывать об имеющихся в аппарате и у руководства недочетах.

На партийном собрании в прокуратуре БССР были вскрыты серьезные недостатки в работе и. о. прокурора республики т. Глезерова. По утверждению т. Захаркина, у Глезерова не было случая, чтобы он в разговоре с кем-либо из сотрудников обходился без угроз. За малейшее и пустяковое упущение он угрожал отдал «виновного» под суд. Чиновнический-бюрократический «стиль» его работы дошел до того, что приезжавшие из районов работники часто по несколько дней просиживали в его приемной, дожидаясь попасть к Глезерову. Выяснилось, что даже работники республиканской прокуратуры не всегда могут добиться приема у т. Глезерова.

Широко развитый в прокуратуре БССР зажим самокритики и подхалимства проиллюстрировал т. Гирко, выступивший с критикой заместителя прокурора республики, члена парткома т. Селиверстова. Тов. Гирко упрекал Селиверстова в грубости, самодурстве и прочих недостатках. Но самым интересным в выступлении т. Гирко оказалось его предупреждение, с которого он и начал свое выступление. Он отдал дань критике и самокритике, но, будучи от природы застенчивым и с начальством вежливым, прежде чем начать свое выступление, попросил у Селиверстова извинения за то, что ему приходится его покрывать.

Зажим самокритики, угодливость и подхалимство в ряде прокуратур привели к полному притуплению классовой бдительности.

В Карельской прокуратуре на активе работники резко отмечали бюрократический подход прокурора республики т. Гетнер к подбору кадров в аппарат республиканской прокуратуры. Выступавшие товарищи уличали т. Гетнера в подборе людей по анкетным данным, а не по их работе; товарищи говорили, что, кто «ссориться» не любит и против Гетнера не выступает, того он на лучшем счету держит. Другим крупнейшим недостатком у Гетнера является оторванность от масс и нежелание прислушиваться к голосу даже своих помощников. Помощник прокурора республики т. Агеев привел пример, когда он долго пытался убедить т. Гетнера опротестовать судебный приговор о неправильном осуждении некоего Свинына на 6 лет лишения свободы за убийство своего товарища. Тов. Агеев настаивал на невиновности Свинына, а Гетнер не хотел приносить протеста; тогда т. Агеев, нарушая служебную дисциплину, послал за своей подписью в Москву протест, с которым Верховный суд согласился, приговор отменил и дело вернул к новому рассмотрению.

В аппарате Карельской прокуратуры безответственно хранились секретные документы; нередко они оставались в открытых столах и за этим также никто не следил.

В Карельской прокуратуре орудовали враги народа: троцкист, б. старший помощник прокурора республики Парфентьев и зинovieвец, помощник прокурора Аксеновский. Троцкистом оказался также председатель коллегии защитников Ниссон.

В своем выступлении т. Гетнер хотя и признал, что прокуратура недостаточно боролась с врагами народа, растратчиками и пр. и констатировал ряд существенных упущений по работе, но к выступлениям товарищей отнесся недостаточно самокритично.

Рекорд по зажиму самокритики побил тюменский старший судья Омской области т. Луковников. На собрании по проработке последнего пленума ЦК ВКП(б) выступила с разоблачительной против этого судьи речью секретарь суда т. Владимирцева, отметившая, что т. Луковников критики не переваривает. Со своими подчиненными он груб, особенно при посетителях. На собрании т. Владимирцева заявила прямо: «Я знаю, что завтра мне вынесут три выговора за мое сегодняшнее выступление. Я уже это испытала. Высказалась о Луковникове на собрании, а мне на другой день преподнесли выговор». Слова Владимир-

цевой подтвердили секретари других участков суда тт. Сорокина и Менина.

Не отстал от старшего судьи и районный прокурор Фофанов, который на том же собрании не дал говорить комсомолке — следователю Тювиковой. Во время ее выступления он оборвал ее и, наконец, запретил его критиковать, так как он, Фофанов, прежде всего прокурор, а она Тювикова его подчиненная. Здесь же он подчеркнул, что ему, пожалуй, с Тювиковой придется расстаться.

Выступившей в защиту Тювиковой народному судье т. Водяной Фофанов «приказал не вмешиваться в его функции». Он заявил: «Я — прокурор, коммунист, могу распоряжаться как хочу, не имеет права травить коммуниста среди беспартийных».

Собрание единодушно осудило безобразное отношение народного судьи и районного прокурора к жалобщикам, грубость, издевательства над ними и отсылку из одного кабинета в другой, волокиту, утерю дел и прочие пороки чиновничье-рутинного прошлого на этом судебном участке и в прокуратуре.

Только благодаря отсутствию самокритики, благодущию, идиотской беспечности и слепоте могли на глазах работников хакасской прокуратуры орудовать враги народа — троцкист, б. прокурор Жиров, скрывший свою связь с братьями-троцкистами и явно помогавший врагам народа творить свои грязные дела.

Жиров всячески затягивал следственные дела, незаконно прекращал производством вредительские дела, дела о расхищении социалистической собственности и о контрреволюционной деятельности.

Свою работу Жиров умышленно построил так, что фактически снял с себя ответственность и переложил ее на своих помощников. На партсобрании хакасской прокуратуры и суда, хотя и с запозданием, все же товарищи пытались предъявить счет Жирову и его ближайшему помощнику и соподвижнику Карагусову, который из боязни быть разоблаченным, предпочел совсем уйти с собрания. У Карагусова в памяти оставалось предшествовавшее этому собранию другое, где он в ответ на критику его недостатков сотрудниками Альфер нанес ей публичное оскорбление. За это Карагусов в партийном порядке получил выговор. Выступавших в прениях товарищей, указывавших на его недостатки, Карагусов сбивал репликами. Это безобразное поведение Карагусова все же не помешало собранию дать оценку его двурушнической деятельности. Ближайший помощник Жирова и Карагусова Вьюгов угодливо замазывал делишки своих друзей. Вызванный собранием к ответу, Вьюгов ни одним словом не помог вскрыть до конца «наследство» Жирова. Он ничего не сказал о засоренности аппарата прокуратуры классово враждебными людьми и умолчал о собственной попытке «угодить родному человечку» Карагусову, на грубость которого поступила к прокуратуре газетная заметка с просьбой воздействовать и призвать Карагусова к порядку.

Вместо соответствующего реагирования т. Вьюгов наложил мудрую резолюцию: «Доложите т. Карагусову и надо сообщить в краевую прокуратуру».

К сожалению, ни краевая прокуратура, ни местные партийные организации большого ин-

тереса к печальным делам хакасской прокуратуры не проявили. Представителей райкома партии при обсуждении таких необычных для хакасской прокуратуры вопросов на последних собраниях не было.

Не лучше дело обстоит в таджикских органах юстиции. Здесь прочно свили гнездо волокиты и бюрократизм. В результате утери революционной бдительности докатились до уголовщины и попали на скамью подсудимых члены Верховного суда: Зотов, Иванов и Алиев, ныне осужденные.

Много говорилось также и о члене Верховного суда Крылове, рассматривавшем дело Таджиклеса. Здесь он взял на себя функции «ученого лесоведа», и, вынося оправдательный приговор врагам народа Алпареву, Скрипко и др., обосновал его на «сугубо научных данных», вроде того, что «условия Таджикистана для проведения лесокультурных мероприятий научно (?) недостаточно исследованы». Этих высоко научных соображений для Крылова оказалось достаточно, чтобы оправдать матерых врагов. Делом Таджиклеса не исчерпывается деятельность Крылова. Уже в качестве кассационной инстанции Крылова, вкупе с членами суда Лещиным и Вальман, рассматривали дело главного инженера и члена научно-технического совета Таджикского комсомола Полонского и др., обвинявшихся в преступно-халатном производстве изыскательных работ по проектировке и постройке ряда гидростанций в районах Таджикистана. Их преступная деятельность принесла государству 86 000 руб. убытка. Народным судом г. Сталинабада Полонский, Боровинский, Попов и др. были осуждены к разным срокам лишения свободы. Кассационная коллегия Верховного суда Таджикистана в составе тт. Крылова, Лещина и Вальман сочла возможным заменить Полонскому лишение свободы и.т. работами по мотивам «безупречности» Полонского. «Безупречность» Полонского, очевидно, должна быть отнесена к его прежним судимостям за контрреволюционные преступления, за которые он был осужден ранее к 3 годам лишения свободы и к 3 годам высылки.

При наличии вопиющих нарушений революционной законности, отрыва от общественности, грубейших пробелов в работе судебно-прокурорские органы Таджикистана не из-

влекли должных уроков и достаточных мер к перестройке работы не приняли.

Так искусно маскируясь, проникают во все поры государственного аппарата враги, которые часто благодаря классовой слепоте и неумению работников распознавать врага во время не разоблачаются.

Несмотря на имеющиеся в таджикских органах юстиции сигналы, хотя бы о члене Верховного суда Крылове, смазывающем дела врагов народа, ни Наркомюст Таджикистана, ни партийная организация не заинтересовались работой и личностью т. Крылова.

Можно было бы привести еще больше примеров вскрывающихся на активах и других собраниях судебно-прокурорских работников беззаконий. Совершенно ясно и бесспорно то, что сейчас, когда на основе последних партийных решений и вступившей в действие Сталинской Конституции роль судебно-прокурорских органов как орудие классовой борьбы возросла еще больше, суд, прокуратура и следственные органы обязаны оперативно перестроиться, самокритичней оценивать свою работу, повышая требования к каждому работнику, правильно и четко расставляя людей, опираясь на общественность, рабочий актив, своевременно устранять имеющиеся прорывы.

Ряд краев и областей уже приступил к выборам народных судей. Широкое обсуждение общественностью судебной работы даст большую возможность судам перестроиться в соответствии с повышенными требованиями нашей великой Сталинской Конституции.

Довольно много прокуратур, особенно краевых и районных, имеют не плохой актив общественников, помогающих и вносящих живую струю в работу аппарата.

Нужно прямо сказать, что, несмотря на частое освещение в печати работы активистов, далеко не всеми еще полностью усвоено значение актива. Этим объясняется недостаточное внимание большинства прошедших партийно-производственных собраний к вопросам, связанным с работой активистов.

Новые формы классовой борьбы, коварные и утонченные методы маскировки наших врагов требуют от судебно-прокурорских работников еще большей четкости в работе и подлинной бдительности в распознавании врагов.

Право-процесс-судостроительство в капиталистических странах

Гражданское право Англии

Общезвестная сложность английского права вообще, и гражданского в особенности, и трудность его понимания для неанглийских юристов обуславливается различными обстоятельствами. Прежде всего английское право развивалось самостоятельно, почти без всякого влияния римского права, оказавшего решающее влияние на гражданское право всех континентальных капиталистических стран. Далее, в Англии, как известно, нет гражданского кодекса. Более того,* источником действующего

гражданского права являются в Англии не только законы, и можно даже утверждать, — это делают многие исследователи английского гражданского права, — что закон является в Англии не главным источником права.

Источники английского гражданского права в основном складываются из так называемого статутного права (statut law) и так называемого общего права (Common law). Только статутное право, огромное по размерам, состоит из законодательных актов. Консервативность английского права нашла свое яркое проявление в той особенности статутного права, которая

заклучается в сохранении до сих пор бесчисленного количества изданных много сот лет назад законов, которые по содержанию потеряли всякий смысл, но в которые путем казуистических толкований вкладывается совершенно новое содержание, соответствующее изменившимся условиям и потребностям.

Так называемое общее право состоит из необозримого числа так называемых прецедентов, то есть судебных решений, вынесенных в разное время английскими судами и содержащих в себе некие общие правила, якобы оформляющие существовавшие в обороте обычаи. Насколько велико количество прецедентов, можно судить по тому, что официальный их сборник состоит из 350 томов. Разобраться в этом море казуистики неспециалисты не в состоянии. Только каста специалистов—юристов в состоянии овладеть им. Обыватель, в особенности трудящийся, становится тем самым беспомощным в защите своих интересов, и только тот, кто в состоянии оплатить дорого стоящих адвокатов, может надеяться на выигрыш своего правового или неправого дела.

Маркс и Энгельс не раз останавливались на этих особенностях английского права: «Английский закон есть или обычное право, то есть не писанное право, как оно существовало к тому времени, с которого начали собирать статуты, и позже было составлено юридическими авторитетами (и это право, конечно, в главнейших своих статьях неопределенно и сомнительно) или статутное право..., которое состоит из бесконечного ряда отдельных парламентских актов, собиравшихся в течение 500 лет, которые взаимно себе противоречат и ставят на место «правового состояния» совершенно бесправное состояние. Адвокат здесь все: кто очень основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот всемогущ в английском суде»¹.

Неудивительно, что влиятельная в Англии каста судей и адвокатов, всячески заинтересованная в сохранении существующего положения, резко противится всяким попыткам издания гражданского кодекса, и делавшиеся в этом направлении предложения неизменно терпели неудачу.

Кроме статутного и общего права в английском гражданском праве применяются до сих пор остатки так называемого права справедливости (equity). Хотя официально это право и не является более источником права, а существовавшие раньше специальные суды справедливости давно ликвидированы, тем не менее в литературе и в судебных решениях до сих пор отдельные правовые институты называются институтами права справедливости.

Область применения английского гражданского права территориально крайне велика. С некоторыми изменениями оно применяется, помимо Англии, Ирландии и Шотландии, в английских колониях и доминионах. Оно оказало значительное влияние на американское право.

Что касается содержания английского гражданского права, то при сохранении старых феодальных законов и прецедентов, составляющих значительную, если не большую его часть,

оно «выражает экономические отношения капиталистического общества варварским феодальным языком, который так же мало соответствует выражаемой им вещи, как английская орфография английскому произношению» (Энгельс). После империалистической войны английская буржуазия настолько сумела свое архаическое право приспособить к условиям эпохи господства загнивающего финансового капитала, что во многих отношениях оно более отражает интересы господствующего класса, чем основанное на новых сравнительно гражданских кодексах гражданское право других капиталистических стран. Изданные же в последнее время в Англии отдельные законы, например, закон о наследовании, оказались более «прогрессивными», чем аналогичные законы других стран.

Надо, наконец, отметить, что английское гражданское право включает в себя и так называемое торговое право.

Классический курс английского права Эдуарда Дженкса делит систему существующего английского гражданского права на следующие разделы: семейное право, право собственности, доверительное управление (trust) и обязательственное право. Эта упрощенная схема не отражает всей сложности отношений, охватываемых гражданским правом Англии, и несколько искусственно объединяет такую самостоятельную группу прав, как, например, исключительные права, с правом собственности. Наследственное право по этой схеме рассматривается частью в семейном праве (наследование по закону), частью в разделе «право собственности» (наследование по завещанию). Договорное право оказывается частью в праве собственности. Но эта схема удобна для краткого обзора гражданского права Англии, так как она выделяет те именно разделы гражданского права, которые получили в Англии наиболее яркое развитие или представляют собой (как, например, институт доверительного управления) специфическую особенность английского права. Другие схемы, как, например, принятая Стифенсом, более сложны и не столь удобны для краткого изложения системы английского гражданского права.

Семейное право

Семейное право Англии представляет характерную для гражданского права Англии картину сочетания ярких анахронизмов с «переводными» для капиталистической страны институтами.

Семья в легальном смысле — это, по английским законам, только семья, основанная на браке, заключенном согласно законам Англии. В последнем отношении различаются браки, заключаемые господствующей церковью (английской), и остальные браки. Заключение английских браков регулируется до сих пор древним «Законом о браке» 1753 г. Согласно этому закону, брак должен быть заключен в церкви или часовне, предназначенной для заключения браков, служителем церкви, в присутствии двух свидетелей и притом обязательно не раньше 8 часов утра и не позже 6 часов вечера. Брачующиеся должны за три месяца до венчания в церкви выполнить определенные формальности в виде одной из следующих четырех форм: а) оглашение во всех церквях

¹ Цит. по книге К. Маркс и Ф. Энгельс о праве, М. 1925, стр. 217.

прихода, в котором проживают жених и невеста; б) разрешение архиепископа или других, заменяющих его, служителей церкви; в) специальное разрешение епископа Кентерберийского; г) разрешение так называемого суперинтенданта.

Брачный возраст для мужчин установлен законом 1753 г. в 14 лет, для женщин в 12 лет. Несовершеннолетние, то есть достигшие 21-летнего возраста, нуждаются для заключения брака в разрешении родителей или опекунов.

Неанглийские браки могут заключаться как в религиозном, так и в гражданском порядке.

Заключение брака влечет за собой сложные правоотношения супругов. Супруги обязаны проживать вместе. В английском праве все еще сохранилось право на иск о принудительном водворении супруга, оставившего общий дом. Однако эта архаическая форма сохранила значение только формальности, являющейся одной из предпосылок для развода или для оформления раздельного жительства супругов.

Закон знает обязанность супругов, живущих раздельно, помогать денежно друг другу. Однако муж может быть присужден к платежу не более 2 фунтов (17 рублей) в месяц в пользу жены и детей при условии, если она подходит под требования «закона о бедных». Обязанность жены помогать мужу еще более ограниченная.

Местожительство супругов и образ их жизни устанавливаются мужем.

Английское право, признававшее прежде общность имущества супругов, за последнее полувековье перешло на систему раздельного имущества. Супруги могут заключать между собой договоры и возбуждать в суде иски друг против друга, вытекающие из нарушения договоров, или взыскивать друг с друга убытки за вред, причиненный раздельному имуществу.

Расторжение брака в английском праве может производиться в двух формах: признания брака недействительным и развода действительного брака.

Основанием для признания брака недействительным являются: а) родство супругов; б) недостижение брачного возраста; в) отсутствие согласия; г) физическая импотентность; д) наличие другого действительного брака у одного (или обоих) из супругов.

Основанием для развода служит: для мужчины признание жены виновной в измене, совершенной после заключения брака; для женщины признание мужа виновным в измене (введено в 1923 г.), в изнасиловании или в «неестественном преступлении» против брака.

Признание брака недействительным и развод требуют двух решений суда. Первое решение выносится не окончательно, а условно. Через шесть месяцев после этого решения истец может потребовать второго и окончательного решения. В промежутке стороны продолжают оставаться супругами, а суд, установив какое-нибудь «препятствие» к разводу, может аннулировать свое первое решение. Специальный чиновник занят изысканием таких «препятствий», с нескрываемой целью уменьшить число разводов.

Решение суда о раздельном жительстве супругов может быть вынесено по просьбе мужа или жены, в случае доказанности измены, или

жестокое обращение с истцом, или отказа повиноваться решению суда о возобновлении супружеской жизни, или совершения «неестественного преступления» другой стороной после заключения брака.

Английское право сохраняет до сих пор варварский закон о неравноправии детей, рожденных в браке и вне брака. Только дети, рожденные в законном браке, являются законными. Внебрачный ребенок считается не имеющим отца. Содержать его обязана мать, и только в случае, если мать подпадает под действие закона о бедных, отец внебрачного ребенка может быть присужден к уплате алиментов в сумме не более 10 шиллингов в неделю. Даже последующий брак родителей не может узаконить внебрачного ребенка.

При жизни отца ребенка отец один, а не оба родителя вместе, является законным опекуном. При жизни обоих родителей отец единолично решает все вопросы, относящиеся к образу жизни и воспитанию ребенка. В случае смерти отца мать становится опекуном ребенка одна или же совместно с другим лицом, назначенным умершим отцом ребенка или судом. Мать может также на случай своей смерти просить о назначении соопекуна отцу ребенка.

В случае развода родителей или судебного решения об их раздельном жительстве суд может объявить признанную виновной сторону «недостойной» надзирать и опекать детей.

Опекуны ребенка имеют все права отца ребенка во всем, что касается воспитания и устройства, включая право на дачу разрешения для вступления в брак (до достижения 21 года, когда опека кончается).

Порядок наследования по закону подвергся в Англии в 1925 г. решительным изменениям. Наследниками по закону являются теперь родственники не далее чем третьей степени. Все сыновья получают равные доли. Мужчины и женщины уравниваются в правах наследования. Переживший супруг получает «личные вещи» умершего, до 100 фунтов стерлингов (если они имеются в наследстве) деньгами и пожизненную ренту из остатка наследственного имущества (в случае отсутствия прямых наследников) или с половины остатка (если прямые наследники имеются).

Право составления завещания принадлежит в Англии каждому достигшему 21-летнего возраста. Солдаты во время действительной службы и моряки в море могут составлять завещания, если им исполнилось 16 лет, без соблюдения при этом необходимых формальностей.

Формальности, предъявляемые к составлению завещания, заключаются в следующем: а) обязательная письменная форма; б) подпись под завещанием, сделанная лично завещателем или кем-либо другим в его присутствии и по его указанию; в) засвидетельствование завещания двумя свидетелями, каждый из которых подписывается в присутствии завещателя, но не обязательно в одно время друг с другом. Свидетели и их супруги не могут ничего получить по завещанию. Английское право не требует, чтобы завещание было обязательно написано самим завещателем.

В числе обстоятельств, ведущих за собою потерю силы законно составленным завещанием (составление нового завещания, уничто-

жение завещания и др.), английское право считает и вступление завещателя в брак после составления завещания, за исключением тех случаев, когда из завещания видно, что оно было сделано в предвидении вступления в этот брак, или когда имущество, которым завещатель распорядился, не перешло бы к его родственникам, если бы не было такого распоряжения завещателя (например, распоряжение таким имуществом, которое завещатель может завещать только определенному кругу лиц).

Одной из особенностей английского права является полная свобода завещания при выборе наследников. Завещать можно кому угодно. Другая особенность состоит в том, что после смерти завещателя все наследственное имущество поступает в распоряжение душеприказчика (если он указан в завещании) или назначенного судом лица (если душеприказчика нет). Эти лица приводят имущество в порядок, после чего передают наследникам в соответствии с завещанием остаток, получившийся после уплаты всех долгов завещателя.

Право собственности

Английское право проводит строгое различие между правом собственности на недвижимость и на движимые вещи.

Наиболее характерно для английского права на недвижимость разложение права собственности на землю на отдельные права: право на поверхность земли, право на недра и право на воздушное пространство и даже на отдельные его слои. Таким образом на одном и том же участке А может быть собственником поверхности земли, Б — недр земли, В — воздушного столба над участком до определенной высоты и Г — остального. Однако закон, пока не доказано противного, считает, что собственник земли имеет на нее право «usque ad centrum et usque ad coelum», то есть до центра земли и до неба. Поэтому, если полотнище флага, вывешенного владельцем земельного участка на своем участке, реет над участком соседа, то вывесивший флаг нарушил право собственности соседа. Развитие авиации было несовместимо с правом частных владельцев на воздушный столб «до неба» и вынудило специально предусмотреть в законе о воздухоплавании, что полет над землей на высоте, которая диктуется состоянием ветра и погоды и другими обстоятельствами, не является нарушением права собственности.

До издания закона 1925 г. в английском праве господствовала фикция, что вся земля принадлежит королю и что все права на землю других лиц — производные от права короля.

Точно так же только в 1925 г. Англия перешла к общепринятой в других капиталистических странах системе ипотеки.

Несмотря на то, что в 1925 г. был издан закон о собственности, многие архаические законы и положения общего права не были отменены, и право собственности на недвижимость сохраняет в Англии до сих пор ряд специфических особенностей, в значительной мере покоящихся на сильном влиянии земельного капитала и на консерватизме господствующих классов и подтверждающих лишней раз указания Энгельса на то, что «в Англии непрерывное существование дореволюционных и после-

революционных учреждений и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в непрерывности судебных прецедентов, равно как и в почтительном сохранении феодальных законодательных норм».

Гораздо более соответствует новым капиталистическим отношениям право на движимое имущество. Здесь английское право проявляет большую гибкость и широко идет навстречу потребностям торгового оборота. Английское право проводит различие между физическими вещами и так называемыми *things in action*, то есть идеальными вещами или легальными ценностями, как, например, акции, облигации, авторские права и т. д., которые точно так же могут быть предметом различных сделок, как и физические вещи.

Физические вещи могут быть объектом собственности и объектом владения. Владение вещью может не совпадать с правом собственности, то есть находиться не у собственника. Английское право отличается особо широкой защитой прав владельца, в особенности по отношению к третьим лицам, и предоставляет владельцу право на большинство исков, принадлежащих собственнику.

Английская доктрина относит к движимому имуществу следующие идеальные ценности (*things in action*): а) обыкновенные долги, возникающие из любых договорных отношений и сделок и выражающиеся в определенной сумме денег; английское право как бы материализует эти долги, понимая право кредитора как вещное право на следующую сумму; б) векселя, чеки, долговые расписки, платежные обязательства на предъявителя и т. п.; и здесь права, возникшие из договора, приобретают свойство вещи; в) ренты и пенсии, обычно пожизненные, обременяющие недвижимость или другую собственность; г) акции, паи, фондовые бумаги и т. п.; д) авторское право на литературные, музыкальные, драматические и художественные произведения (сохраняется по английскому праву пожизненно и на 50 лет после смерти автора за наследниками); е) право на изобретения (патенты) и проекты; ж) право на торговую марку и фирму и т. д.

Право отчуждения имущества неразрывно связано по действующему праву Англии с правом собственности. За небольшими исключениями никакие соглашения не могут лишить собственника права отчуждения его имущества. Общее правило об отчуждаемости собственности не относится к отдельным правам на имущество, например, к праву аренды. Такие права могут быть, согласно договору, неотчуждаемыми.

Это общее правило не мешает английскому праву предусматривать некоторые частичные ограничения отчуждения права собственности.

Наиболее распространенным способом отчуждения всех видов имущества является сделка купли-продажи. Договор купли-продажи движимого имущества (за исключением *things in action*) регулируется специальным законом 1893 г.

За исключением некоторых сделок (сделка с выплатой задатка, сделка с исполнением через год и больше) договор купли-продажи движимых вещей может быть заключен в любой форме, то есть письменной или устной.

Из особенностей договора купли-продажи по

английскому праву надо отметить следующие: если в договоре не оговорено иного, то передача проданной вещи продавцу происходит в предприятии (конторе) продавца или, если у него предприятия (конторы) нет, то в месте его пребывания; в случае обязанности продавца отослать проданную вещь покупателю, он считает выполнившим свои обязательства с момента сдачи вещи перевозчику или экспортеру; издержки, связанные с передачей вещи, несет, если не оговорено иного, продавец; добросовестный покупатель получает право собственности на купленную вещь, если продавец оказался несобственником, в следующих случаях: покупка на «открытом рынке» (за исключением покупки краденой вещи при наличии решения суда); покупка ценных бумаг на предъявителя; покупка у лица, уполномоченного собственником на продажу; риск за проданную вещь до перехода права собственности к покупателю несет продавец; он же несет риск за порчу товаров в пути.

Покупатель считается принявшим от продавца купленное имущество: а) если после передачи вещи покупателю, последний совершит по отношению к ней действия, исключающие право собственности продавца; б) в случае сообщения продавцу о принятии вещи и в) в случае несообщения покупателем продавцу о принятии вещи в течение продолжительного «разумного» времени.

Неуплата покупной суммы дает продавцу право требовать расторжения договора, лишь если это обусловлено в договоре; в противном случае продавец может требовать от покупателя только уплаты покупной цены. Но продавец вместе с тем имеет право задержать передачу вещи покупателю, не уплатившему покупной цены, хотя бы право собственности уже перешло к покупателю; в случае неуплатежеспособности покупателя продавец может приостановить перевозку вещи и вернуть вещь себе.

Если проданная вещь скоропортящаяся или вообще потеряет ценность, если не будет тотчас же продана, а при иных вещах, если продавец сообщит не уплатившему покупной цены покупателю, что он собирается продать вещь и выждет определенный срок, — продавец может продать вещь другому лицу и требовать от первого покупателя возмещения убытков.

Другой способ отчуждения имущества — это дарение. Английское право особенно казуистично в этом вопросе и отличается крайней сложностью различных форм дарения, в особенности состоящих в предоставлении одаряемому прав на получение доходов с недвижимых имуществ.

Доверительное управление

Даже английские юристы называют этот своеобразный институт (trust) одним из наиболее специфических институтов английского права. Английские юристы определяют trust как добровольно взятое на себя обязательство владеть на праве собственности или управлять или же владеть и управлять каким-либо имуществом в интересах другого лица или других лиц, за которыми и сохраняется, таким образом, только право на удовлетворение их интересов в данном имуществе (например, на по-

лучение ренты или пенсии). При этой своеобразной форме доверенное лицо, не будучи собственником в прямом смысле этого слова, тем не менее владеет данным имуществом на праве собственности. Эта трудно понятная для неанглийских юристов форма является чрезвычайно распространенной в Англии.

Доверенным (trustee) может быть любое дееспособное лицо и даже учреждение, в том числе государственное. Для передачи доверительного управления недвижимостью по закону (так называемый Trustee Act 1925 г.) обязательна письменная форма. Никого нельзя обязать стать доверенным, но однажды согласившийся взять на себя эту обязанность не может произвольно от нее отказаться, когда ему вздумается. Для этого нужно соблюдение определенных условий, меняющихся в зависимости от того, имеется ли один или несколько доверителей и сколько доверителей останется в случае ухода одного из них.

Число пользователей (beneficiaries), то есть лиц, в пользу которых установлено доверительное управление, может быть неограниченным, но возможен и один только пользователь. В последнем случае говорится о «частном доверительном управлении» (privat trust); если же круг пользователей не ограничен, например, «глухонемые города Ливерпуля», то имеется «публичное доверительное управление» (public trust). За частным доверительным управлением наблюдают суды, а за публичным — специальный орган, так называемый The charity Commissioners.

Если пользователей несколько, то один из доверенных может быть в то же время и пользователем (например, из получивших по наследству право на определенную ренту из земельного участка один из таких, имеющих право на ренту, может быть в то же время и доверенным).

Пользователь может переуступить свое право на управляемое имущество третьим лицам (если это не запрещено условиями доверительного управления).

Имущество, переданное в доверительное управление, может быть движимым или недвижимым, физической или идеальной вещью.

Большое затруднение вызывает описание обязательства и прав, которые берут на себя доверители. По общему правилу, доверитель должен так относиться к управляемому имуществу и так действовать, как если бы это было его собственное имущество. Но вместе с тем он не имеет права так рисковать управляемым имуществом, как он рисковал бы своим собственным; в том случае, например, когда он часть своего имущества при аналогичных условиях пожертвовал бы на благотворительные цели, он не имеет права так поступить с управляемым им имуществом.

Договорное право

Английские юристы ограничиваются чисто юридическими формальными определениями договора, ни одним словом, конечно, не упоминая о тех экономических отношениях, которые составляют основу буржуазного общества и которые обуславливают волю сторон. Они до сих пор с наивным видом говорят о свободе договоров, всячески маскируя ту фактическую несвободу, которая скрывается за фор-

мальной свободой. Так, по Дженксу, договор — это подкрепляемое иском об убытках соглашение между, по крайней мере, двумя лицами, согласно которому одна или более сторон обещают в определенной форме или так, что из этого можно сделать тот же вывод, совершить или удержаться от совершения каких-либо действий по требованию или в интересах другой стороны.

Английское право требует при этом для действительности договора наличия так называемого *valuable consideration*, то есть заинтересованности выполнения обязательств другой стороной, причем выполнение или уже имело место или должно иметь место в будущем.

Соглашение предполагает предложение (офферту) и его принятие в определенный срок. Английское право склоняется к тому, чтобы моментом заключения договора считать выражение согласия принявшим предложение, а не тот момент, когда согласие дошло до другой стороны.

Очень развито в английском праве учение о дефектах соглашения, могущих сделать договор недействительным. К числу дефектов относятся: принуждение, обман, ошибка. Кроме того, договоры могут быть объявлены недействительными в силу их противозаконности, противоречия «нравственности» или публичному порядку. Недействителен договор, целью которого является устранение конкуренции.

Для английского права характерно деление условий договора на два вида: так называемые *condition*, или основные условия, и так называемые *warrant*, или второстепенные условия. Нарушение первых дает другой стороне право требовать расторжения договора, а вторых — только право требовать возмещения убытков.

В английском гражданском праве формы договоров сохраняют еще немало анахронизмов. Так, например, до сих пор в практике сохраняется так называемый *died*, или *contract under seal* (договор с печатью). Это письменный договор, на котором стороны ставят или приклеивают свои печати, а за неимением их — отпечаток пальца. В некоторых случаях (договоры товарищества или передачи права собственности на недвижимость) такая форма обязательна, но она на практике применяется и в случаях, когда она законом не требуется. Договоры, заключенные в этой форме, пользуясь рядом преимуществ (удлиненная исковая давность, трудность оспаривания и др.). Письменные договоры (без приложения печати), подписанные сторонами, обязательны при сделках, касающихся собственности (кроме сделок, при которых требуется договор с приложением печати), и др. Устная форма договора допускается при сделках на движимые (физические) вещи и, наоборот, никакое право на недвижимые не может быть создано или передано путем устной сделки.

Порядок исполнения договора определяется прежде всего соглашением сторон. При отсутствии соглашения обязательными для сторон являются обычаи. Решающую роль при спорах о содержании обычаев играют прецеденты.

При неисполнении договора одной из сторон суд может вынести решение о выполнении обязательства в натуре (например, передать проданную вещь), и в этих случаях ответчик не имеет права вместо выполнения в такой форме предложить денежную компенсацию. Однако

даже выполнение в натуре не избавляет неисправную сторону от обязанности возместить убытки другой стороне. Английское право, кроме имущественных убытков, знает и возмещение убытков нематериальных, правда, только в условиях, указанных в законе.

Наряду с обязанностью стороны, нарушившей договор, уплатить неустойку, если она предусмотрена в договоре, английское право допускает возможность присуждения нарушителя договора к уплате штрафа (*usage*) за нарушение договора. Если, однако, суд приговорил неисправную сторону к уплате штрафа, то неустойка присуждается с него не полностью, а только в сумме убытков, действительно причиненных другой стороне невыполнением договора.

Возмещение убытка (вреда)

Особенно тщательно разработано в теории английского гражданского права и с исключительной казуистичностью предусматривается в статутном и общем праве обязанность возмещения причиненного ущерба. Эта обязанность настолько тщательно разработана в английском праве, что раздел о возмещении убытка обычно считают одной из двух частей обязательственного права.

Под ущербом (или вредом) в этом смысле понимается ущерб, причиненный не путем нарушения договора, а определенными действиями. Таким образом речь идет не об убытках, возмещение которых регулируется той частью гражданского права, которая относится к заключению договоров.

До 1934 г. в Англии действовало правило, по которому правоотношения, возникающие из факта причинения ущерба или вреда, прекращались со смертью причинившего ущерб или потерпевшего. По закону 1934 г. право требовать возмещения вреда хотя и ограничено сроком, но не прекращается со смертью сторон, и взыскание по иску о возмещении вреда может быть обращено на имущество, оставшееся от умершего, причинившего ущерб.

Исключительная казуистичность правил о возмещении ущерба видна хотя бы из того, что даже в кратких учебниках по гражданскому праву большое место отводится таким положениям, как, например, следующие: «каждый ответственный за вред, причиненный другому тем, что принадлежащий ему скот оказался на чужой земле», «каждый, кто содержит опасное животное (то есть опасное для людей), абсолютно ответственен, если это животное убежит и причинит вред другому лицу; то же самое относится к животному, которое заведомо для ответчика опасно в некоторых отношениях», «не является противозаконным для лица доставить на свой участок такие вещи, как вода, ядовитые растения или порох, — вещи, которые при их правильном использовании являются полезными; но если такие вещи уйдут или взорвутся и причинят вред земле соседа, или скоту, или посторонним, то владелец их несет ответственность, без того, чтобы истец был обязан доказать наличие небрежности, — за вред, который был этим причинен», и т. д.

Правила о возмещении ущерба распадаются на группы: ущерб личности, ущерб собственности, ущерб семейным и деловым отношениям, ущерб репутации.

В правилах об ущербе, причиненном собственности, фигурируют правила о последствиях незаконного вступления на чужую землю; о невыполнении ответчиком обязательств в отношении недвижимого или движимого имущества; о действии или бездействии, нарушающем чужое здоровье, комфорт или выгоды от использования земельного участка; об убытках, причиненных завладением чужой недвижимостью или движимых вещей; об оплате убытков, причиненных нарушением прав третьих лиц на хождение по дороге, на рыбную ловлю и т. п.; об убытках, причиненных нарушением так называемых исключительных прав (патентах на изобретения, на торговую марку и т. п.); об убытках, причиненных другим тем, что кто-либо опубликовал в печати, распространял устно или письменно утверждения, рассчитанные на то, чтобы возбудить сомнения в праве другого лица на землю или вещи, которыми тот владеет, или сомнения в качестве принадлежащих ему товаров.

Право на возмещение убытков, причиненных семейным или деловым отношениям другого лица, дают: а) обольщение женщины; по неотмененному закону XIV в. сама обольщенная женщина не имеет никаких прав на иск с мотивом, что в данном случае речь идет не о насилии, а о добровольном согласии; но если в результате обольщения имело место рождение ребенка или серьезная болезнь, то родители женщины, если она живет у них, или напиматель, у которого она служит, имеют право на иск об убытках; это архаическое правило уже исчезло было из употребления; но, по авторитетному свидетельству Дженкса, оно «начало возрождаться»; б) переманивание прислуги; право на иск об убытках «от лишения услуг» возникает, если между истцом и прислужгой существовал договор, и ответчик склонил прислугу нарушить этот договор, или если прислуга нарушила договор, а ответчик, зная об этом, тем не менее нанял ее; в) такое же переманивание служащего, который не может быть отнесен к прислуге; г) соглашение нескольких лиц о причинении вреда кому-либо в его торговле или профессиональной деятельности (например, при помощи бойкота и т. д.).

Право на возмещение убытков, причиненных репутации другого лица, дают: а) опубликование без оснований на то, в письменной форме, путем рисунка или в другой законченной форме, обещающего утверждения относительно другого лица; б) утверждение на словах таких же обещающих обстоятельств; в этом случае право на иск возникает только, как общее правило, при наличии реального убытка, причиненного этим утверждением; не требуется наличия такого убытка при утверждении, что истец совершил уголовное преступление, за которое полагается телесное наказание; что он дурно ведет себя на службе, в торговле или в своей профессиональной деятельности, или не способен к службе, или торговле, или профессии; что он (если речь идет о купце) неплатежеспособен, или, наконец, если истец был болен в то время, когда было сделано порочащее утверждение, заразительной болезнью. Точно так же женщина не обязана доказывать наличия убытка, если ответчик утверждал, что она целомудренна, и т. д.

Вексельное право

Векселем в Англии, согласно закону, является «такое безусловное предложение в письменной форме, которое дано одним лицом другому, и подписано лицом, выдавшим вексель, которым поручается лицу, получающему предложение, уплатить по требованию или в определенный срок, или же в срок, который может быть определен впоследствии, определенную сумму указанному лицу, или по его приказу, или предъявителю векселя».

Вексельное право Англии отличается рядом особенностей.

Предполагается, что так называемое *valuable consideration*, то есть наличие заинтересованности в ответных действиях векселепринимателя имеется, и доказывать его истец не обязан.

Принимать на себя вексельные обязательства могут совершеннолетние (то есть достигшие 21 года), в том числе женщины и юридические лица.

Упоминания в векселе слова *вексель* (*bill of exchange*) не требуется.

В векселе допустимо указание на сумму процентов, на курс валюты или способ исчисления этого курса.

Вексель может быть выдан на предъявителя, а также без указания срока, то есть с обязательством платежа «по предъявлению». Не обязательно и указание места выдачи векселя и места платежа. Не делается вексель недействительным, если он не оплачен вексельным сбором.

Как видно из этого перечня допустимых отступлений от требований, обычно предъявляемых к векселям в большинстве других стран, вексель в Англии делается чрезвычайно гибким и удобным способом расчета.

Передаются переводные векселя путем так называемого *индоссамента* (*endorsement*), в сочетании с фактической передачей векселя; надписи на векселе о приеме на себя поручительства за платеж по векселю английский закон не знает; векселеприобретатель считается добросовестно приобретшим вексель; предъявить вексель к платежу можно как в указанном на векселе месте платежа, так и по месту жительства лица, обязанного к уплате; вексель должен быть предъявлен в срок (плюс так называемые *грационные дни*), после истечения которого векселедатель и подписатели от обязанности платежа по векселю освобождаются; протеста векселей, выданных в самой Англии, не требуется; вексельная давность составляет в Англии 6 лет.

Б. У.

Таково в самых общих чертах содержание действующего гражданского права современной Англии. Своеобразие его содержания, специфичность и оригинальность его институтов не означают, однако, что гражданское право Англии не разделяет общую особенность гражданского права капиталистических стран. «Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, — говорит Энгельс, — то само собою понятно, что то же приходится сказать и о гражданском праве, роль которого, в сущности, сводится к законодательному освещению

существующих, при данных обстоятельствах нормальных, экономических отношениях между отдельными лицами»¹.

Совершенно естественно, что и гражданское право Англии «освещает» экономические отношения, существующие в каждый данный момент в этой стране.

Но, продолжает Энгельс, «форма, в которой происходит это освещение, может быть очень различна»². И именно в Англии форма эта отличается чрезвычайным своеобразием, конечно, не случайным. Не подлежит спору, что действующее английское гражданское право вполне удовлетворяет потребностям господствующих классов Англии эпохи империализма, — потребностям, в числе которых первейшее место занимает легализация закабаления и эксплуатации трудящихся масс и наступления на их жизненный урвень.

Может показаться непонятным, что в то же время важнейшие части гражданского права Англии, — как раз те, которые должны с максимальной четкостью и силой обеспечивать потребности современного загнивающего капитализма в сфере гражданского оборота, — регулируются архаическими законодательными памятниками, вплоть до изданных при феодализме.

В чем же разгадка этого видимого противоречия? Разгадка эта дана нам Энгельсом.

«Можно было, — говорит Энгельс, — удерживать большую часть форм старого феодального права, вложив в них буржуазное содержание и даже прямо придав буржуазный смысл феодальному имени, как это случилось в Англии, сообразно со всем ходом ее национального развития»³.

В другом месте Энгельс эту особенность английского гражданского права выразил в весьма ярком и картинном сравнении. «Английское право, — говорит он, — продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварском феодальном наречии, которое столько же соответствует выраженному предмету, сколько английская орфография — английскому чтению.

«Вы пишете — Лондон, а читаете — Константинополь», сказал один француз»⁴.

Эта особенность английского гражданского права Англии эпохи промышленного капитализма осталась характерной для него до настоящего времени. Современное английское гражданское право выражает потребности господствующих классов Англии законами, изданными частью при феодализме, частью в эпоху промышленного капитализма. Это не мешает господствующим классам Англии издавать, когда им это нужно, новые законы, говорящие на подлинном языке империализма. Но общая тенденция английского гражданского права, столь метко подмеченная Энгельсом, сохраняется до сих пор.

Энгельс развивает свое объяснение сохранения феодальных законов. Он пишет: «В Англии непрерывное существование дореволюци-

онных и послереволюционных учреждений и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в непрерывности судебных претендентов, равно как в почтительном сохранении феодальных законодательных форм»¹.

Отражение в гражданском праве Англии компромисса между помещиками и буржуазией характерно и для современной Англии, где «господствующие классы... и аристократия и буржуазия оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти» (Сталин)².

Одно из проявлений этой гибкости и можно найти в продолжении той политики компромисса по вопросу о гражданском праве, которая была вскрыта Энгельсом.

Сохранение архаических законов не мешает господствующим классам современной Англии сделать и гражданское право одним из эффективнейших орудий эксплуатации и закабаления трудящихся масс и наступления на рабочий класс и трудящиеся массы в самой Англии и в ее колониях.

Из английской судебной практики по воздушному праву

1. Ответственность за утрату на аэропорте вещей, принятых к воздушной перевозке

5 марта 1936 г. Вестминстер банк в Лондоне сдал воздушнотранспортному предприятию «Имперские воздушные пути» к отправке по воздуху в Париж в адрес отделения названного банка три золотых слитка. В ночь с 5 на 6 марта эти слитки были похищены из аэропорта. Банк предъявил иск в сумме стоимости золотых слитков, составляющей 9 133 фунт. стерл. Ответчик, воздушнотранспортное предприятие, иска не признал, ссылаясь на то, что в накладной, составленной при принятии золота к отправке, содержится следующее печатное предупреждение:

«Воздушная перевозка. Как к внутренней, так и к международной перевозке применяются общие условия перевозки грузов. В отношении международных перевозок эти общие условия базируются на Варшавской конвенции 12 октября 1929 г.».

Что касается Варшавской конвенции 1929 г., то она получила в Англии силу закона в виде особого акта 1932 г. о воздушной перевозке (Carriage by Air Act 1932). По ст. 22 (разд. 2) этого закона, ответственность воздушного возчика за принятые под расписку багаж и груз ограничиваются суммой 250 французских франков за килограмм, за исключением тех случаев, когда вещи сданы возчику по заранее объявленной ценности с особой за это оплатой. Кроме того, по ст. 20 закона о воздушной перевозке, ответственность с возчика снимается, если он докажет, что он и его служащие приняли все необходимые меры для предотвращения убытков или что принятие этих мер было невозможно.

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, Партиздат, 1936, стр. 52.

² Ф. Энгельс, Там же, стр. 52.

³ Ф. Энгельс, Там же, стр. 50.

⁴ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1931, стр. 25—26.

¹ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 25.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611—612.

По этим соображениям ответчик просил освободить его от ответственности или же ограничить ее указанной суммой 250 французских франков за килограмм.

Истец — банк — в свою очередь утверждает, что ответчик (воздушный возчик) не вправе ссылаться на ограниченную ответственность, так как по закону он обязан был поместить в накладной особое предупреждение об ограничении ответственности. А именно, по ст. 8 литеры «2» закона о воздушной перевозке (и Варшавской конвенции) накладная воздушной перевозки (air consignment note) должна в числе прочих реквизитов содержать указание на то, что «к перевозке применяются правила, относящиеся к ответственности, установленной по Варшавской конвенции». Вместо этого в накладной сделана ссылка на «общие условия, базирующиеся на Варшавской конвенции»; такая ссылка не соответствует, по мнению истца, требованию ст. 8 литеры «2» закона.

Опровергая этот аргумент, ответчик (воздушный возчик) указывает на то, что текст накладной был составлен сведущими юристами, авторами Варшавской конвенции; что так называемые «общие условия» утверждены в 1931 г. международной ассоциацией воздушных сообщений; что они вывешены для сведения клиентов ответчика в помещении его конторы; что воздушная накладная как коммерческий документ не может быть толкуема ограничительно — буквально; что банк не может ссылаться на незнание им правил Варшавской конвенции об ограниченной ответственности; что, наконец, банк мог объявить заранее ценность груза за особую плату или же застраховать груз, чего, однако, он не сделал, предпочитая навязать воздушному возчику несвойственную ему роль страховщика.

Дело разбиралось в суде 1-й инстанции в Лондоне (суд королевской скамьи). Судья установил следующие положения.

1. Договор данной воздушной перевозки Лондон—Париж является договором международной перевозки, и в силу этого на него распространяется Варшавская конвенция 1929 г., получившая выражение в законе 1932 г. о воздушной перевозке.

2. Пропажа груза произошла в период, покрываемый ответственностью возчика, то есть, как выражается ст. 18 закона, в период нахождения багажа или груза в распоряжении возчика, будь то на аэродроме, или на борту самолета, или в другом месте в случае посадки вне аэродрома.

3. В виде общего правила, изложенного в той же ст. 18, воздушный возчик отвечает за целостность принятого им под расписку багажа и груза, причем, однако, по ст. 20 возчик освобождается от ответственности, если он докажет, что им были приняты все необходимые меры для предотвращения убытков (принцип экскульпации), а по ст. 22 разд. 2 ответственность его ограничена суммой 250 французских франков за килограмм.

4. По закону ст. 22 разд. 2 требуется помещение в накладной предупреждения о том, что в отношении ответственности применяются правила, установленные конвенцией. Ссылка же на общие условия, базирующиеся на этой конвенции, недостаточна, тем более что «общие условия» содержат пункт, по которому в

накладной должно содержаться указание на то, что к воздушной перевозке применяются правила об ответственности, изложенные в Варшавской конвенции от 12 октября 1929 г., на которых базируются общие условия. Таким образом репающий мотив суда заключается в том, что в накладной сделана ссылка на правила об ответственности, изложенные в общих условиях, которые базируются на Варшавской конвенции; следовало же, наоборот, сослаться на правила об ответственности, изложенные в Варшавской конвенции, на которой базируются общие условия.

Английский суд подошел к решению вопроса строго формально, признав выработанный международной ассоциацией формуляр накладной в данном спорном пункте редакционно неправильным. В результате иск банка был полностью удовлетворен. Попутно суд, по просьбе сторон, разрешил еще один вопрос, а именно:

5. Можно ли считать, что груз был сдан с заранее объявленной ценностью, если в накладной против графы «род груза» обозначено «золото в слитках» 9 тыс., причем та же цифра прописана в графе «оценка для таможи», но графа «стоимость, специально объявленная при сдаче к перевозке», не только не заполнена, но просто прочеркнута.

При этих обстоятельствах, по мнению суда, нельзя считать, что груз был сдан с заранее объявленной ценностью. Мало того, по делу выяснилось, что ответчик вообще не принимает грузов с объявленной ценностью. Однако на исход дела это не повлияло, так как воздушный возчик был признан несущим полную ответственность по другому основанию, а именно за ненадлежащее предупреждение в тексте накладной об ограничении ответственности.

2. Ответственность ангара за целостность помещенного в нем аэроплана

8 февраля 1936 г. пилот Шусмит прилетел на чехо-словацком легком аэроплане «Гилльсон Прага» в Англию на остров Мэн и приземлился в Рональдевей, но так как там не оказалось места в ангаре, то он снесся по телефону с ангаром в Рамзее и по получении на то согласия прибыл в Рамзей. В том же ангаре помещался тяжелый аэроплан «Спартан», принадлежащий владельцу ангара Британской компании воздушных путей, впереди которого и был помещен легкий чехо-словацкий аэроплан. 9 февраля Шусмит явился в ангар, сделал кратковременный полет, после чего самолет был поставлен в ангаре на прежнее место. 10 февраля персонал ангара, имея задание вывести тяжелую машину «Спартан», вывел из ангара стоявшую впереди легкую машину «Прага». Когда этот последний самолет очутился вне ангара, он был опрокинут сильным порывом юго-восточного ветра силой в 35 миль в час, несмотря на то что его поддерживало три человека из персонала ангара. В результате самолет потерял аварию, оцениваемую в 250 фунт. стерл. Об этом пилот узнал в тот же день позднее, когда он явился за своей машиной.

Исходя из того, что ответчик (ангар) отнесся с недостаточной заботливостью к введенной его наблюдению машине, истец — фир-

ма «Гиль-сыновья», владелица самолета «Гильсон-Прага» — предъявил иск в сумме 250 фунт. стерл.

Основной вопрос, вставший перед судом, заключается в следующем: произошел ли убыток в результате недостаточной заботливости ангара или по причине непреодолимой силы. Суд пришел к следующим выводам.

1. Между ангаром и владельцем спорного самолета возникли отношения по договору поклада (хранения). Поклада может быть либо за плату — и в таком случае к поклажепринимателю предъявляются повышенные требования заботливости, или же поклада могла быть бесплатная — и в таком, случае по старинной традиции права достаточно, если поклажеприниматель проявляет заботливость не мень-

шую, чем к своим собственным вещам. Суд склонился к тому, что, поскольку разговор о плате за хранение не возникал между сторонами, следует считать, что ангар оказал «воздушную любезность». В таком случае от персонала ангара требовалась заботливость такая же, как к собственным вещам. Однако ангар не проявил и этой уменьшенной меры заботливости. Персонал ангара должен быть настолько опытным, чтобы соразмерить свои силы с силой ветра, прежде чем выводить машину наружу. Ссылаться же на непреодолимую силу ветра было бы неправильно, так как ветер возник не внезапно.

По этим соображениям иск был удовлетворен.

(Lloyds List Law Reports, 1936, August, November).

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 94/595 ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

О применении постановления ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»

В целях правильного применения постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 5 октября 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» (СЗ 1936 г. № 51, ст. 419) Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляю т:

Разъяснить, что вышеуказанное постановление ЦИК и СНК Союза ССР не распространяется на случаи, когда беременная женщина непрерывно проработала в государственных предприятиях (учреждениях) менее одного года или последний перерыв в ее работе был свыше одного месяца.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР

Москва, Кремль.

9 апреля 1937 г.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Доклады и сообщения, поступающие в Прокуратуру СССР, свидетельствуют об ослабле-

нии внимания к вопросам борьбы с преступностью среди несовершеннолетних.

Указанные в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая и 3 сентября 1935 г. серьезные недостатки в работе школ, детских учреждений, комсомола, органов опеки и др. до сих пор еще имеют место; однако многие органы прокуратуры слабо борются с нарушениями этих постановлений.

Борьба с преступлениями несовершеннолетних и причинами, порождающими эти преступления, проводится органами прокуратуры без необходимой системы и настойчивости. Несмотря на указания Прокуратуры СССР в циркулярах от 31 марта и 21 июля 1935 г., в ряде краев, областей и республик до сих пор еще не выделены следователи и прокуроры, занимающиеся специально этими делами, а там, где выделены, происходит частая смена этих работников, весьма отрицательно отражающаяся на работе (в Ленинградской облпрокуратуре делами о несовершеннолетних занимаются четыре прокурора в разных отделах облпрокуратуры). Следствие только по 30—40% дел о несовершеннолетних ведется следователями; слабо выявляются подстрекатели, вовлекающие детей в преступления, число прекращенных производством дел доходит до 40%; прокуроры редко принимают участие в рассмотрении дел в суде; не наблюдают за правильным применением закона 7 апреля 1935 г., вследствие чего ошибки судов своевременно не исправляются, ослабляется карательная политика по этим делам: взрослых подстрекателей и пособников детских преступлений некоторые суды, вопреки ст. 2 закона 7 апреля 1935 г., осуждают к исправительно-трудовым работам и другим мягким мерам наказания. Обращает на себя внимание большое количество случаев неправильного применения условных приговоров по делам о несовершеннолетних в отношении таких преступлений, которые должны встречать гораздо более серьезные меры противодействия, которые требуют более реальных и строгих мер нака-

зания. Это стоит в прямой связи со все еще неправильным взглядом на задачи нашей советской судебной политики в борьбе с преступлениями несовершеннолетних. Борьба с побегами из детских учреждений, а также с преступлениями в этих учреждениях (хищения имущества детдомов, развращение детей, антисанитария и т. д.) ведется явно неудовлетворительно, вследствие чего не устраняются причины, порождающие новые преступления несовершеннолетних.

Все эти недостатки в работе прокуратуры должны быть в кратчайший срок ликвидированы. Предлагаю прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей:

1. В месячный срок тщательно проверить выполнение циркуляра Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних («Соц. законность» № 9, 1935 г.; «Сборник циркуляров Прокуратуры СССР»), добившись ликвидации указанных выше недостатков в этой работе.

2. Систематически вести наблюдение за движением преступлений несовершеннолетних, ведя решительную борьбу с этими преступлениями и привлекая к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г.

Особое внимание обратить на правильное и последовательное применение ст. 2 закона 7 апреля 1935 г.

3. О выявленных при расследовании дел о несовершеннолетних в работе школ, детдомов, комсомола и других организаций недочетах и нарушениях постановления от 31 мая 1935 г., явившихся причиной преступлений детей, обязательно ставить в известность местные руководящие органы, сообщив об этом же в копии мне.

4. Сосредоточить в руках одного из помощников прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей руководство всем делом борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, проверку следственных производств и дачу заключений по делам, проходящим в порядке надзора.

5. Усилить борьбу с побегами из детских учреждений (особенно из трудколоний), привлекая виновных в допущении побегов и в сокрытии побегов к уголовной ответственности.

6. О проделанной в связи с настоящим письмом работе и результатах проверки исполнения циркуляра Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. сообщить мне не позднее 1 июня с. г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

5 апреля 1937 г.

№ 21/4.

О СВОДНЫХ ПИСЬМАХ ПО ВОПРОСАМ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ

Прокуратурой Харьковской области (г. Брон) в целях повышения качества расследования был применен метод изучения и анализа дефектов расследования по конкретным делам, расследованным на периферии.

В этих целях прокуратурой были изучены все дела, прошедшие через спецколлегии и

обращенные к доследованию, или закончившиеся оправдательными приговорами.

На основе изучения этих дел прокуратурой было составлено сводное письмо, в котором подробно были проанализированы конкретные дела и были указаны недостатки расследования по ним, оказавшие влияние на неудовлетворительный исход дела.

Это письмо было разослано всем райпрокурорам с предложением проработать его на совместных совещаниях с соответствующими работниками.

Считая, что подобный опыт руководства и помощи органам расследования для улучшения их работы может дать значительный результат, предлагаю всем прокурорам применить его в своей работе, систематически разрабатывая и направляя на периферию такого рода письма.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

10 апреля 1937 г.

№ 22/26.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАКОНА 27 ИЮНЯ 1936 г.

Закон 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. д.» имеет огромное государственное значение. Нарушение этого закона в любой его части должно строжайшим образом преследоваться. Однако имеющиеся в распоряжении прокуратуры СССР сведения говорят о том, что прокуроры на местах уделяют мало внимания борьбе с нарушением этого закона.

Из сообщений Прокуратуры РСФСР видно, что в Горьковской, Ивановской, Калининской и других областях имеет место большое количество неполных абортов; число же привлеченных к ответственности лиц явно незначительно. Во многих случаях вследствие неправильного проведения расследования дел о самоабортах действительные виновники производства аборта не выявляются и не наказываются; к ответственности в этих случаях привлекаются обычно лишь женщины, которые скрывают фамилии лиц, произведших им аборт, и заявляют о том, что они сами сделали себе аборт.

Недостаточно ведется борьба с незаконными увольнениями и другими нарушениями прав беременных женщин.

Почти полное отсутствие информации о возбужденных делах в отношении должностных лиц за срыв выполнения постановления правительства от 27 июня 1936 г. в части, касающейся строительства родильных домов, детских яслей и других детских учреждений, за преступно-халатное отношение к делу со стороны работников родильных домов свидетельствует о недооценке борьбы с этими преступлениями.

Циркуляр Прокуратуры СССР от 8 августа 1936 г. («Сборник циркуляров Прокуратуры СССР», стр. 136) о надзоре за выполнением постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. слабо выполняется на местах, особенно в части, касающейся борьбы с злостным неплатежом алиментов.

Спротивление враждебных делу социализма элементов мероприятиям партии и правительства по охране прав и интересов детей, нежелание иметь детей и платить алименты, угрозы и издевательства над матерью со стороны отца ребенка, рожденного от случайной связи, ложный стыд малокультурных матерей и тому подобные обстоятельства, борьба с которыми велась до сих пор явно недостаточно, влекут за собой совершение матерями различных преступлений. С этими преступлениями также борьба ведется недостаточно, к судебной ответственности привлекаются обычно только физические исполнители этих преступлений; подстрекатели же, а также лица (отцы), которые своим поведением допустили или довели матерей до детоубийства, слабо выявляются расследованием, которое, как правило, ведется милицией.

Ввиду этого предлагаю прокурорам республик, краев и областей:

1. Устранить указанные выше недочеты в работе прокуратуры по борьбе за реализацию закона 27 июня 1936 г., для чего систематически проверять выполнение циркуляра Прокуратуры СССР от 8 августа 1936 г.

2. Обязать прокуроров районов вести тщательное расследование всех случаев незаконных абортов, производимых под видом самоабортов, не ограничиваясь привлечением к уголовной ответственности лишь женщин, произведших самоаборт, а привлекая к строгой ответственности действительных виновников этих преступлений.

3. Привлекать к ответственности должностных лиц, по вине которых срывается выполнение плана строительства родильных домов, яслей и т. д.

4. Тщательно расследовать каждый факт детоубийства в целях выявления причин его и лиц, виновных прямо или косвенно в этом преступлении.

5. Проверять и сообщать в Прокуратуру СССР все случаи жалоб на непосильность размеров присужденных алиментов.

6. В спецдонесениях, начиная с мая, подробно информировать меня о вскрытых преступлениях и проводимых мерах борьбы с нарушениями закона 27 июня 1936 г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

14 апреля 1937 г.

№ 23/4.

О КНИГЕ ЖАЛОБ

В борьбе с недостатками в государственном аппарате — бюрократизмом, волокитой, нечутким отношением к посетителям имеет особо важное значение книга жалоб.

Однако, как показала проверка, некоторые периферийные органы прокуратуры как республиканские, так и областные и краевые не имеют книг жалоб.

Приказываю:

1. Во всех прокуратурах союзных и автономных республик, краев, областей и районов, военных округов, железных дорог, водных бассейнов и т. д. немедленно ввести книги

жалоб для предоставления гражданам полной возможности занесения в эти книги жалоб на неправильные или незаконные действия работников прокуратуры (на невнимательность, волокиту, грубость, халатность и т. п.).

2. Книга жалоб должна быть пронумерована, прошнурована, заверена руководителем данной прокуратуры. Книга жалоб должна храниться у дежурного прокуратуры или дежурного коменданта и выдаваться жалобщикам безоговорочно по их первому требованию.

3. Ежедневно книга жалоб проверяется лично руководителем данной прокуратуры, которым и принимаются по занесенным в книгу жалоб жалобам необходимые решения, о чем отмечается в соответствующей графе книги жалоб и сообщается жалобщику.

4. Наблюдение за разрешением данной жалобы по существу возлагается лично на руководителей данной прокуратуры.

Данный приказ обсудить на камерных и оперативных совещаниях.

Об исполнении этого приказа сообщить мне не позже 15 мая.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

17 апреля 1937 г.

№ 256.

О ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Произведенным Прокуратурой Союза ССР расследованием незаконных действий работников Мосгорвнуторга было выявлено, что ведомственные инспекции Мосгорвнуторга для разрешения поступавших к ним жалоб систематически практиковали вызовы граждан для допроса, посылая им специальные повестки с указанием в последних, что неявившиеся будут подвергнуты приводу, а также производили допрос граждан с предупреждением их об ответственности по ст. 95 УК за дачу ложных показаний и с оформлением этого протокола допроса.

Виновные в этих незаконных действиях, противоречащих Сталинской Конституции СССР, предаются суду.

По имеющимся в Прокуратуре Союза ССР сведениям подобные незаконные действия практикуются на местах и в других ведомственных инспекциях, которым ст. 97 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК союзных республик не предоставлено право ведения расследования.

Предлагаю срочно принять необходимые меры к прекращению этой незаконной практики, учитывая, что согласно ст. 97 УПК, постановления СНК СССР от 19 октября 1934 г. за № 2409 о государственной торговой инспекции при НКВТ СССР и постановления НКВТ от 4 июня 1935 г. за № 442 право ведения расследования предоставлено лишь налоговой, санитарной, технической и торговой инспекциям по делам, отнесенным к их ведению, причем торговой инспекцией является лишь Государственная торговая инспекция при НКВТ СССР и ее уполномоченные на местах.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

19 апреля 1937 г.

№ 26/26.

О ПРОВЕРКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ЖАЛОБ

Комиссией советского контроля при проверке прохождения жалоб неоднократно указывалось на плохую постановку контроля как в центральном аппарате Прокуратуры Союза, так и на периферии.

При даче поручений местам назначаются нереальные сроки без учета местных возможностей (дальность расстояния, наличность средств сообщения и пр.) и зачастую сроки исполнения вообще не указываются. Исполнение поручений не контролируется, а посылаемые периодические запросы и напоминания не дают должного эффекта, не дисциплинируют периферию, не воспитывают чувство ответственности за порученное дело.

Отсутствие контроля за исполнением приводит к волоките с рассмотрением жалоб граждан, обращающихся в органы прокуратуры, и нарушает установленные партией и правительством сроки рассмотрения жалоб трудящихся.

Приказываю:

1. Установить в органах прокуратуры единую систему контроля по жалобам и переписке, в движении которой органы прокуратуры отчитываются перед директивными организациями.

На контроль должны быть взяты вопросы, которые говорят о случаях грубого нарушения закона; наиболее типичные жалобы, затрагивающие интересы целого круга лиц; вопросы, которые могут явиться широко распространенными, могут вскрыть злоупотребления или преступления должностных лиц; случаи волокиты, которые ведут за собой ущемление прав гражданина; злостное укрывательство от уплаты алиментов, а также жалобы и дела, которые прокурор сочтет необходимым проследить до конца.

2. Из числа контролируемых жалоб и переписок выделить на особый контроль поручения ЦК ВКП(б), ЦИК, СНК, КПК, КСК, Прокурора Союза, прокуроров республик и красноармейские жалобы.

3. Особый контроль осуществляется непосредственно начальниками отделов и управлений территориальных прокуратур военных округов, железных дорог и водных бассейнов. Из тех случаев, когда по поручению особого контроля дается задание на периферию, за выполнением его в срок следит начальник отдела-управления.

О всех невыполненных в срок поручениях особого контроля начальники управлений-отделов немедленно обязаны докладывать руководству.

Изменение сроков исполнения может быть произведено только с разрешения давшего поручение.

4. Контроль за исполнением оперативных поручений, даваемых периферии отделами, осуществляется прокурорами этих отделов.

5. Контроль за своевременным поступлением истребованных материалов, как-то: копии приговоров, справок и дел возложить на секретарей.

6. Контроль осуществлять при помощи заполнения специальных контрольных карточек (образец прилагается), размещаемых в календаре по срокам исполнения.

7. Начальникам отделов о всех случаях злостной волокиты на местах и о систематическом оставлении запросов без ответов докладывать прокурору области, края, республики, а в центральном аппарате — Прокурору Союза для принятия соответствующих мер, как-то: посланки ревизии, вызова для объяснений и наложений дисциплинарных взысканий.

Сообщать о волоките в местную партийную организацию для воздействия в партийном порядке.

8. В журнале «Соц. законность» учредить отдел «Борьбы с бюрократизмом и волокитой в органах прокуратуры».

9. Ответственность за соблюдение настоящего приказа возлагать на прокуроров республик, краев, областей, железных дорог, бассейнов и военных округов.

10. Отделу жалоб Прокуратуры Союза проверить выполнение настоящего приказа и о результатах доложить мне 1—15 июня с. г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

22 апреля 1937 г.

№ 272.

О РАБОТЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

29 апреля 1937 г. опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе угольной промышленности Донбасса.

Это постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) имеет огромное руководящее значение не только для хозяйственников, инженерно-технических работников и рабочих угольной промышленности, но и для органов прокуратуры.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) показывает, что органы прокуратуры далеко недостаточно боролись за выполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля и 21 мая 1933 г. о повышении заработной платы и улучшении культурно-бытовых условий для подземных рабочих и инженерно-технических работников шахт угольной промышленности Донбасса и что органы прокуратуры также неудовлетворительно вели борьбу с прогулами (пост. ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г.), с прогульщиками и дезорганизаторами производства.

В то же время органы прокуратуры нарушали неоднократные указания Прокуратуры Союза ССР об осторожном и внимательном подходе к привлечению к ответственности специалистов и хозяйственников по делам, связанным с их работой на производстве, в частности, нарушали циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 2 июня 1934 г. о порядке привлечения к ответственности хозяйственников и специалистов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. вновь осудило практику огульного обвинения хозяйственников, инженеров и техников, а также практику огульной отдачи под суд, подменяющую и извращающую действительную борьбу с недостатками в хозорганах.

В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. органы прокура-

туры обязаны решительно перестроить свою работу в направлении точного и безусловного выполнения этого постановления.

Приказываю:

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1937 г. проработать на оперативных и камерных совещаниях работников прокуратуры.

2. Неуклонно наблюдать за выполнением хозяйственниками п. 1 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о немедленном и безусловном проведении в жизнь решения СНК и ЦК ВКП(б) от 8 апреля и 21 мая 1933 г. о повышении заработной платы и улучшении культурно-бытовых условий для подземных рабочих и инженерно-технических работников шахт угольной промышленности Донбасса.

3. Всемерно поддерживать борьбу руководителей хозяйственных организаций с прогульщиками и злостными дезорганизаторами производства. Неуклонно применять в соответствующих случаях постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. о борьбе с прогулами. В случаях попустительства со стороны хозяйственников в отношении прогульщиков привлекать виновных к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР (соответствующие статьи УК союзных республик).

4. Строжайше соблюдать указания Прокуратуры Союза ССР о вдумчивом и осмотрительном отношении к вопросу о привлечении к уголовной ответственности инженерно-технических работников, не допуская никаких отступлений от ранее данных по этому вопросу указаний Прокуратуры Союза ССР.

О проделанной работе по выполнению этого циркуляра доносить мне ежемесячно, начиная с 15 мая с. г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

3 мая 1937 г.

№ 28/1.

О ЛИШЕНИИ ГРАЖДАН ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

По моему представлению Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР 27 марта с. г. послал ЦИК союзных республик циркулярное письмо следующего содержания:

Роевский сельский совет Арбаского района Кировской области в справках, выданных 31 января с. г. гражданам Шустовым, указал, что названные граждане в 1930 г. лишены избирательных прав. В прямом противоречии со ст. 135 Конституции СССР Роевский сельсовет считает граждан Шустовых лишенцами.

Этот факт свидетельствует, что далеко не все районы, а также и областные исполнительные комитеты разъяснили сельским советам, что с принятием новой Конституции СССР лишение избирательных прав граждан по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности не должно иметь места.

Президиум Центрального исполнительного комитета СССР предлагает ЦИК союзных республик дать указание городским и сель-

ским советам, что с утверждением Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов Конституции СССР все постановления административных органов о лишении граждан избирательных прав по каким-либо мотивам утратили свою силу.

Отметки в выдаваемых гражданам документах о лишении избирательных прав могут иметь место лишь в случаях лишения избирательных прав по приговору суда, причем обязательно указание срока, на который гражданин лишен избирательных прав.

Председатель Центрального исполнительного комитета СССР **Петровский**

Секретарь Центрального исполнительного комитета СССР

Об изложенном сообщая для сведения и руководства.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

16 мая 1937 г.

№ 29/24.

ОБ ОТЧЕТАХ КОЛХОЗОВ

Для сведения (направляю вам циркуляр Наркомфина Союза ССР от 23 апреля с. г. за № 129.

В случае выявления вами фактов установления местными финорганами форм отчетности для колхозов, не предусмотренных постановлением СНК Союза ССР от 20 декабря 1936 г. за № 2132, немедленно ставьте вопрос об их отмене, доводя одновременно об этом до моего сведения.

Приложение: упомянутое.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

20 мая 1937 г.

№ 31/1.

СССР — Народный комиссариат финансов —
23 апреля 1937 г. № 129

НАРКОМФИНАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Копия — прокурору СССР

Курский облфинотдел обязал колхозы одновременно с годовым отчетом представить в райфинотделы две вспомогательные таблицы по составленной облфинотделом форме. Наркомфин СССР отменил это требование Курского облфинотдела как незаконное.

В настоящее время Наркомфин получил сообщение от Прокурора Союза ССР т. Вышинского о том, что аналогичные таблицы введены в Воронежской, Одесской и других областях СССР.

В связи с этим Наркомфин СССР указывает вам, что формы отчетности для колхозов устанавливаются с разрешением правительства, и требование о представлении колхозами сведений по форме, установленной финорганами, является незаконным.

Если наркомфином либо местными финорганами такие формы установлены, то их необходимо отменить.

Зам. народного комиссара финансов

Союза ССР

И. Мирошников

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВКАХ ЗЕРНА, РИСА, ПОДСОЛНУХА И КАРТОФЕЛЯ ГОСУДАРСТВУ В 1937 г.

В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. «Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС» предлагаем руководствоваться следующим.

1. Райуполкомзаги, руководствуясь указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б), а также утвержденной СНК СССР 16 мая 1937 г. инструкцией Комитета заготовок при СНК СССР «О порядке проведения обязательных поставок зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1937 г.», представляют прокурору области (края, республики) материал для привлечения правлений колхозов, злостно не выполнивших обязательные поставки зерна (риса, подсолнуха и картофеля) государству, к ответственности по суду для наложения денежного штрафа, а также для взыскания натурой всей невыполненной части годового задания по поставкам зерна (подсолнуха, риса и картофеля).

2. Представленные райуполкомзагами материалы областному (краевому, республиканскому) прокурору должны содержать следующее:

а) размер годового обязательства по поставкам зерна (риса, подсолнуха и картофеля) как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам;

б) размер поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) по отдельным календарным срокам сдачи (месяцам);

в) фактическое выполнение обязательных поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) за истекший период как в целом по всем зерновым, так и по отдельным культурам;

г) общий размер невыполненной части обязательных поставок зерна (подсолнуха, риса и картофеля) за истекший период времени в целом по всем зерновым культурам, а также невыполнение обязательных поставок по всему годовому обязательству как в целом по зерновым культурам, так и по каждой культуре в отдельности (для определения количества, подлежащего взысканию натурой);

д) действующие закупочные цены по отдельным культурам, утвержденные Комзагом для данной области (края, республики);

е) стоимость невыполненной части зернопоставок за истекший календарный период в денежном выражении, исходя из закупочной цены, исчисленной по остатку невыполненной части отдельных культур за истекший период.

Стоимость невыполненной части зернопоставок за истекший календарный период определяется следующим образом: невыполненная часть обязательства по каждой культуре в отдельности умножается на закупочную цену данной культуры. При этом прочие культуры умножаются на закупочную цену преобладающей в числе «прочих» культур;

ж) материалы, характеризующие злостность невыполнения данным колхозом установленного для него размера сдачи зерна, (подсолнуха, риса и картофеля) по обязательствам за истекший календарный период, в частно-

сти, копия письменного предупреждения колхозу и характеристика причин невыполнения колхозом обязательств по сдаче зерна, несмотря на предоставленный 10-дневный льготный срок сдачи. Копию указанных материалов райуполкомзаги представляют уполкомзагу по области (краю, республике).

3. При наличии злостного невыполнения колхозами поставок зерна (риса, подсолнуха, картофеля) государству, прокуроры областей (краев, республик) по представлении райуполкомзагов привлекают правления колхозов к ответственности по суду для наложения денежного штрафа, а также для взыскания натурой невыполненной части поставок зерна (риса, подсолнуха и картофеля).

4. Представленные райуполкомзагами материалы о привлечении к ответственности по суду правлений колхозов за невыполнение обязательных поставок с.-х. продуктов государству должны рассматриваться лично прокурором области (края, республики). При отсутствии прокурора материалы райуполкомзага рассматривает его заместитель, причем решение должно быть вынесено в течение одних суток с момента поступления материалов в прокуратуру.

5. Постановление о привлечении правлений колхозов к ответственности по суду за злостное невыполнение обязательных поставок с.-х. продуктов государству прокурор области (края, республики) составляет в соответствии со ст. 2 ГПК РСФСР или по соответствующим статьям ГПК других союзных республик (с ссылкой на указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г.) и направляет это постановление в народный суд по месту нахождения колхоза.

6. В постановлении о привлечении правления колхоза к ответственности по суду прокурор области (края, республики) обязательно должен указать размер денежного штрафа, подлежащего наложению на правление колхоза, исходя из стоимости недосданной части с.-х. продуктов за истекший календарный период времени, исчисленного по государственным закупочным ценам, а также точное количество с.-х. продуктов по каждой культуре в отдельности, невыполненное по всему годовому заданию и подлежащее взысканию натурой.

7. Решение вопроса о привлечении к ответственности по суду правления колхоза не может быть передано прокурором области (края, республики) районному прокурору. Направив дело для рассмотрения в народный суд, прокурор области (края, республики) немедленно должен поставить об этом в известность соответствующего районного прокурора, поручив ему выступить в народном суде от имени прокурора области (края, республики).

8. Органы прокуратуры обязаны принимать все необходимые меры к внеочередному рассмотрению в судах дел, связанных с злостным невыполнением правлениями колхозов своих обязательств по поставкам с.-х. продуктов государству, а также добиваться безоговорочной и быстрой реализации постановлений судов по этим делам.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский
Председатель Комитета заготовок Клейнер
20 мая 1937 г. № 32/233 2005.

О ЗАДЕРЖКЕ ВЗНOSОВ ПО КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОДПИСКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ

По сообщению Главного управления гос-трудсберкасс и госкредита за последнее время участились факты длительной задержки учреждениями и предприятиями в своем обороте сумм, удерживаемых с рабочих и служащих по коллективной подписке на государственные займы.

Конкретно это выражается тем, что отдельные учреждения и предприятия, в нарушение постановления СНК СССР от 25 мая 1931 г. «Об усилении практики безналичных расчетов по коллективной подписке на государственные займы» (СЗ СССР 1931 г. № 35, ст. 259), либо вовсе не представляют при получении в Госбанке сумм на зарплату чеков на перечисление в сберкассы удержанных взносов по займу, либо представляют такие чеки на меньшие суммы против фактически удержанных.

Постановление СНК СССР от 25 мая 1931 г. обязывает привлекать лиц, незаконно задержавших взносы по коллективной подписке на государственные займы, к уголовной ответственности.

Между тем, органы прокуратуры, получая от сберкасс материалы о фактах задержки учреждениями и предприятиями удержанных по подписке взносов, не возбуждают против виновных лиц уголовного преследования.

Так, например, прокурор Лысогорского района Воронежской области и прокурор г. Иркутска, получив списки предприятий, задерживающих взносы, никаких мер к привлечению виновных к ответственности не приняли.

В Днепропетровске администрация парка имени Хатаевича на протяжении 7½ месяцев не перечисляла в сберкасса удержанных с рабочих взносов по займу и израсходовала из них 6292 руб. не по назначению. Однако переданные сберкассой прокурору Кировского района г. Днепропетровска материалы об этом злоупотреблении месяц находятся у него без движения.

Прокурор г. Краснодара вернул обратно сберкассе материалы о систематическом представлении сберкассе неправильных сведений о сумме подписки на заем, не найдя оснований для привлечения виновных к ответственности.

Обращая внимание органов прокуратуры на недопустимость ослабления борьбы с конкретными фактами задержки учреждениями и предприятиями взносов по коллективной подписке рабочих и служащих на государственные займы, предлагаю:

1. Должностных лиц, виновных в сознательной задержке перечисления этих взносов в сберкассы, либо в израсходовании их не по назначению, неуклонно привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. По той же статье привлекать к уголовной ответственности за представление в контрольные финансовые органы умышленно искаженных сведений о коллективной подписке на заем и о размерах полученных взносов.

3. Расследование по этим делам заканчивать в 10-дневный срок со времени поступления соответствующих материалов.

4. О результатах дел сообщать финорганам, возбуждившим дело.

5. Прокурорам Воронежской и Днепропетровской областей и прокурорам Восточносибирского и Азово-Черноморского краев немедленно проверить факты, указанные в настоящем циркуляре, и дать законное движение соответствующим материалам.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ РАЙПРОКУРОРОВ

Наряду с повсеместно проводимой работой по повышению квалификации следователей должна быть проведена такая же работа в отношении райпрокуроров. Необходимо, чтобы прокуратуры республик, краев и областей взяли самым серьезным образом за работу по повышению квалификации райпрокуроров. Одной из форм учебных занятий для райпрокуроров должны быть конференции райпрокуроров, созываемые 3—4 раза в году в каждой прокуратуре республики, края и области. Конференции должны созываться и проводиться тем же порядком, что и конференции следователей, но с особой тематикой занятий.

Примерный типовой план (программа) учебной конференции райпрокуроров следующий:

- 1) о теоретическом правовом фронте (лекция);
- 2) Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры (лекция);
- 3) методика прокурорской работы по общему надзору (лекция и практические занятия);
- 4) основные вопросы уголовного процесса (лекция и практические занятия);
- 5) методика надзора за следствием (лекция и практические занятия);
- 6) процессуальное значение экспертизы (лекция);
- 7) методика судебного следствия (лекция);
- 8) методика выступления в суде (обвинительная речь — принципы построения, формы составления речи и т. п.);
- 9) вопросы квалификации отдельных видов преступлений (лекция и практические занятия).

В зависимости от местных условий, наличия преподавательских сил эта тематика может видоизменяться как в сторону расширения, так и в сторону сужения включенных в план тем.

1-я тема — о положении на теоретическом правовом фронте может быть выполнена лишь при условии, если имеется подготовленный для этой темы лектор. В основу лекции должна быть положена статья т. Юдина в № 20 «Правды» за 21 января 1937 г., статья т. А. Вышинского в «Правде» от 9 апреля 1937 г. «Против антиленинских теорий права», а также статьи, которые на эту тему будут помещены в ближайших номерах журналов «Социалистическая законность» и «Проблемы уголовной политики».

2-я тема — Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры должна быть пройдена в форме лекции-доклада прокурора республики, края и области.

В качестве пособий должны быть использованы материалы Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов, доклад товарища Ста-

лина, речь т. Молотова. По специальному вопросу о прокуратуре см. доклад т. А. Я. Вышинского в № 1 «Социалистической законности» за 1937 г. «Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры».

3-я тема — методика прокурорской работы по общему надзору проходится таким образом. Руководящий работник аппарата республиканской или краевой (областной) прокуратуры лекционным порядком излагает основные принципы общего надзора, основные установления прокурорской работы в этой области, а затем в порядке практических занятий прорабатываются отдельные вопросы, возникающие в практической работе, анализируются имевшие место ошибки и т. д.

Пособием может служить учебник т. Вышинского «Судоустройство в СССР» 1936 г., стр. 209—222. Также см. статью Березовской в № 7 «Социалистической законности» за 1936 г., «Проект Конституции и задачи прокуратуры в области общего надзора».

4-я тема — основные вопросы уголовного процесса, — дается 3—4 общих лекций по вопросам: 1) значение процессуальной формы в судебно-следственной работе, задачи уголовного процесса, обеспечение революционной бдительности в уголовном процессе, борьба с обвинительным уклоном и процессуальным упрощением; 2) учение о доказательствах; 3) основные процессуальные формы предварительного расследования; 4) кассационное и надзорное производство. Затем в порядке практических занятий прорабатываются отдельные следственные и судебные дела, составляются основные процессуальные акты (постановление о привлечении к уголовной ответственности, протесты и т. д.).

В качестве пособия следует использовать учебник уголовного процесса Строговича (1936 г.) и доклад т. Вышинского о доказательствах в уголовном процессе в № 7 «Социалистической законности» за 1936 г.

5-я тема — методика надзора за следствием проходится в основном в том же порядке, как и тема 3-я.

Пособием может быть книга «Материалы учебной конференции следователей в Прокуратуре СССР» (выходит из печати), см. также пособие по теме 4-й.

6-я тема — об экспертизе — проходится в форме лекций по вопросам процессуального проведения и оформления экспертизы. К этому крайне целесообразно добавить практические занятия по отдельным видам экспертизы, прежде всего бухгалтерской, для чего могут быть привлечены работники и материалы из местного бюро судебно-бухгалтерской экспертизы.

Пособия — см. в предыдущих темах, также учебник криминалистики (Института уголовной политики), т. I, стр. 210—226, т. II, стр. 63—123.

7-я и 8-я темы представляют большую сложность для прохождения. Проводить их должен наиболее опытный в выступлениях на суде прокурор. В качестве материала должны быть привлечены опубликованные отчеты о процессах по делу троцкистского антисоветского центра, по делу Семенчука и Старцева (убийство доктора Вульфсона на острове Врангеля) и др.

9-я тема — вопросы квалификации отдельных видов преступлений. Лекционным порядком излагается общая характеристика отдельных видов преступлений (контрреволюционные, должностные, против личности) и в порядке практических занятий решаются казусы, разбираются конкретные уголовные дела.

Пособием должны служить материалы судебно-надзорной практики Прокуратуры СССР, публикуемые в «Социалистической законности», и судебной практики, публикуемые в «Советской юстиции».

По всем темам следует широко использовать журнал «Социалистическая законность», циркуляры и инструктивные методические письма Прокуратуры СССР.

К этой общей тематике следует добавить отдельные вопросы гражданского права и гражданского процесса, если есть подготовленные преподаватели.

Срок проведения каждой конференции — 10 дней, с числом участников — 10 райпрокуроров.

Прокуроры республик, краев и областей должны составить планы проведения учебных конференций на вторую половину 1937 г. и немедленно приступить к их подготовке.

Эти работы ни в коем случае не должны ослабить работу по проведению конференций следователей.

Об всех затруднениях при проведении конференции, а также по вопросам учебных пособий и методики занятий обращайтесь в отдел кадров Прокуратуры СССР.

О ваших мерах по осуществлению этого предложения прокуратуры союзных республик должны представить мне отчет к 10 июня 1937 г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

21 мая 1937 г. № 33/6.

О ПОРЯДКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Ряд прокуроров запрашивает, распространяется ли циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 2 июня 1934 г. о порядке привлечения к ответственности инженерно-технических работников и хозяйственников на лиц, не имеющих специального инженерно-технического образования, но занимающих должности начальников цехов и состоящих членами инженерно-технических секций, и на заведующих отделами хозяйственных предприятий.

Разъясняю:

1) Циркуляр Прокурора Союза ССР от 2 июня 1934 г. за № 10/67 устанавливает порядок привлечения к ответственности инженерно-технических работников и руководящих хозяйственников по делам, связанным с их производственной деятельностью, причем циркуляр этот распространяется на всех хозяйственников и инженерно-технических работников, независимо от имеющегося у них образования.

2) Указанный циркуляр должен быть распространен на инженеров, начальников цехов, заместителей начальников цехов и на заведующих отделами хозяйственных предприятий.

гий, независимо от полученного ими образования.

Настоящий циркуляр предлагаю принять к неуклонному выполнению.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

25 мая 1937 г. № 35/1.

О ПОРЯДКЕ ВЗЫСКАНИЯ ШТРАФОВ, НАЛАГАЕМЫХ ОРГАНАМИ НАРКОМВОДА

В связи с возникающими недоразумениями по вопросу о порядке принудительного взыскания штрафов, налагаемых органами Наркомвода за нарушение обязательного постановления Наркомвода «Об охране порядка и безопасности движения по внутренним водным путям СССР», разъясняю:

Ввиду того, что Наркомвод как и НКПС не имеет своего аппарата по взысканию штрафов с граждан по месту их жительства, циркуляр Прокуратуры Союза ССР от 15 июня 1935 г. не распространяется на штрафы, налагаемые органами Наркомвода.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

26 мая 1937 г. № 36/16.

О ПОРЯДКЕ ОБРАЩЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СОЮЗНЫЕ НАРКОМАТЫ

Отмечаются случаи непосредственного обращения областных и даже районных прокуроров (прокурор Южно-Казахстанской области, прокурор г. Сулина и др.) в союзные наркоматы с постановкой вопроса о проведении различных обследований и ревизий в связи с конкретными следственными делами. Эти обращения зачастую недостаточно обосновываются, и Прокуратура Союза ССР иногда узнает об этом уже после того, когда тот или иной наркомат отклоняет предложение областного или районного прокурора.

Считая подобное положение совершенно недопустимым, приказываю:

1. Запретить непосредственное обращение в союзные наркоматы с предложением о производстве ревизий или обследований.

2. В случае необходимости такой постановки вопроса прокуроры союзных республик, областей и районов обязаны послать мотивированное представление в Прокуратуру Союза.

3. Аналогичные представления районные и областные прокуроры посылают прокурорам союзных республик в случае необходимости обращения в республиканские наркоматы.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

27 мая 1937 г. № 37/26.

О ПОРЯДКЕ РАЗБОРА ЖАЛОБ ТРУДЯЩИХСЯ

Всем прокурорам союзных республик, краев, областей, автономных республик, водных бассейнов, железных дорог и военных округов

При этом направляю я вам, согласно указанию Прокурора Союза ССР т. Вышинского, циркулярное разъяснение Президиума ЦИК Союза ССР в дополнение к постановлению

ЦИК Союза ССР от 14 декабря 1935 года «С положениям дел с разбором жалоб трудящихся» для руководства.

Пом. Прокурора Союза ССР Зам. нач
Отдела жалоб Шумовский

27 мая 1937 г. № 38/23.

Дело № 938/2.

ЦИРКУЛЯРНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

В дополнение к постановлению ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» (СЗ СССР 1936 г. № 31, ст. 274), Президиум ЦИК СССР разъясняет:

1. В соответствии со ст.ст. 113 и 117 Конституции СССР и ст. 4 Положения о Прокуратуре СССР ЦИК союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краев и областей, городские советы и районные исполкомы осуществляют проверку прохождения жалоб трудящихся в органах местной прокуратуры при обязательном участии представителей соответствующих¹ органов прокуратуры.

2. Все материалы и свои предложения, вытекающие из этой проверки, они представляют в части организационных вопросов в президиумы ЦИК союзных и автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетов и вышестоящему прокурору; по вопросам оперативного характера — по принадлежности прокурорам союзной и автономной республики, краевому и областному на их распоряжение.

3. Прокуроры союзных и автономных республик, краевые и областные в десятидневный срок обязаны принять все необходимые меры, вытекающие из представленных в результате произведенной проверки предложений, и об исполнении сообщить как соответствующему исполкому, так и Прокурору СССР.

Председатель Центрального исполнительного комитета СССР М. Калинин

Секретарь Центрального исполнительного комитета СССР

Москва, Кремль, 7 мая 1937 г.

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Одним из наиболее серьезных затруднений в работе по повышению квалификации следователей до сих пор является отсутствие таких методических руководств, по расследованию отдельных категорий дел, которые могли бы служить следователям не только пособием в изучении теоретических принципов методики расследования, но и способом преодоления на практике тех специфических трудностей, которые возникают в практической работе следователя.

Эти затруднения очень часто вызываются неумением следователей применить тактические и методические приемы расследования, соот-

¹ Вышестоящих.

ветствующие всем особенностям работы предприятия или учреждения, которого касается производимое расследование.

В целях представления следователям практических пособий, которые помогли бы им в преодолении этих затруднений, Прокуратура Союза ССР приступила к разработке методических руководств по расследованию отдельных видов преступлений.

Из намеченных планом руководств в ближайшее время выходят из печати:

1. Общие принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности.

2. Руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах в органах связи.

3. Руководство по методике расследования дел о хищениях и растратах материальных ценностей в строительных организациях.

Издаваемые нами руководства, являющиеся самой преследуемой ими цели, неизбежно должны быть насыщены значительными техническими сведениями. Это создает известные трудности при изучении этих руководств, особенно для малоквалифицированных работников.

Полагаться на самотек в изучении этих руководств нельзя, и ваша задача будет заключаться в том, чтобы организовать изучение следователями и прокурорами этих руководств и проверку их усвоения.

Для этого необходимо:

1. Без задержки распределять между следователями и прокурорами издаваемые Прокуратурой Союза ССР руководства.

2. При рассылке руководств устанавливать для каждого следователя и прокурора, с учетом теоретической подготовки и практического опыта каждого из них, сроки проверки усвоения ими этих руководств.

Обеспечить реальное проведение этих проверок и вместе с тем организовать необходимую консультацию для помощи в усвоении излагаемого в руководствах материала.

3. Включать в программу учебно-методических конференций, кустовых совещаний, занятий криминалистических кружков и т. п. изучение этих руководств.

4. Использовать положения, излагаемые в этих руководствах, при даче указаний следователем по отдельным делам как при обследовании следственных участков, так и при оценке полноты и качества расследования по окончательным следственным делам, поступающим в край(обл)прокуратуру.

Следственному отделу Прокуратуры Союза ССР поручено производить систематический контроль за выполнением изложенных указаний.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

3 июня 1937 г. № 40/26

О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ

Из проходящих через Прокуратуру Союза ССР следственных дел усматривается ряд часто повторяющихся нарушений, которые должны быть немедленно устранены из следственной практики.

1. По делам о должностных и хозяйственных преступлениях в ряде случаев следовате-

ли и прокуроры в процессе расследования, усматривая неполноту материалов ревизий, по которым было возбуждено дело, выносят постановления о производстве повторной ревизии, а дела приостанавливают следствием, в результате чего получается, что окончание следствия по делу крайне затягивается, так как соответствующие хозяйственные организации не сразу производят ревизию (в силу отсутствия работников, которые могут быть в данное время выделены на ревизию, и по ряду других причин); привлеченные же к уголовной ответственности лица продолжают по этим приостановленным делам находиться в положении обвиняемых.

2. В некоторых случаях следственные дела прекращаются по мотивам малозначительности и нецелесообразности предания обвиняемых суду. При этом иногда в постановлениях о прекращении дела фиксируются различные факты злоупотреблений со стороны обвиняемых, а затем дальше обосновывается нецелесообразность рассмотрения дела на суде, и дело прекращается.

Такие постановления фактически вменяют лицам, привлеченным к ответственности (или подлежащим привлечению), различные преступления, но лишают их всякой возможности оспаривать эти обвинения перед судом.

Такое положение имело место, например, по делу, расследовавшемуся в прокуратуре Таджикской ССР по обвинению б. зав. киноматрицей гр. Герзон. В постановлении о прекращении дела было указано, что гр. Герзон производила злоупотребления при выплате денежных сумм, а в результате дело было прекращено за малозначительностью.

3. По ряду дел наблюдается, что следователи, а также другие работники расследования допрашивают различных лиц в качестве подозреваемых. Обычно в качестве подозреваемых указываются лица, на которых содержится указание в поступающих к прокурору и следователю материалах, но которых следователь не считает возможным привлечь к уголовной ответственности в качестве обвиняемых, ввиду того что имеющийся материал неполон и недостаточно проверен. Тем самым ряд граждан, которые к уголовной ответственности в качестве обвиняемых не привлечены и обвинение которым не предъявлено, попадают в совершенно неопределенное положение подозреваемых и находятся в этом положении иногда длительное время, будучи лишены тех прав, которые по закону предоставлены обвиняемым.

Считая подобные явления в нашей следственной практике недопустимыми, приказываю:

1. Приостановление расследования допускать только в случаях, прямо указанных в ст. 202 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, но ни в коем случае не в связи с тем, что по делу назначается новая ревизия, проводимая по линии соответствующих хозяйственных организаций.

В соответствии с циркуляром Прокурора Союза ССР за № 17/26 от 1 апреля 1937 г., в случае неполноты представленных прокуратуре ревизионных материалов, требовать производства повторных ревизий до возбуждения уголовного дела. Если же неполнота ревизий будет вскрыта лишь в процессе следствия и

прокуратура признает необходимым требовать производства повторной ревизии, следствия не приостанавливать, а заканчивать в установленные законом сроки в пределах тех конкретных злоупотреблений, по поводу которых дело было возбуждено. Если же произведенной дополнительной ревизией будут установлены новые факты преступлений, по поводу их возбуждать самостоятельное дело.

2. Не допускать в постановлениях о прекращении дела указаний на какие-либо обстоятельства порочащего характера в отношении привлеченных или подлежащих привлечению лиц (факты различных злоупотреблений и т. д.).

При прекращении дела за малозначительностью тех или иных фактов, составляющих предмет расследуемого дела (примечание к ст. 6 УК РСФСР и соответствующим ст.ст. УК других союзных республик), не указывать в постановлении на доказанность тех или иных фактов, не предрешать того, что эти факты имели место в действительности и действительно были совершены данными лицами, а ограничиваться указанием на то, что самые факты, по поводу которых ведется расследование, не могут быть рассматриваемы как преступление в силу их малозначительности, а потому дело подлежит прекращению.

3. При допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого». Если в отношении того или иного лица имеются данные, указывающие на совершенные ими преступления, — привлекать это лицо к уголовной ответственности и допрашивать в качестве обвиняемого.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский
5 июня 1937 г. № 41/26.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ Ж. Д.

Проверкой работы прокуратуры Сталинградской ж. д., в частности дел о крушениях и авариях, установлено, что прокурор Сталинградской ж. д. т. Малов до сих пор не перестроил работы в соответствии с директивами пленума ЦК ВКП(б) и указаниями Всесоюзного совещания прокуратур дорог.

Прокуратура Сталинградской ж. д. до сих пор продолжает работать старыми, негодными методами, в результате чего в ее работе имеется целый ряд серьезных недостатков, без немедленного устранения которых нельзя выполнить поставленные перед транспортной прокуратурой задачи.

Основными недостатками в работе прокуратуры Сталинградской ж. д. являются:

1. Оперативного живого руководства следствием прокуратура не осуществляет, в результате чего сроки следствия недопустимо длинные, а качество следствия неудовлетворительно. Следователи прокуратуры лишь в незначительной степени используются для расследования дел о крушениях.

2. Представленная главной прокуратуре ж. д. транспорта информация по делам о

крушениях совершенно неудовлетворительна и несвоевременна, а иногда заведомо неправильна.

Так, например, по делу о крушении грузового поезда № 113 на ст. Тракторная 6 мая с. г. прокурор дороги т. Малов телеграфно сообщил мне, что «на месте схода обнаружен болт, на головке которого имеются следы ударов. Техническая комиссия предполагает, что болт был подложен. Расследование производится по линии НКВД».

При проверке материалов этого дела 11 мая было установлено, что никакого следствия по этом делу не проводится; по заключению технической комиссии причиной схода паровоза поезда № 113 была неисправность пути, а найденный на пути болт никакого отношения к сходу паровоза не имеет.

По большинству дел о крушениях и авариях информация дается только после неоднократных напоминаний следственного отделения главной прокуратуры, и, как правило, информация эта сводится к констатированию факта крушения без указания мероприятий со стороны прокуратуры, конкретной вины привлеченных, их характеристик и указания, является ли этот участок аварийным.

3. Прокурор дороги т. Малов устранился от наблюдения за наиболее серьезными политическими делами о крушениях (диверсии) под тем предлогом, что наблюдение за этой категорией дел ведет военный прокурор.

В результате прокуратура дороги не знала о положении следствия по этим делам. Аналогичное положение по наблюдению за следствием по этой категории дел было и на участках (Сталинградский участок — дела о диверсиях в Морозовском оперпункте НКВД).

4. В результате отсутствия оперативного руководства следствием и систематической проверки следственных дел в оперпунктах НКВД прокуратура дороги прошла мимо серьезных политических дел, следствие по которым тянулось месяцами и проводилось формально, без учета политического значения дела и вскрытия действительных виновников.

Так, например, в начале апреля месяца с. г. в Морозовском отделении движения Сталинградской ж. д. был похищен архив, который был продан в магазин сельпо как оберточная бумага. В этом архиве были документы особо важного значения: планы расположения путей и зданий, схемы устройств путей и туликов, техническо-распорядительные акты станций и другие документы, не подлежащие оглашению.

26 апреля прокурор дороги т. Малов сообщил, что виновные в хищении архива Деркач, Борисенко и Соболев привлечены к уголовной ответственности по п. «д» ст.ст. 162 и 121 УК РСФСР.

При проверке этого дела 14 мая было установлено, что следствие по этому делу проводилось совершенно неудовлетворительно: за полтора месяца допрошено только несколько человек, не привлечен к ответственности основной виновник, начальник конторы Морозовского отделения движения Князев — кулак, систематически проводивший контрреволюционную агитацию и приказавший сторожике Волковой выбросить архив отделения в угольную кладовую, а затем давший согласие кла-

довщику Деркач на хищение и продажу архива.

За полтора месяца не было произведено элементарных следственных действий (проверки архивов отделения и т. д.), в результате чего не было выяснено, что кроме указанного архива похищен также архив по крушениям и авариям за 1936 г. и также продан как оборотная бумага. Не был выяснен вопрос о роли руководителей Морозовского отделения движения, в то время как при проверке дела полностью подтвердилось преступное отношение к хранению архива со стороны начальника Морозовского отделения движения Власова.

Прокурор дороги т. Малов не придавал этому делу политического значения и в течение полтора месяцев ни разу лично не проверил материалы дела.

5. Несмотря на то что за последние месяцы по Сталинградской ж. д. произошел целый ряд серьезных крушений по причине исключительно безобразного состояния пути, а также на то, что много дел о крушениях по этой причине прошло через линсуд, прокуратура дороги не сделала анализа причин этих крушений и не поставила вопроса о работе службы пути Сталинградской ж. д., хотя имела по этому вопросу ряд сигналов.

6. Следователи прокуратуры Сталинградской ж. д. загружены массой мелких дел (Сталинградский участок — следователь Хлевнюк, 40—45 дел), в результате чего упускаются наиболее серьезные дела и не обеспечивается должного качества следствие.

Основными причинами неудовлетворительной работы и самотека в работе прокуратуры являются:

1. Отсутствие плановости и системы в работе прокуратуры.

2. Отсутствие учета работы, анализа контроля исполнения и систематического руководства со стороны прокурора дороги.

Указанные серьезные недостатки в работе прокуратуры Сталинградской ж. д. объясняются еще и тем, что прокуратура Сталинградской ж. д. оторвана от массы рабочих железнодорожников, не связана с лучшими производственниками-стахановцами, работает старыми негодными канцелярско-бюрократическими методами. Рабочего актива прокуратура не имеет, за исключением 2—3 человек на отдельных участках.

Приказываю:

1. Прокурору Сталинградской ж. д. т. Малову принять решительные меры к перестройке работы прокуратуры в соответствии с директивами пленума ЦК ВКП(б) и указаниями совещания прокуроров дорог, немедленно устранить все недочеты, отмеченные в настоящем приказе.

2. По делам о крушениях и авариях добиться действительно живого руководства следствием, ежемесячно подводя итоги работы и подавая своевременную и полную информацию главной прокуратуры ж.-д. транспорта.

3. Потребовать от своих помощников дачи письменных указаний по следственным делам

и систематической проверки дел в оперпунктах, добиться решительного сокращения сроков следствия.

4. Пересмотреть списки актива, исключить переработавших. Вовлечь в группы содействия лучших ударников-стахановцев. Установить повседневную связь с активистами, систематически созывая совещания актива для инструктажа и обмена опытом. Организовать учет работы, сообщая каждому активисту о принятых мерах по его сигналам.

5. Предупредить прокурора дороги т. Малова, что в случае, если не будет перелома в работе в ближайшие 2 месяца, будет поставлен вопрос о снятии его с должности.

Ст. пом. прокурора Союза ССР Гл. прокурор ж.-д. транспорта Сегал

5 июня 1937 г. № 402/Т60.

НАРУШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В ЧУВАШСКОЙ АССР

При проверке, по моему поручению, работы прокуратуры Чувашской АССР прокурором отдела общего надзора Прокуратуры РСФСР тов. Ростовским и зам. прокурора Московской области т. Яковлевым установлено, что работниками суда и прокуратуры Чувашии из-за угодливости и подхалимства к ответственным работникам допущено грубое нарушение социалистической законности при рассмотрении ряда уголовных дел.

Так, постановлением президиума Чувашского главсуда 1 августа 1936 г. т. Юрьеву М. Ф., обвинявшемуся по ст.ст. 111, 110 ч. 2 и 158 УК, была снижена мера уголовного наказания с 2 лет лишения свободы до 6 месяцев и-т. работ по месту работы, несмотря на то, что преступления Юрьева были вполне доказаны (избиение кино-механика Алексева, избиение своего ребенка, пришедшего за получением алиментов, и др.).

Юрьев, начиная с 1923 г., привлекался по 17 уголовным делам, неизбежно оканчивавшимся смазыванием этих дел только потому, что Юрьев является братом члена бюро обкома ВКП(б) Чувашской АССР—Юрьева П. Ф.

В нарсуде Канашского района 21 сентября 1936 г. рассмотрено было дело по гражданскому иску Чувашкинтреста к тому же Юрьеву М. Ф. на сумму 5240 руб., в то время как по этому делу Юрьев подлежал привлечению к уголовной ответственности за растрату. Угодничая перед Юрьевым, нарсудья Иванов, по предложению ответчика Юрьева, это дело рассмотрел в кабинете Юрьева.

На эти безобразные факты быв. прокурор Чувашской АССР т. Назаров и зам. прокурора Чувашской АССР Хримли своевременно не реагировали.

Протест на неправильное смягчение наказания Юрьеву М. Ф. не был своевременно принесен быв. прокурором Чувашской АССР Назаровым и заместителем его Хримли. Последний был сделан с большим опозданием по письму секретаря обкома ВКП(б) Чувашской АССР т. Андреева, указавшего в этом письме прокурору Чувашской АССР на проявленное

угодничество по отношению к Юрьеву со стороны работников суда и прокуратуры.

2. Прокуратурой Алтарского района (прокурор Кормачев) 18 декабря 1936 г. было возбуждено уголовное дело в результате происшедшего инцидента между секретарем Алатырского райкома партии Захаровым и охотниками-профессионалами братьями Цыпляевыми по спору на охоте на медведя.

Так как при этом столкновении охотников задеты были интересы секретаря райкома партии, дело это было проведено как в процессе следствия, так и в народном суде с грубейшими нарушениями революционной законности и окончилось незаконным приговором ни в чем неповинных граждан братьев Цыпляевых к 5 годам лишения свободы и рабочего Кожаяева к 3 годам лишения свободы с поражением их всех в правах.

В процессе следствия арестовывались свидетели Додонов, содержавшийся в заключении всю ночь с 18 на 19 декабря, и Аксенов, содержавшийся под стражей в течение 29 часов.

В подготовительном заседании нарсуда было отказано в просьбе обвиняемых Цыпляевых о передаче дела на рассмотрение в нарсуд другого района, несмотря на заявления, что они сомневаются в беспристрастности народного суда по делу потерпевших, в котором выступает секретарь райкома партии.

На самом судебном процессе грубейшим образом были нарушены процессуальные права обвиняемых, им было отказано в вызове свидетелей, которые могли осветить действительную роль обвиняемых по делу в случае с Захаровым. Один из обвиняемых, Цыпляев Иван, во время судебного заседания был постановлением суда удален из зала суда, как говорится в приговоре, «за неподчинение суду о прекращении выкриков, что Кожасев не виноват». По делу установлено, что Кожасев действительно никакого участия в инциденте между охотниками не принимал.

Эти вопиющие беззакония проходили при явном содействии прокурора Алатырского района Кормачева, наблюдавшего за следствием по этому делу и участвовавшего в суде в качестве государственного обвинителя по делу и требовавшего приговора к 5 годам лишения свободы обвиняемым, в то время когда эти лица не были даже виновны.

Зам. прокурора Чувашской АССР Хримли, также как и вновь назначенный прокурор Чувашской АССР Элифанов, ознакомившись с

делом по обвинению Цыпляевых и Кожаяева, проходившим в кассационном и надзорном порядке в верховном суде Чувашской АССР, прошли мимо грубейших нарушений и беззаконий, допущенных в отношении обвиняемых по делу, и не привлекли к ответственности за эти безобразия прокурора Алатырского района Кормачева и нарсудью г. Алатырь Виталина, председательствовавшего на этом суде.

3. Проверкой также установлено, что в течение 1936—1937 гг. в Чувашской АССР происходили массовые избиения колхозников и единоличников должностными лицами колхозов и сельсоветов, но должной борьбы с этим со стороны быв. прокурора Чувашской АССР Назарова (ныне наркома юстиции Чувашской АССР), а также зам. прокурора Чувашской АССР Хримли не проводилось. Энергичная борьба с этими преступлениями в прокуратуре Чувашской АССР началась лишь после предложения, сделанного бюро Комиссии партийного контроля от 29 октября 1936 г. и после мер, принятых Прокуратурой СССР и РСФСР.

При к а з ы в а ю:

1. За неправильное предание суду братьев Цыпляевых и Кожаяева, окончившееся вынесением неправосудного приговора в отношении этих лиц, предложить прокурору РСФСР немедленно привлечь к уголовной ответственности прокурора Алатырского района Кормачева и нарсудью г. Алатырь Виталина. Прокурора Алатырского района Кормачева с работы районного прокурора снять; в отношении нарсудьи Виталина поставить перед НКЮ РСФСР вопрос о снятии его с работы.

2. Зам. прокурора Чувашской АССР Хримли с работы снять и понизить в должности.

3. Прокурору Чувашской АССР Элифанову, назначенному на эту работу 28 января 1937 г., за несвоевременное принесение протеста по делу Цыпляевых, за непринятие мер в отношении работников суда и прокуратуры Алатырского района за допущенные ими беззакония объявить выговор.

4. О бездеятельности быв. прокурора Чувашской АССР Назарова по перечисленным фактам грубейших нарушений социалистической законности сообщить наркому юстиции РСФСР.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

7 июня 1936 г. № 409.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА МАРТ 1937 г.

1. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

1. О перечне продукции тяжелой промышленности, стандарты на которую утверждаются СНК Союза ССР и НКТП — пост. СНК СССР от 14 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 48).

2. Транспорт

1. О реорганизации управления путейским хозяйством на речном транспорте — пост. СНК СССР от 26 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 16, ст. 60).

3. Об улучшении учета и отчетности на водном транспорте — пост. СНК СССР от 4 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 68).

4. О разделении Узбекско-Таджикского управления Гражданского воздушного флота — пост. СНК СССР от 8 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 71).

3. Связь

5. О порядке производства работ по переустройству и переносу сооружений связи, вызываемых новым строительством, реконструкцией городов и переустройством дорог — пост. СНК СССР от 4 апреля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 70).

II. ФИНАНСЫ

6. О взимании в 1937 г. особого арендного сбора в городах Сочи, Сухуми, Гаграх, Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, Железноводске, Евпатории, Ялте и Алуште и в поселках Алушке, Симеизе, Маесте и Хосте — пост. ЦИК и СНК СССР от 17 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 44).

7. О ставках налога с оборота на мясо, мясопродукты и животные жиры — пост. СНК СССР от 22 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 16, ст. 59).

8. О порядке обложения подоходным налогом некооперированных кустарей и ремесленников без наемных рабочих — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 64).

9. Об установлении процентных отчислений от налога с оборота в бюджеты союзных ре-

спублик за 1937 г. — пост. СНК СССР от 8 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 65).

10. Об отмене постановления СНК Союза ССР от 25 января 1932 г. «О порядке обложения специальным военным налогом граждан, зачисленных в тыловое ополчение» — пост. СНК СССР от 17 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 67).

11. О ставках налога с оборота на товары табачно-махорочной промышленности — пост. СНК СССР от 4 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 69).

III. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

12. О плане лесозаготовок на 1937 г. и о мероприятиях по его осуществлению — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 45).

13. О взаимоотношениях лесозаготовительных организаций с колхозами — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 46).

14. Об обязательной поставке шерсти государству в 1937 г. — пост. СНК СССР от 16 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 15, ст. 47).

15. Об изменении «Общего таможенного тарифа по привозной торговле» — пост. СНК СССР от 27 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 17, ст. 61).

16. Об утверждении дополнения инструкции НКТП Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.» — пост. СНК СССР от 22 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 17, ст. 62).

17. Об изменении инструкции «О порядке взимания недоимок по мясопоставкам в 1937 г.» — пост. СНК СССР от 23 февраля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 66).

IV. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

18. Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 г. (СЗ 1937 г. № 18, ст. 63).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Приговор народа	1
А. Вышинский — О некоторых методах деятельности иностранных разведывательных органов и их троцкистской, правой и иной агентуры	3
Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве	13
Б. Борисов — Гражданский процесс и прокуратура	21
В. Громов — Расследование дел об убийствах без трупа	29
В. Бранецкий — Вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы	41
Б. Дубиновский — О некоторых вопросах авторского права	46
М. Шифман — Новое в законодательстве о сельскохозяйственных за- готовках	50
И. Барков — За незыблемое проведение в жизнь Сталинского устава сельхозартели	52
Г. Свердлов — Вместо фельетона	55
Обмен опытом	56
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	70
По союзным республикам	75
Актив Прокуратуры Союза ССР	87
Активы судебно-прокурорских работников на местах	93
Право, процесс, судостроительство в капиталистических странах	97
Официальный отдел	106
Сводка важнейших постановлений Правительства Союза ССР	119

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 22/VI 1937 г.

Сдано в производство 25/VI 1937 г.

Подписано к печати 14/VII 1937 г. 7,5 п. л. 19,5 авт. лист.

В одном бум. листе 216000 зн.

Формат 72×108

Ю — 4п.;

№ 422

Уполном. Главлита Б-20250.

Заказ № 933.

Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига». Москва, Мал. Дмитровка, 18.

Всесоюзный заочный юридический институт НКЮ СССР (ВЮЗИ)

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В ИНСТИТУТ И ЗАОЧНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ШКОЛУ

Обучение без отрыва от производства. Срок обучения в институте 4 года,
а в юршколе 2 года:

Всесоюзный юридический заочный институт является высшим учебным заведением. Лица, окончившие заочный юридический институт, получают диплом и все права окончивших стационарные юридические институты и квалификацию юриста, могущего работать в органах суда, прокуратуры, следствия, нотариата, адвокатуры, арбитража и т. п.

Заочная юридическая школа готовит специалистов тех же категорий средней квалификации.

В институт принимаются все граждане Союза ССР в возрасте от 17 до 45 лет, окончившие полную среднюю школу, техникум или рабфак, а также имеющие аттестаты об окончании полной средней школы в порядке экстерната.

Поступающие в институт подвергаются приемным испытаниям согласно установленным правилам приема в вузы.

В заочную юридическую школу принимаются преимущественно практические работники органов юстиции, имеющие образование не ниже 6 классов средней школы.

Поступающие в юршколу подвергаются приемным испытаниям по русскому языку, математике и политграмоте.

Заявления о приеме подаются дирекции института (Москва, ул. Герцена, 11) или в консультационные пункты и филиалы института на местах.

К заявлению должны быть приложены следующие документы: аттестат об окончании среднего учебного заведения, две фотокарточки с собственноручной подписью, заверенной учреждением или профорганизацией, и автобиография.

Подробные правила приема и все необходимые справки можно получить в канцелярии института (Москва, ул. Герцена, 11, комн. 11), ежедневно от 10 час. утра до 3 час. дня и в консультационных пунктах и филиалах института.

Прием заявлений производится с 15 июня по 1 августа 1937 г. во всех республиканских, краевых и областных центрах, помещающихся в зданиях стационарных юридических институтов или крп(обл)судов.

ДИРЕКЦИЯ.

УУЗ НКЮ СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ АСПИРАНТОВ В МОСКОВСКИЙ И ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПО СЛЕДУЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

1. Уголовное право,
2. Уголовный процесс,
3. Гражданское право,
4. Трудовое право,
5. Земельно-колхозное право,
6. Гражданский процесс,
7. Теория государства и права,
8. История государства и права,
9. Государственное право,
10. Криминалистика,
11. Международное право.

В аспирантуру принимаются лица в возрасте не старше 35 лет, имеющие законченное высшее юридическое образование и не менее 2 лет практического стажа работы в органах юстиции.

Заявления о приеме в аспирантуру подаются непосредственно в юридические институты (Москва, ул. Герцена, 11; Ленинград, Университетская набережная, 7 2) и после рассмотрения

их дирекцией института направляются вместе с заключением института в центральную отборочную комиссию НКЮ СССР.

После утверждения кандидатов в аспиранты центральной отборочной комиссией НКЮ СССР и после сдачи испытаний по философии, учению о государстве и праве, избранной специальности и по одному иностранному языку производится окончательное зачисление в аспирантуру.

Лица, зачисленные в аспирантуру, обеспечиваются стипендией и местом в общежитии (члены семьи общежитием не обеспечиваются).

К заявлению о приеме в аспирантуру должны быть приложены следующие документы: 1) диплом об окончании высшего юридического учебного заведения, 2) отзыв с места работы, 3) характеристика общественных организаций, 4) личный листок по учету кадров, 5) 2 фотокарточки.

Без вызова института выезжать на экзамены не следует.

Все справки по вопросам приема дают институты.

**Московский юридический институт им. П. И. Стучка
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ
на 1937/38 учебный год**

1. Институт готовит юристов для работы в органах суда, прокуратуры, следствия, нотариата, адвокатуры, арбитража и т. п. Срок обучения 4 года.

2. В институт принимаются граждане Союза ССР (обоих полов в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование (десятилетка, рабфак, техникум) либо получившие аттестат об окончании средней школы в порядке экстерната.

3. Окончившие среднюю школу (десятилетку) и имеющие по основным предметам отметки «отлично», а по остальным предметам (рисование, черчение, пение, музыка, физкультура) отметку не ниже «хорошо», принимаются без приемных испытаний.

Это право распространяется и на окончивших отлично среднюю школу в порядке экстерната.

4. Лица с законченным высшим образованием могут быть приняты в высшее учебное заведение при наличии у них 3-летнего производственного стажа по специальности или разрешению наркомата или ведомства, в системе которого они работают, в случае отсутствия указанного стажа.

Указанные лица принимаются без приемных испытаний при наличии свободных вакансий. При отсутствии свободных вакансий они принимаются на общих основаниях.

5. Все поступающие, за исключением лиц, указанных в пп. 3 и 4, подвергаются приемным испытаниям по следующим предметам: а) русский язык (письменное сочинение, грамматика и литература), б) политграмота, в) математика, г) физика, д) химия, е) по одному из иностранных языков — английскому, немецкому или французскому, по выбору поступающего, ж) истории и з) географии.

6. Прием заявлений о зачислении производится с 20 июня до 1 августа.

Заявления могут подаваться независимо от местожительства подающего заявление. К заявлению должны быть приложены:

а) автобиография;

б) аттестат об окончании среднего учебного заведения (в подлиннике);

в) паспорт (предъявляется при личной явке);

г) три фотографические карточки (снимки без головных уборов, желательного размером 3 × 4 см) с собственноручной подписью поступающего на каждой из них, заверенные госучреждением;

д) справки об отношении к воинской повинности (для военнообязанных).

7. Приемные испытания производятся с 1 по 20 августа, а зачисление в число студентов — с 21 по 25 августа.

8. Студенты обеспечиваются стипендией.

9. Общежитием обеспечиваются только иногородние студенты.

10. Заявления направлять по адресу: Москва, ул. Герцена, 11. Справки там же в приемной комиссии.

ДИРЕКЦИЯ.

Московским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 3 апреля 1937 г. под № 861 (восемьсот шестьдесят один)

**КООПЕРАТИВНАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АРТЕЛЬ
ЭЛЕКТРОМОТОР „ХАЯДТА“**

для развития электромоторного дела, находящаяся в ведении Мосгорметрсоюза

Адрес: Москва, ул. Кирова, 25, тел. 5-47-97